

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

2

2

~~Handwritten scribble~~

Handwritten scribble

Handwritten scribble

Am. Soc. of Gen. & Sp. of Inj.

Ex
62

Ex 2/16

Снегирёв

РУССКІЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ

Снегирёв, И. М.

ПРАЗДНИКИ

и

СУЕВѢРНЫЕ ОБРЯДЫ.

ВЫПУСКЪ I.

На нашей улицѣ праздникъ.

Русская поговорка.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1837.

DK32

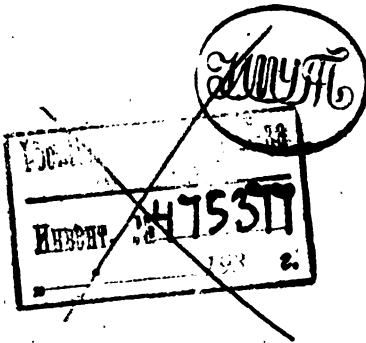
56.6

V.1-2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по напечапаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.
Москва. Февраля 20 го дня 1837 года.

Ценсоръ А. Нарезошниковъ.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

**Господину Министру Народнаго Просвѣщенія,
Государственнаго Совѣта Члену и
разныхъ орденовъ Кавалеру.**

СЕРГІЮ СЕМЕНОВИЧУ

УВАРОВУ

съ досподолжнымъ высокопочтеніемъ

посвящаетъ

сія воспоминація опечесивенной народности

Сочинитель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рускіе праздники проспонародные и соединенныя съ ними древнія повѣрья, со-спавляя завѣщанія спихіи народности, входящъ во внушреннюю Испорію Ру-скаго народа и его Древности. О важ-ности и необходимости изслѣдованія сего предмета говорили Шлёцеръ, Карамзинъ и Мишрополішъ Кіевскій Евгений. Пред-спавлено было нѣсколько опышовъ, до-спойныхъ вниманія, Гг. Глаголевымъ, Ма-каровымъ и И. Сахаровымъ. Почтенный Сочинишель книги: *о великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ, Кіевъ, 1835* г., при нѣкошорыхъ изъ нихъ приводитъ *народные обычаи*. Послѣ ешого, наконецъ и я опшваживаюсь предспавишь свой опышъ *Руской Еортологіи*, въ коемъ излагаешся общій и часпный обзоръ проспонародныхъ праздниковъ съ обрядами и опносящимися къ нимъ пѣснями. Сколько можно, мною обращено вниманіе на время и мѣспо, гдѣ и когда возникали и продолжающся сій праздники. Самое происхождение, содер-жаніе и цѣль оныхъ рѣшишельно опдѣ-ляешъ ихъ опъ церковныхъ св. празднеспвъ.

II

Я не ограничивался извѣстными и дослупными мнѣ источниками письменными (*). Какъ старинные обычаи живуще болѣе въ народѣ, чѣмъ въ книгахъ; по я собиралъ письменныя объ ешомъ свѣдѣнія и живыя преданія посредствомъ переписки или путешествій по Россіи. Не могу умолчать искренней моей благодарности нѣмъ почтеннымъ особамъ, кои содѣйствовали мнѣ въ трудѣ моемъ со-вѣтами, указаніями и доставленіемъ матеріаловъ: Гг. Профессорамъ О. А. Голубинскому, П. М. Терновскому, И. И. Давыдову, М. П. Погодину, О. Л. Моршкину, С. П. Шевыреву, Г. Магистру М. С. Гасшеву и достойнѣйшимъ сочленамъ по Обществу Исторіи и Др. Рос. А. О. Вельшману, Н. А. Полевому и Князю М. А. Оболенскому. Гг. Директоры Гимназій, Костромской Ю. Н. Баршеневъ и Тверской И. И. Лажечниковъ радушно сообщали мнѣ свѣдѣнія, собранныя ими по учебному округу чрезъ Гг. Смолришелей и Учишелей. Профессоръ И. Н. Лобой-

(*) Жалю, что я не могъ пользоваться Ключемъ къ Карамзину, сост. П. М. Спроевымъ, изданіями Археографической Экспедиціи, новыми сочиненіями о Мифологіи и Древностяхъ Гримма, Шеллинга и Шаффарика.

III

ко въ Вильнѣ, для меня опобравъ опъ своихъ спуденшовъ, уроженцевъ изъ малой, бѣлой, красной и черной Руси, записки о мѣспныхъ обычаяхъ и повѣрьяхъ, обогатилъ мое собраніе. Почтенный сочленъ по Обществу Испоріи и Древностей Росс., нашъ ревностный изыскатель отечественной старины, М. Я. Діевъ дополнял мои изслѣдованія своими наблюденіями въ Коспромской, Ярославской и частію во Владимірской Губерніяхъ. Касательно Славянскихъ Древностей я пользовался совѣтами и маперіалами Гг. Ю. И. Венелпа и I. М. Бодянскаго; а въ Липовскихъ и Польскихъ руководителями моими были Гг. В. Г. Анаспасевичъ и И. Н. Лобойко. Самъ постигая всю важность и обширность избраннаго мною предмета, объемлющаго внушрнюю жизнь Рускаго народа въ разныхъ ея эпохахъ, нахожу, что онъ пребуесть бѣльшихъ и разнообразнѣйшихъ познаній и средствъ, постояннѣйшихъ наблюдений и изслѣдований, нежели какія я имѣлъ. Чѣмъ далѣе иппи по етому поприщу, чѣмъ глубже вникаеть въ епощъ предметъ, повидимому, столь обыкновенный и знакомый, но по сущности многосложный и разносторонній, тѣмъ болѣе опкроееть новыхъ свѣдѣній и сообра-

IV

женій, важныхъ для Исторіи, Филологіи и Философіи. Какъ во время печатанія книги попадались мнѣ неизвѣстные матеріалы: но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были неизбѣжными повторы и опущенія; въ чемъ я прошу извиненія у строгихъ требователей порядка.

Кажется, мой опытъ уже сдѣлается лишнимъ, если послужитъ матеріаломъ для будущихъ изыскателей Руской Древности въ живыхъ ея источникахъ, кои время отъ времени изсякаютъ въ народѣ; а трудъ мой будетъ награжденъ, если вызоветъ новыхъ изслѣдователей (*) и если заслужитъ вниманіе благонамѣренныхъ соотечественниковъ, и пусть самымъ поощреніемъ меня къ продолженію сего изданія, въ коемъ помѣстится самое описаніе просло-народныхъ праздниковъ въ древнія и новыя времена.

И. Снегиревъ.

1837 г.

Февраля 3.

(*) Я готовъ съ благодарностію помѣщать въ слѣдующихъ книжкахъ дѣльныя замѣчанія благонамѣренныхъ наблюдателей для того, чтобы въ одномъ сочиненіи соединилось то, что къ нему относится.

РУСКИЕ

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

ОБЩИЙ ОБЗОРЪ.

ВВЕДЕНИЕ.

Однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ къ сближенію людей и народовъ и однимъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ къ познанію внѣшней и внутрѣнной жизни каждаго народа служатъ его праздники съ относящимися къ нимъ суевѣрными обрядами, хороводами, пѣснями и играми. Въсплъ съ первыми вѣрованіями возникши въ колыбели человѣчества, по опкровенію самой природы, при образованіи перваго общесства, они выражаютъ въ себѣ древній бытъ народа, климатъ той страны, гдѣ онъ жилъ, его понятія объ Астрономіи, Естествовѣдѣніи, Правспвенности — его Вѣрованіе, Исторію и Поэзію. Какъ Вѣрованіе проникаетъ цѣлую жизнь народа: по и гражданскія пошановленія и сѣмейные обычаи связуются пѣснѣйшимъ союзомъ съ его мѣтами и повѣрьями, съ его преданіями и сказаніями, съ колыбельными пѣснями его младенчесства, къ коему сердцу невольно обращается во всѣхъ возрастахъ человека. Народные праздники торжественно и радостно обнаруживая нравспвенныя и религіозныя чувствованія, доставляютъ участникамъ въ оныхъ льготу и наслажденіе. Нигдѣ съ такою полно-

шой и свободою не раскрывается личность народная, какъ въ праздникахъ; нигдѣ сполько, какъ въ нихъ, не сближаются люди душою и сердцемъ. Тамъ укрѣпляется старое и заводятся новое знакомство, тамъ обмѣниваются мыслями и чувствованіями, тамъ частное дѣлается общимъ, прошедшее и будущее обращается въ сладостное настоящее: тамъ любимый просторъ уму и разгулъ душѣ.

Большая часть праздниковъ народныхъ родилась въ древнемъ Язычествѣ, гдѣ съ богослужебными обрядами соединяемо было судопроизводство и промышленность; отъ сего гдѣ быть торгъ, тамъ судъ и расправа. Имѣя тѣсную связь съ вѣшнею природою и съ внутреннею жизнью народа, праздники ведутъ свое начало отъ его глубокой Древности, входя въ составъ его Исторіи, живописуютъ его духъ и характеръ, намѣкаютъ на коренный бытъ и на основныя его идеи. Учрежденные по естественнымъ эпохамъ года, они объясняются и освящаются мѣрами народными, кои содержатъ въ себѣ повѣрья о божествѣ, человѣчествѣ и природѣ. Какъ поэзія жизни народной, они сливаются съ символами и иносказаніями, пѣснью и пляскою — языкомъ души и сердца для всѣхъ понятнымъ.

Всѣ народы имѣютъ природную склонность выражать торжественно радость и печаль. Самъ Богъ учредилъ и освятилъ праздники въ народѣ Еврейскомъ для воспоминанія Своихъ къ нему благодарностей, для возбужденія въ немъ благоговѣйныхъ чувствованій и для обвеселенія сердець въ дни покоя и свободы (1). »Первые праздники у Грековъ, говоритъ Аристопель, ознаменованы были радостію и благодареніемъ. По собраніи плодовъ земныхъ, народъ сходился въ избранныя мѣста для жертвоприношеній и для веселія, ощущаемаго имъ при изобиліи благъ земныхъ.» (2)

Хотя праздники у всѣхъ народовъ древняго и новаго міра имѣютъ общія начала, какъ бы прирожденные человѣчеству; однако естественныя и нравственныя причины различія людей оплечаютъ оныя по цѣли и по выраженію: оны сего происходятъ различіе въ праздникахъ у воинственныхъ и мирныхъ племенъ, у земледѣльческихъ и паспущескихъ, у дикихъ и просвѣщенныхъ, у языческихъ и Христіанскихъ, у жителей горъ и

(1) Dictionnaire historique, critique etc. de la Bible, par A. Calmet, t. III. à Toulouse, 1783. 8.

(2) Aristot. polit. 2, 7. — Strabo Geogr. IX. Βαφῆ μὲν τῶν Ἑλληνικῆς Ἀρχαίων. X. I. Halle, 1826. 8.

долинъ, у восточныхъ и сѣверныхъ народовъ. Въспѣтъ съ переселеніемъ и смѣшаніемъ племень переселяюща и смѣшивающа съ другими ихъ повѣрья и обычаи; оны сего въ Римскихъ праздникахъ находимъ слѣды Греческихъ, въ Славянскихъ вліяніе ихъ и другихъ, съ примѣсю Скандинавскихъ, Германскихъ, Финнскихъ и Восточныхъ.

Болѣе или менѣе явственныя оспанки Славяно-Рускаго богоученія въ Язычествѣ замѣтны въ повѣрьяхъ, обрядахъ и праздникахъ народныхъ, какіе сохранились преданіями и донынѣ существующи въ Россіи и въ ихъ странахъ Европы, гдѣ только прокладывало себѣ слѣдъ Славянское племя и гдѣ звучало его слово. Священныя шоржества у ешаго племени, подобно какъ и у другихъ сѣверныхъ народовъ, сопровождались мольбами, обѣдами и жертвоприношеніями, гаданіемъ, пѣніемъ и плясками, или играми, обществеными пиршествами и взаимными дарами: оны служили къ утверженію союза и братства, свойственнаго паспушескимъ и земледѣльческимъ племенамъ. Сіи дни общаго веселія, приурочиваясь къ временамъ года, бывали у нихъ днями судовъ народныхъ и шорговъ, сроками работъ и полюбовныхъ сдѣлокъ. У Поляковъ gody

значить народный увеселительный праздник, пиршество, которое у других Славянских племен называется Swatki (Свяпки) и Lato. Русское слово *торжество* происходит от *торга*, сродного с Сео-Готским *torg*. Самое слово *праздникъ* выражаетъ упрядненіе, свободу отъ буднишнихъ трудовъ, соединенную съ веселіемъ и радостью. *Праздникъ* есть свободное время, освященное богопочтеніемъ, *обрядъ* — знаменательное дѣйствіе, принятый способъ совершенія поржеспвенныхъ дѣйствій; послѣдній содержился въ первомъ.

Рускіе народные праздники, по ближайшему отношенію къ мифамъ и повѣрьямъ, къ внутренней Испоріи и Древностямъ народа, составляютъ часть Археологіи — Еортологію (*ѳортѣ* праздникъ и *лѳоуос* ученіе), или ученіе о праздникахъ, входящихъ въ составъ народнаго календаря. Различествуя по цѣли и сущности своей отъ церковныхъ, хрїстіанскихъ празднествъ, древніе праздники народа остались отъ древняго его быта, какъ опечеспвенные обычаи, обратившіеся въ игру его жизни (3).

(3) Die Feste der alten Christen, von D. J. Augusti, I — IV. Leipzig. 1817. 8. — Religions de l'Antiquité,

Испочникомъ проспонародныхъ празд-
 несвъ и обрядовъ супъ вѣрованія и обычаи,
 кои даюпъ имъ особенную форму и харакперъ
 сообразно съ мѣспноспію. Опъ различія въ
 духъ пѣхъ и другихъ происходипъ разли-
 чіе въ самыхъ праздникахъ, какое видимъ
 въ Россіи, по количеспву великой и малой,
 по качеспву бѣлой, черной и красной.
 Древній лѣпописецъ изобразилъ намъ несход-
 спво нравовъ и обычаевъ у спарожиловъ и
 заморскихъ пришлецовъ въ Рускомъ мірѣ (4),
 у копорыхъ были свои вѣрованія и обряды,
 пакъ какъ у племень, въ послѣдспвіи насе-
 лившихъ южную и сѣверовоспочную Россію.
 Хопя у епихъ племень, и попомковъ и преем-
 никовъ ихъ, опкрываеппся нѣкопорое сходспво
 въ повѣрьяхъ и обычаяхъ; однако еспъ многія
 мѣспныя особенноспи, о коихъ гласишъ и
 пословица: *Что городъ, то норовъ; что деревня,
 то обычай; что подворье, то повѣрье.*

Съ перемѣною образа жизни и правле-
 нія, вѣры и нравовъ, перемѣнялись въ суще-

ouvrage du F. Creuzer, trad. par I. Guignaut, t.
 I—III. à Paris. 1825. 8. — Antisymbolik von I.
 F. Voss, Stuttg. 1824. 8.

(4) Лѣпопись Несторова по Лаврент. сп. М.
 1824, въ 4.

спѣвъ и видѣ своемъ, или совершенно уничтожились древніе мѣны и праздники въ Рускомъ мѣрѣ, замѣняясь священными, хрістіанскими, или обычаями благочестивыми, кои противоположны были языческимъ. Ревностнѣ паспѣвирѣй Церкви испребляла капища и кумиры опечесивенныхъ боговъ, снрого запрещаа суевѣрїа, кои называли они въ посламїяхъ своихъ *Еллинскими, Латинскими, блсовскими, дясольскими* (5). О подробностяхъ языческой религіи умалчиваюпъ благочестивыя глѣпописцы наши, вѣролпно по тому, чпобъ самымъ напомниманїемъ не подасть поводъ къ соблазну едопчичамъ, еще неушвердившимся въ православїи, Оуждая внѣшніе языческіе обряаи, обряды и повѣрїа, какъ противоположныя чпстности вѣры Хрістіанской, первые ея: пресовѣдники въ Россїи — Греки не говорили о чуждыхъ себѣ божеспвахъ, въ чеспъ конхъ по привычкѣ совершались оныя, и даже послѣ введенїа Хрістіанской вѣры, еще удерживались въ народѣ древнїа суевѣрїа, съ коими онъ среднїлся и не легко могъ опъ нихъ опспывать; подъ видомъ обычной игры и попѣхъ онъ уклонялся въ дремучїа дубравы или въ кльпи совер-

(5) *Antichità Romantiche. d'Italia; sulle feste. Milano. 1829. 8.*

наль шайкомъ завѣщныя обряды. Въ двухвѣковое владычество Татаръ надъ Россією священныя успавы Церкви, по выраженію Царя Іоанна IV, *погашивались*, и возобновились суевѣрные обряды, *поганскіе обычаи*, игры, *ноби бѣсовскія*, *Радунцы*, *Русальи* обѣ Ивановѣ дни и *кудеси*, конъ запрещаюныя Снопглаголомъ и о конхъ въ послѣдствіи предложена объясненіе. Изъ лѣтописи видимъ, что Новгородцы 1358 г. „упвердились мажду собою крестнымъ цѣлованіемъ игранія бѣсовскаго не любипи и бочекъ не биши (6)“. Кормчая, Номоканонъ, Снопглавъ, Духовный Регламентъ и пасыбскія посланія Священнейшей Россійскихъ упоминають о разныхъ повѣркахъ Языческаго, кои изъ городовъ переселялись въ села и деревни, отъ высшаго сословія народа переходили къ низшему. Сколь ни выпѣнялись и ни изкоренялись опасныя народныя обычаи въ вѣкъ Петра I; однако они пробивались въ разныхъ мѣстахъ и при разныхъ случаяхъ. Что испреблялось въ одномъ мѣстѣ, то удерживалось въ другомъ. Нерѣдко отъ древняго языческаго богослуженія оставались въ народѣ однѣ принад-

(6) Софійскій временникъ, или Руская лѣтопись съ 862 по 1534 г. М. 2 ч. 1820. 4.

лежності онаго — игра, хороводъ, пѣсня, пиршество, заповѣдное дерево, камень, испочникъ, городище, мѣстѣ прежнихъ *требищъ, тризницъ, торжищъ*, или сборовъ праздничныхъ (7). Но какъ самородныя, коренныя мысли народа и признаки древняго его быта и вѣрованія открываются и въ ешихъ немецкихъ описанкахъ: по изъ нихъ мы постараемся вывести черты его Миеологии, какъ основанія праздниковъ народныхъ.

Дунайскіе Славяне, извѣстные Византійскому Историку Прокопію, VI вѣка по Р. Х., по свидѣтельству его, „признавали единымъ Богомъ и владыкою міра, Творца молніи; сверхъ того, почитали рѣки, нимфы и другихъ духовъ (8).“ Но когда сіи Славяне расселились и раздробились по сѣверо-восточнымъ частямъ Европы: по и релігіозныя понятія и смѣшались съ понятіями ихъ народовъ, съ которыми они сближались; отъ сего и различіе въ Миеологии Славянъ юго-западныхъ и сѣверо-восточныхъ, у которыхъ единство мысли о божествѣ, произшедшее отъ первобытнаго единства вѣрованія, распалось на частни и образы.

(7) Привѣчанія на Исторію Леклерка, соч. Болтина, 2 ч. С.П. 1788. 4. (8) de bello gothico, III, 14. *Helmoldi Chron. Slavorum*, I, с. 84.

Въроятно, что и религія заморскихъ пришле-
цевъ слилась съ религіею Финновъ и Славянъ; по-
тому что нѣ и другіе находили сходство въ бо-
жествахъ своихъ. Скандинавскій *Фіоргунъ* (Fírgun),
жизнодапель, нечуждымъ показался Сла-
вянскому *Перуну* (*пѣръ* огонь, *ріогун* молнія), опло-
дотворяющему землю, а *Волось* послѣднихъ *Вал-*
ассу (Vali-áss, Val-áss) первыхъ, какъ божества,
покровительствующія земледѣлію и спопо-
водству. Скандинавскій *Бель*, или *Баль*, бо-
жество огня и свѣта, сходное съ Азіатскимъ
Баломъ, и *Торъ* громоносный, съ мѣломъ въ
рукѣ (*Mjölner* молнія?) перешли въ *Бѣлбога* и
Чернобога, означающихъ двойственность Славян-
ской религіи, отъ коей Германская различает-
ся своею происхожденіемъ; Скандинавскій
Одинъ или *Водни* въроятно преобразился въ
Водянаго.

В. К. Владиміръ I въ язычествѣ своемъ,
вмѣстѣ съ соединеніемъ разныхъ народцевъ,
населявшихъ тогдашнюю Русь, соединилъ въ
спольномъ градѣ своемъ Кіевѣ и семь ихъ глав-
ныхъ Божествъ, именно: *Перуна*, *Волоса*, *Даждь-*
бога, *Стрибога*, *Хорса*, *Семаргла* и *Мокоша*. Ку-
миръ первенствующаго изъ нихъ, Перуна, обо-

(9) *Wassermann*, *Edda Saemund.* т. III. *Harms*, 1828.

4. *Волось* (Val-áss) соотношъ изъ словъ: *волъ*,
пуръ и *ассъ*, *азъ* (Скандин. *ás*, *áss*) богъ.

жаемъ былъ и на Днѣпръ и на Волховъ , первый низринупъ былъ по введеніи Хрістіанства (10). Въ Чепьѣ Минеи Св. Димитрія описываюція слѣдующія, пославленные въ Кіевъ Владиміромъ божества: „Начальнѣйшій *Перунъ*, его же въроваху быши бога грому и молніямъ и облакомъ дождевымъ ; впорый *Волосъ* , мнимый быши богъ скошовъ ; претій *Позвиздъ* или *Вихоръ* , богъ воздуха ; чепвертый *Ладо* , богъ веселія ; пятый *Купало* , богъ плодовъ земныхъ ; шестый *Колдѣ* , богъ празднованія , въ зимъ бывающаго, и иніи меньши боги, не почію въ Кіевъ , но и по всѣмъ Россійскія державы спранамъ“ (11). Въ большой Макарьевской Миней упоминаюція только испребленные В. К. Владиміромъ идола: *Перунъ*, *Хорсъ*, *Дажбъ*, *Мокошь*, *Волосъ*.

Подъ вліяніемъ Хрістіанства, народъ, забывая наконецъ своихъ главныхъ боговъ, припоминалъ только впороспепенныхъ и особенно миѣ физическіе , кои имѣюшъ предметомъ олицепворенныя явленія и силы естества , или символы жишейскихъ потребностей ,

(10) Крашкое обозрѣніе Миѣологии Славянъ Росс. П. Строева. М. 1815. 8. — Mythologie der alten Deutschen u. Slaven, von Dr. Lfanz. 2 Th. Znaim, 1827. 8.

(11) Чепьѣ Миней, Іюля 15, жише В. К. Владиміра.

каковы: *Ярило*, *Купало*, *Ладъ*, *Чуръ*, *Авсень*, или *Таусень*, *Зничъ*, *Веснянки*, *Осенянки* и *Зимнянки*, *Водяны*, или *Водяныя*, *Моряны*, *Огняны*, извѣспныя и *Карпатороссамъ*, *Вѣтрыны*, также *Русалки* (12), *Кикиморы*, *Карачуны*, *Яга-баба* и *Влдъмы*. По мнѣнію народа, въ лѣсахъ владычествовалъ *Лышей*, въ поляхъ *Полевой*, въ домахъ *дѣдушка Домовой*, копорый бывалъ и *Постенемъ*, а въ подпольяхъ *Лизуномъ*. Всѣ сіи существва мистическія болѣе или менѣе входящъ въ семейный бытъ проспаго народа, содѣйствуютъ или пропиводѣйствуютъ ему въ жизни, ублажающа жерпвами или изгоняюща заклинаніями и особенными обрядами (13), изъ коихъ многіе недавно испребились. Только 1765 г. уничтожень *Тихономъ I* въ *Воронежъ*, 1771 г. въ *Коспромѣ* *Симономъ*, а въ *Твери* *Меодіемъ* 1805 г. праздникъ въ честь *Ярила*, нашего *Еропа* и *Лингама* (14), копорый, по словамъ *Терарха*, въ шѣхъ спрапахъ почишаемъ былъ за

(12) По свидѣтельствву *Татищева*, *Св. Димитрій Рост.* написалъ о *Русалкахъ* пространное сочиненіе, копорое онъ у него самъ видѣлъ. И. Р. кн. I, г. 2.

(13) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Рускихъ, *Г. Успенскаго*, 2 ч. Харьков. 1818. въ 8.

(14) Описаніе жизни и подвиговъ *Преосв. Тихона*. изд. 2. М. 1820. 8.

бога до введенія Хрістіанской вѣры: Ярилу предспавлялъ избранный опъ міра чело-вѣкъ, копорого, предъ заговѣньемъ Пешрова поста, обвязывали всякими цвѣшпами, лен-пами и колокольчиками, и надѣвъ на голову высокій колпакъ съ ленпами, водили съ плясками по площади. Такое жь почти празд-неспво бывало въ селеніяхъ Рязанской и Тамбовской Губерній. — Хопя *Лады*, Нарушевичъ не находипъ ни въ Липовской Ми-еологіи, ни у Германскихъ Славянь, но у однихъ Рускихъ, у копорыхъ Ладо вспоми-нается въ слѣд. пословицѣ: *Не недобно и кладъ, коли у мужа съ женою ладъ* (15); однако въ экземплярѣ Кромеровой Испоріи, хранящем-ся въ Рижской публ. библіотекѣ, написано спариннымъ почеркомъ слѣдующее: „И въ „наше время Липовцы, равно какъ Лешпы „и Кури призываюшъ Ледо или Ладо около „Иванова дня. Тогда, по спаринному суевѣ-„рію, украшаюшъ они цвѣшпами и древесными „лиспьями испочники, и собираюшъ правы, „кои почипаюшъ полезными опъ всякой бо-„лѣзни.“ Ладъ у Карпашо-Россовъ празднуеш-ся въ день Купалы. Нашъ *Ладъ* и *Ладо*, какъ

(15) Извѣстный припѣвъ: ай *дидо ладо*, не со-стоишъ ли изъ Греческаго слова *δέϊδω* *дидо*, боюсь и *ладо*—мужа? чшѣ подтверждается смысломъ пѣсни.

купа, сходны съ Римскими Яномъ и Яною, (Deiva Jana), богомъ солнца и богинею луны, воспѣваемыми въ Салійскихъ пѣсняхъ. Хотя Карамзинъ и говоритъ, будто не извѣстно ни одной старинной пѣсни, гдѣ бы воспѣвалось имя *Купала* (16); но мы предскажемъ довольно такихъ пѣсень. *Купало* и *Купальница*, какъ увидимъ, извѣстны почти во всей Россіи.

Сколько въ Россіи есть урочищъ, запечатлѣнныхъ именемъ языческихъ боговъ и служащихъ мѣспомъ для игрищъ! *Перунъ* есть урочище въ Новгородской Губерніи въ Устюженскомъ уѣздѣ; *Перунина пустыня* въ Весьегонскомъ уѣздѣ на ручьѣ Задворевскомъ; *Перуново* или *Ладовичино* въ Ржевскомъ уѣздѣ; *Перуновъ* въ Полоцкомъ повѣтѣ; *Перунова рѣчь* въ Кіевѣ. Воспоминаніе о Волосѣ сохранилось въ *Волосовой улицѣ* или *Волосовѣ* въ Новгородѣ и въ суевѣрныхъ обрядахъ *Опахиванья*, или *Коровьей смерти*. *Туръ* часто повпоряется въ названіяхъ рѣкъ, горъ, селеній *Туровыхъ*, *Туровскихъ*. По Троицкой дорогѣ близъ Воздвиженскаго есть городецъ *Бѣлые боги*, нынѣ *Бѣльскій станъ*, или *Бѣлухинская роца* (коршомá), гдѣ, по старому преданію, на высокомъ холмѣ спояла дубрава

(16) Карамз. II. Г. Р. I. прим. 208. Сходство есть съ Латш. sorula, союзъ, купа.

заповѣдная, а въ ней было капище. Яриломъ слыветъ ярма вѣ Орежбургской Г., а *Купальщицею* — въ Переславѣ Залѣскомъ, гдѣ, подобно какъ въ Ростновѣ въ XII в., при Царѣ Василѣ Шуйскомъ существовалъ камень (Волось вѣрояшно), въ честь коего совершалось празднество 19 Юня (16). Подобно древнимъ народамъ мѣра, у Славянъ огромные камни были предметами обожанія: слѣды сего донынѣ сохранились суевѣрїемъ. Недалеко отъ Москвы близъ села Архангельскаго въ лѣсу находилъся яма, копорую почипають мѣспомъ идола *Тучева*, вѣрояшно, аеролипа, упавшаго изъ пучи. Въ описаніи древнихъ городовъ Рускихъ дальнихъ и ближнихъ упоминается *Короуновъ камень* (17). Въ Тульской Губерніи въ Одоевскомъ у. у просполоудиновъ находяцца въ великомъ уваженіи два большіе камня, *Баиъ* и *Башиха*, подобно Черемисскому Чембулашкѣ; на Ладожскомъ озерѣ, на оспровѣ Коневцѣ лежиць въ лѣсу *Коня камень*, коему въ XV вѣкѣ ежегодно приносили въ жерпву коня (18), а въ Ефремовскомъ у. на берегу Красивой Мечи вокругъ *Коня камня* совершается

(16) рукоп. житіе Преп. Ирнарха Росиовскаго.

(17) *Карамз.* И. Г. Р. IV, прим. 387.

(18) Исторія Росс. Іерархіа, ч. IV, М. 1812. стр. 627.

Опакнванье во время смогскаго падежа. Доселъ еще не истребилось въ проскомъ народѣ особенное почтеніе къ нѣкомерымъ колодезямъ или оупуденцамъ и озерамъ, коимъ, по свидѣтельству лѣтописей нашихъ, онѣ приносили шребы и шамъ совершалъ гаданія и омовенія, также древнимъ дупловатымъ деревьямъ, особенно дубамъ, кои и въ Сѣверной Германіи почитались священными даже по водвореніи Хрістіанства.

Вообще все, что сохранилось въ народѣ преданіемъ отъ древняго богоученія, больше и больше принимало форму проспаго суевѣрія и перья коренное свое значеніе, присоединялось къ хрістіанскимъ праздникамъ и обрядамъ въ видѣ спараго обычая и повѣрья; нерѣдко невѣжесиво и закоснѣлая привычка смѣшивали давно знакомыя имъ принадлежноспи языческихъ божеспвъ съ хрістіанскими святыими, съ шоржеспвами церкви обряды капищъ идольскихъ; на мѣспѣ коихъ, большею часпію, сооружены первыя церкви или часовни, какія находящя въ Кіевѣ, Новгородѣ и ш. д. Не возможно было искоренитп однимъ разомъ то, съ чѣмъ свыклась душа и что поддерживало самобытностп народа, копорый спарался удержатп празднеспва и повѣрья своей древностпи пошому еще,

475377

чно они соединены были съ различными играми и увеселеніями. Константинъ Великій, уже по введеніи Хрістіанской вѣры въ Имперію, не запретилъ продолжанія древніе обычаевъ, въ постановленіи своемъ касательно оныхъ. В. К. Владиміръ I, уже просвѣщенный Евангеліемъ, допускалъ нѣкоторыя обычаи старинныя — *жилише по устроению дядю и отцу* (19). Изъ снисхожденія къ закосяцѣлымъ суевѣріямъ и проспогъ ума народа, проповѣдники Хрістіанской вѣры, желая ослабить языческія суевѣрія, перепѣли ихъ между самими Хрістіанами (20), у которыхъ унижались оныя превращеніемъ въ пошѣхи и увеселенія; они переводили имена опечеспвленныхъ боговъ народа на имена свящыхъ, и чѣмъ прежде въ его быту завѣдывали первые, тѣмъ въ послѣдствіи спали завѣдывать другіе: опъ сего вѣроятно произошли прозванія свящыхъ, заиспвоваемыхъ опъ спихій, климаца, времянь года, оныхъ предметовъ домашняго быта и сельскихъ шрудовъ, напр: *Борисъ и Глѣбъ*, въ Бѣлорусіи черныи и бѣлый хлѣбъ, по всей Россіи *Илья Пророкъ*, представившеть грома, заступившій мѣсто

(19) Обзорніе книги Коричей, объясн. *Барона Розенкампа*. М. 1829. 8.

(20) Вѣстникъ Европы, 1826, No 4.

Перуна (21), *Св. Геремія зарыццельнык*, *Св. Феодо-сія колосляница*, *Св. Агриппина купальница* и н. д. *Св. Власій заманель низверженнаго Волоса*, бога скопця, о маторомъ дѣлнхъ напоминаетъ праздниць *Валь-оксъ*, онпправляемый Мордвою, попомжамъ Ростовской Мери; *Богданъ замѣстилъ Давидъ-бога*. И наборотъ, иногда Христіанскимъ свѣдѣннхъ невѣжество черни придавало видъ думировъ своего Язычества: пакъ *Св. Крестнищеля Іоанна* ово обращило въ *Купялу*; *Св. Виша* на островѣ Рюгенѣ, по свѣдѣннхъ Гельмольда, въ *Свѣшовида* на бѣдомѣ конѣ, или свѣшнаго выпляза, котораго смѣшивали съ *Св. Георгіемъ* (22), даже св. иконы называли *богамъ* и св. церкви *божницами*. Поморане, въ 1124 г., изъявляли желаніе поклоняться и старымъ божкамъ своимъ и вмѣстѣ *Иисусу Христу*; въ старинныхъ пѣсняхъ Рускихъ *Троица* и *Богородица* воспѣваются вмѣстѣ съ *Ладомъ*. Попомъ, собснвенныя имена боговъ переходили въ нарицательныя, подобно какъ онѣ прежде изъ нарицательныхъ сдѣлались собснвенными, отличая предметы чувсвенныя, ихъ дѣйствія и

(21) Рускіе въ своихъ пословицахъ. И. С. кн. 4, 1834. 13.

(22) Pommerische Kirchenchronik, d. D. Grametim. zu alt. Stettin, an, 1803. 4.

своѣства , напр : *Перунъ* , *Погода* , *Ладъ* , *Чуръ* и ш. д. Возбужденное благоговѣніемъ къ Хр. вѣрѣ омерзѣніе къ древнему идолопоклонству превращало имена боговъ въ ругательства— *Тора* въ *чѣрта* , въ Нѣмецкаго *Эфос* болвана , дурака, сходнаго съ Черемисскимъ *чортомъ*, *Буга* или *Бука* въ пугалища , кумиры боговъ въ *болваны* и *чурбаны* (23) , шакже самыхъ божичей , не упоминая ихъ наслояція имена, просто называли *бѣсами*.

Чесновать предметы своего благоговѣнія праздниками сродно челоѣку , для котораго вѣрованіе заключаешъ въ себѣ прошекшее и будущее, божество и міръ духовный, природу и его самого. Въ его праздникахъ выражаюпся его обѣщанія, надежды и воспоминаніе собственнаго прошедшаго , которое для него становилпся кумиромъ. Съ истребленіемъ внѣшняго идолослуженія при введеніи вѣры Хрістіанской въ Россію, понятія тогда преобладавшаго Языческаго, внѣдрясь въ духъ и бытъ народа , проявлялись въ древнихъ праздникахъ его и повѣрьяхъ, даже Хрістіанскія шоржества Церкви получали названія языческихъ, какъ напр: *Русальская недѣля* , *Купало* , *Ра-*

(23) У Исландцевъ *Ruki*, у Шведовъ *Ruke*, у Англичанъ *Ruck* , встрѣчающійся у Шекспира.

дуница. Но праздники церковные и народные по духу и цѣли своей различны, хотя суевѣріе и невѣжество примѣшиваются одни къ другимъ. Церковные праздники, кои свидѣтельствуютъ объ истинѣ событій, составляющихъ сущность Вѣры Хрістіанской, представляютъ разительную противоположность съ древними языческими, проспонародными; ибо одни, какъ живые уроки объ истинахъ Евангельскихъ, введены Церковію для возбужденія въ насъ благоговѣнія и благодарности къ Богу (24), а другіе, созданные свободною фантазіей народа во штыль Язычества, имѣютъ отношеніе и приложеніе къ древнему его быту, жизни, и какъ поэтическое выраженіе оныхъ. У первыхъ предметомъ духовности, у другихъ болѣе чувственности: одни возбуждаютъ благоговѣныя и высокія ощущенія, а другіе обращаются въ веселіе и забаву, какимъ предается народъ по естественному влеченію поврежденнаго человѣчества и по укоренившейся привычкѣ. Хотя послѣдніе иногда совпадаютъ въ дни первыхъ; но мы будемъ различать ошдѣльно проспонародные праздники Рускихъ Славянъ, какъ

(24) О великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ. 1835. 12.

оспашки языческихъ, опъ хрістіанскихъ поржесствъ, подчиція первые, сколько возможно, условіямъ времени и мѣста.

§ 1. Въ первомъ отношеніи они древніе и новые: одни образованные въ Язычествѣ и удержавшіеся въ Хрістіанствѣ до XVIII, а другіе съ XVIII вѣка до нашихъ временъ.

Не извѣстно, какъ Славяне жили въ дикомъ и грубомъ сословіи — сперва родами, потомъ и племенами; праздники ихъ климата и духа, вѣроятно начинающія вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ главныхъ потребностей жизни, вытекающія изъ общежительства. Глубокая древность есть причина, что мы не знаемъ съ хронологическою точностію успановленія религиозныхъ поржесствъ, кои древнѣе житейскихъ; праздники, происходящіе опъ разныхъ занятій въ году, у Славянъ Рускихъ появились позднѣе, чѣмъ у Славянъ западныхъ; ибо въ Руской землѣ, по суровому климату и мѣстности, жили единообразно; начало ихъ праздниковъ съ вѣроятностію отнесши можно не далѣе, какъ къ VII или VIII вѣку по Р. Х.

Праздники съ жертвоприношеніями были главною принадлежностію древняго богослуженія у Славянъ, пакъ какъ у наро-

довъ древняго міра; жрецы, которые вѣдали лѣтосчисленіе и времена праздниковъ въ честь разныхъ божествъ, назначали мѣсяціемъ жребіа шоржесшва и жершвопринишениа, на кои спекались мужи и жены съ дѣшми (25). У народцевъ, населявшихъ Сѣверъ нашъ, въ самой Древности существовали *игрища между селу*, на коихъ они брали себѣ женъ, и *Тризна* надъ мершвецемъ; опечесшвенные писашели наши, упоминая о сходбищахъ на игрища, на плясанье, пѣніе, на борьбы и битвы дреколіемъ, кои бывали въ божественные праздники, умалчиваютъ о томъ, въ честь какихъ божествъ совершались сіи позорища. Съ точностію нельзя сказать, чтобы существовали на нашемъ Сѣверѣ храмы и капища боговъ и божницы, изъ коихъ упоминается въ лѣтописи одна *Турова божница* (26). Въ роашнѣе, что мѣсяцаи богослуженій были городищи, камни жершвенные, берега рѣкъ и озеръ, мосшы, горы и дубравы священныя, кои у Германскихъ племенъ были шакже мѣсяцаи суда и расправы, а жрецы ихъ судьями.

(25) *A. Crantz Saxonia. Francof. 1611, f.*

(26) *Карамз. И. Г. Р. ч. I.*

Въ приписаніомъ В. К. Владиміру Уставѣ, въпрочемъ важномъ для насъ по своей древности, упоминающіяся обряды и повѣрья Лычеспва, какъ-нио: „о моленъ подь овиномъ и роцею, „или у воды, чародѣліи, волхвованіи“ и п. д. Преп. Неспоръ, близкій ко временамъ Лычеспва въ Россіи, свидѣтельствуесть, что еще при немъ „схожахуся на игрица, и на „пласанье и на вся бѣсовская игрица. Видимъ „бо игрица ушлоченна и людіи много множе- „спво, яко упихаша начнушь другъ друга, позо- „рица дѣюще опъ бѣса замѣшленнаго дѣла.“ Сходное съ епимъ упоминаесть въ Кормчей кн. гл. 17. Рускій переводчикъ Св. Григоріа Богослова въ XI вѣкѣ вспавилъ опъ себя въ нексъ слѣдующее замѣчаніе, касающееся суевѣрій его опечеспва: „Овъ прѣбу спво „ри на сподуенци дѣжда иски опъ ніего, „забывъ яко Богъ съ небесе дѣждъ даесть. Овъ „несущимъ богомъ жреть и Бога спворъ- „шаго небо и землю раздражаесть. Овъ рѣку „богню нарицаесть и звѣрь живіющъ въ ней „яко Бога нарицаа, прѣбу пворипъ“ и п. д. (27). Въ Номоканонѣ, напечатанномъ во Львовѣ 1648 г., пишеться слѣдующес: „О

(27) Библіографическіе листы П. Кеппена, С. П. 1825, Но 7. стр. 88. 4.

„вѣрныхъ, послѣдующихъ Еллинскимъ обыча-
 „ямъ и плясаніемъ на брацѣхъ, и на опюгну
 „шворящихъ, или русалкомъ, или гласовомъ
 „пшичимъ вѣрующихъ, или новомѣсячію, или
 „оуспрѣщеніемъ, или исплзаніемъ внимаю-
 „щихъ, или огня паленія на спюгнахъ, яже
 „шворяху Еллинн древле. А нынѣ яко же
 „видимъ хрістіанскія дѣши сія шворяшъ (ку-
 „нда), въ навечеріи праздничныхъ по нѣко-
 „му обычаю древнему: или въ одежду жен-
 „скую мужіе облачаша и жены въ муже-
 „скую: или налчички, яко же въ спраняхъ
 „Лашинскихъ злѣ обыкши шворяшъ.“ Мипро-
 „полішь Рускій Кириллъ, въ XIII в., въ пра-
 „вилѣ своемъ замѣчаешъ: „Паки же увѣдохомъ
 „бѣсовская еще дѣржаще обычая шрекдѣпныхъ
 „Еллинн, въ божешвенныхъ праздннхъ позоръ,
 „нѣкакы бѣсовскыя швориши, съ свиспаніемъ
 „и съ кличемъ и въплемъ съзывающе нѣкы
 „скарѣдныя лѣдница, и бѣющеса дрьколѣіемъ
 „до самыя смерщи и възимающе оп убивае-
 „мыхъ поршы. На укорнзну се бываешъ Бо-
 „жиннъ празднкомъ и на досажение Божи-
 „имъ церквамъ. Паче о семъ досажашъ на-
 „шему Спасу и Заспуцу, иже насъ избави
 „Шп проказы смершпныя и Шп шуги дѣво-
 „ля и Шбъвеселивый сердца наша святыми
 „чешпными праздннхъ“ и ш. д. Изъ древ-

нихъ письменныхъ памятниковъ видно, что съ самаго пріятія Хрістіанской вѣры по XVIII столѣтію было много язычниковъ въ обласняхъ Россіи и древнихъ суевѣрій, къ коимъ относились и встрѣча съ монахомъ, какъ предвѣстіе несчастія, обливаніе водою въ праздники и на свадьбахъ и волшебства, прошивъ коихъ возспавали Іерархи Россійскіе. Даже въ XVII вѣкѣ Митрополитъ Бѣлогородскій и Оболенскій Мисаилъ въ грамотѣ своей въ Курскъ упоминаетъ, что шамъ „въ Воскресные, Господскіе и Богородичныя дни умножилось великое пьянство и бѣсовское „глумленіе и скоморошество со всякими бѣсовскими играми: сходились по вечерамъ и во „всенощныхъ позорищахъ по улицамъ и на „поляхъ, слушашъ богомерзкихъ пѣсней и „всякихъ бѣсовскихъ игръ; а о Рождествѣ Хр. „и до Богоявленьяго дни собирались по вечерамъ и въ ноци на бѣсовскія игры“ и ш. д. (29).

Какъ у Римлянъ гладіаторскія игры (*ludi funebres*), такъ у Славянъ *Тризна*, соотвѣтствующая Скиео - Гуннской *Strava*, Чехской *Strawa*, учреждены были въ память усопшихъ. „Уже поздно, говоритъ Тершуліанъ,

(29) Рускія достопамятности. ч. I. М. 1815. — Руская Вивлюевка, изд. Н. Полеваго. ч. I. М. 1834. 8.

„игры перешли отъ чествованія боговъ и „усопшихъ къ чествованію живыхъ.“ Пиршество въ честь мертвыхъ, или *Страва*, по свидѣтельству Византійскихъ историковъ, было причиною великаго бѣдствія Славянъ въ VI вѣкѣ, тогда побитыхъ Греками (30). У Сѣверныхъ народовъ, по мнѣнію Вормія, de rebus Danicis, *Страва* было пиршество въ память и честь усопшихъ, на ихъ могилахъ; объ немъ упоминаетъ и Карлъ Великій въ Капитул. VI, с. 194. В. К. Ольга, въ Язычествѣ совершившая по своему мужу призму, соединенную съ убійствами, въ Христіанствѣ своемъ, по сказанію нашихъ лѣтописателей, запретила сыну своему дѣлать въ память себя призму по обычаю языческому (31). Какъ лѣтописи ясно говорятъ, что Кривичи, Сѣверяне, Вятичи и Радимичи, подобно Римлянамъ, сожигали мертвыхъ: что заведеніе это на Сѣверѣ, особливо въ Скандинавіи общее, пере-

(30) *Jornandes de reb. Geticis, c. 49, de Attila: Postquam talibus lamentis est defletus, stravam super tumulum ejus, quam appellant ipsi, ingenti commensatione concelebrant, et contraria invicem sibi copulantes, luctum funereum mixto gaudio explicabant, noctuque secreto cadaver ejus terrae reconditum.*

(31) *Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. Guthrie, à S. P. 1795. 8.*

несено Варяго - Руссами въ Россію, и недавно повперялось при борьбѣ Греціи съ Турціей: тогда Паргинопсы, проданныя Али-пашѣ, покидая свою родину, сожгли коспи своихъ предковъ. Самое слово *Тризна*, сходное съ Богемскимъ *trizneni*, умерщвление, *терзаніе*, объясняется въ Словарѣ Памвы Берынды по единкомъ, ширмъ р е ш в о м ъ (32). Посему очевидно, что она сопровождалась единоборствами, убійствами и *терзаніями* себѣ лица и груди, на могилѣ покойника, какъ благоутробными шѣни его жертвами, и пиршесствомъ, на коемъ поминались дѣла его съ похвалами. Къ признамъ опнеспи можно *Родительскія* (*Parentalia*; "Обіа") и наши *Радуницы*, о коихъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Во многихъ Германскихъ и Славянскихъ земляхъ доселѣ сохранились слѣды праздниковъ въ честь мершвыхъ: въ Саксоніи, Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ народъ хаживалъ 1 го Марша, въ часъ разсвѣта, съ факелами на кладбища, и шамъ приносилъ жертвы усопшимъ. На кладбищахъ, кои въ Псковской и Тверской губерніяхъ называются *бул-*

(32) Лѣтопись Несторова по Лаврент. сп. М. 1826.

4. Исторія Княжества Псковскаго, соч. М. *Ergeuln*. Кіевъ. 1831. ч. I — 4. 12.

ми и *буйвицами*, донинѣ въ Святницѣ дѣлають гаданія. Празднованіе Семика приходилось въ поспѣ самый день, когда, по древнему обычаю, погребали и поминали убогихъ на скудельницахъ, или убогихъ домахъ. Въ Троицкую субботу, какъ видно изъ Спотоглава, „сходились мужи и жены на жальники, ш. е. на „кладбища, и плакали на могилахъ съ великимъ кричаніемъ, и когда шамъ спануть „играють скоторохи и гудошники: шо они „перестануть плакать и начнуть скакать, „плясать и въ ладоши бить на шѣхъ жальникахъ.“ Съ исключеніемъ послѣдняго, подобный обрядъ наблюдается и донинѣ въ Смоленской губерніи. Олай великій и другіе описываютъ сшаринные обряды предъ наступленіемъ великаго Поста въ мерпвое воскресенье (Zobsonntag), изгнанія зимы, или смерпи, кои вспрѣчаются у Славянскихъ и Германскихъ племень, а въ Польшѣ извѣстень подъ именемъ *Маржаны*. Въ эпо же время Франки совершали подобное поржесство въ память усопшихъ, соединенное съ мимическими предспавленіями и пѣснопѣніями.

Къ древнимъ праздникамъ Языческава принадлежашъ *Русалии*, кои совершались на Русальной недѣлѣ, ш. е. недѣлѣ Св. Опіецъ.

Вальсамонъ называетъ епопъ праздникъ *древнимъ*, *чужестраннымъ*, о коемъ упомянемъ особенно. При Другошѣ въ XV. в. у Поляковъ повторялось въ Пятидесятницу языческое празднество *Стадо*, сходное съ Сибирскою и Московскою *Тюлою*, или *Семикомъ* (33).

Иностранцы путешественники въ Россію XVII вѣка описываютъ древній народный *праздникъ*, приходившійся въ *Петровъ день*; тогда жены и дѣвицы, до полночи сидѣвшія въ заперши дома, наряженныя выходили на луга и шамъ качались на качеляхъ и скакали на доскахъ, пѣли пѣсни въ веселыхъ хороводахъ съ рукоплесканіями (34). Въ Сподлавѣ упоминается о *наливкахъ*, на кои хаживать народъ въ первый понедѣльникъ ПЕТРОВА ПОСТА. Торжество сіе вѣроятно совершалось въ честь Ярилы, котораго и нынѣ около есаго времени воспоминается въ разныхъ губерніяхъ Россіи, особливо сѣверныхъ и южныхъ. Въ Тульской Г. на ПЕТРОВЪ ДЕНЬ за часъ до разсвѣта крестьяне и крестьянки въ праздничныхъ нарядахъ собираются на холмъ *караулить*

(33) *I. Dlugossi historiae Polonicae libri XII, ed. G. Groddeckii. Lipsiae, 1711. f.*

(34) *Status et ritus ecclesiae graecae, graece descr. a Chr. Angelo, latine a G. Phelavio. Francof. 1655, 12.*

солнце (35), которое, по ихъ мнѣнію, согласному съ мнѣніемъ Исландцевъ (36), на своемъ восходѣ *играетъ*, такъ какъ и въ свѣтлое Воскресенье. Ладо воспѣвается въ *праздникъ солнца* и въ *Семикъ*, прообразующій въ себѣ символическій союзъ неба съ землею и плодотворную любовь между обоими полами.

Изъ явленій въ природѣ, столь ощутительныхъ для человека, повороты солнца, раздѣляющіе годъ на двѣ равныя части, были сильнымъ поводомъ къ учрежденію среди племенъ Славяно - Русскихъ *праздниковъ Коледы* и *Купалы*, столь важныхъ своимъ отношеніемъ къ нуждамъ человека, столь же древнимъ и по своему происхожденію. Они не только существовали у Славянъ, но и у многихъ народовъ Европы и Азіи подъ разными только именами, имѣя символами своими въ одномъ воду, въ другомъ огонь. Въ нихъ замѣтно среднее человеку стремленіе къ сближенію съ духовнымъ міромъ, и поклоненіе первенствующимъ стихіямъ міра, которое, вѣроятно, есть остатокъ Славянскаго богослуженія; ибо на сѣверѣ

(35) Путешествіе отъ Триеста до С.-Петербурга В. Броневскаго. 2 ч. Москва. 1828. 8.

(36) Edda Saemundina, t. III.

Россіи доселѣ простой народъ величаетъ огонь и воду *Царемъ* и *Царицею*. Относящіяся къ тому и другому празднику мнѣи болѣе физическіе, чѣмъ историческіе. Византійскіе историки упоминають о принадлежностяхъ праздника Коледы (рожденіе непобѣдимаго Солнца, *natalis Solis invicti*, у Римлянъ), извѣстнаго у Скандинавовъ подъ именемъ *Jol*, у Англо-Саксовъ подъ именемъ Машеринской но́чи (*Moedre-nicht*) (37).

У земледѣльческихъ племенъ древнѣйшіе и важнѣйшіе праздники были послѣ жатвы, кои только одни упоминаются у Гомера въ *Одиссеи* и *Иліадѣ* (38). Какъ Славяне были земледѣльческимъ народомъ, который имѣя свою систему земледѣлія, сообщилъ оную и другимъ сосѣдственнымъ племенамъ: по они опрѣвляли при началѣ и концѣ сельскихъ работъ разные праздники, конхъ слѣды и донинѣ сохраняются въ *дожинкахъ*, *обжинкахъ*, *застывкахъ*, *доставкахъ*, *толокахъ*.

Даншчанинъ Саксонъ въ XII в. повѣствуетъ о праздникѣ, совершавшемся къ Арконѣ, по со-

(37) *Homeri* II. I, 530. Od. XXI, 258.

(38) *Edda rhythmica*, s. antiquior, Saemundina, p. III. Havniae. 1828. 4. v. *Lexicon mythol.*

брании хлѣба, въ честь Свѣтшова, которому приносился медовый пирогъ (пряникъ) въ роспѣ человеческой. Самый Бѣль - богъ, какъ виновникъ хорошей жашвы (39), назывался богомъ мухъ вѣроятно попому, что въ концѣ лѣта бываетъ множество мухъ. Славяне посвящая земледѣльческіе пруды свои и плоды оныхъ разнымъ божествамъ, учреждали въ честь ихъ празднества, сходныя съ Іудейскимъ праздникомъ жистъ первородныхъ. Обычай эпопѣ перенесли они въ свое Хрістіанство, и донелъ во многихъ странахъ Россіи послѣ жашвы приносятъ въ церковь для освященія первые снопы и хлѣбъ изъ первыхъ зеренъ, а послѣ выемки сопокъ изъ ульевъ, первые сопы меда. Родившіеся опѣ нужды и отношеній общественныхъ праздники *житейскіе* на Югѣ и Сѣверѣ Россіи получали различную фizioномію какъ опѣ климата, почвы и давности занятія земли, такъ равно и опѣ нравовъ и образа жизни жителей; чѣмъ дальше къ Сѣверу, тѣмъ ихъ было меньше.

Какъ религіозныя языческіе, такъ и житейскіе праздники, по своей внѣшности, влупи-

(39) Въ Палестинѣ былъ идолъ Аккаронскій *Велзеулъ* (Beelzebub), начальникъ надъ жистницами, который ошгонялъ мухъ и также почитался хранителемъ навоза. 4 Царствъ. I, 2. Матѣ. X, 25. Луки XI, 15,

ревности и знаменованію измѣнялись въ разные эпохи, въ кои они пропекали, именно: въ *Языческую*, или дохрiстіанскую, *Греческую* до Ташарь, въ *Восточно-Европейскую* опъ вліянія Ташарь, *Липвы*, *Польвы*, и въ *Западно-Европейскую* опъ Пепра I до нашихъ временъ.

Не останавливаясь болѣе здѣсь на Язычеспвѣ Славяно-Рускомъ, о коемъ выше сказано, перейдемъ къ Греческой Хрiстіанской эпохѣ, въ коей являлись слѣды онаго; тогда коренныя идеи у народа облекались въ разные новые образы и проникали чуждыя ему мысли: нерѣдко выходила *старая погудка на новый ладъ*.

Въ разныхъ обласпяхъ Россіи еще оспавались древнія повѣрья и обряды долго послѣ введенія Вѣры Хрiстіанской въ Кіевъ и Новгородъ.

При Неспорѣ лѣшописцѣ, въ праздники церковные св. храмы стояли пуспы и народъ сходился на игрища *дпять позоры* и, по его выраженію: *Хрiстіане суще, а жили по поганскимъ обычаямъ*. Являлись кудесники, или волхвы, какъ предспавишели древняго Язычеспва, и нерѣдко возмущали просподушныхъ жипелей Россіи, еще не пвердыхъ въ Хрiстіанспвѣ, копорые колебались между старымъ вѣрованіемъ и вновь приняпою ими вѣрою, между заблужденіемъ и испиною. При Новгородскомъ Епископѣ Теодорѣ весь народъ

принять сторону такого кудесника и хотѣлъ убить своего Архипасшыря; на сторонѣжь Епископа осмался одинъ съ боярами Князь Глѣбъ, который поразилъ попоромъ проповѣдника Язычества и пѣмъ кончилъ мяшежь (40). Въ XII вѣкъ Св. Авраамій, сокрушившій чудесно кумирь Велеса, или Волоса, крестилъ въ Росновѣ многихъ язычниковъ тогда, какъ епошь городъ былъ Владимірскою областью (41); въ XIII вѣкъ Муромъ наполненъ былъ язычниками, какъ видно изъ житія Благовѣрнаго Князя Константина (42).

Въ эту эпоху вспрѣчаются языческія имена и прозвища, какія давались Хрістіанамъ, напр: *Волосы*, *Водовики*, *Русалки* (43), двойственныя имена языческія и Хрістіанскія.

Когда Татары изневоливали Россію, когда ея Великіе Князья хаживали въ Орду съ выходомъ въ печеніе болѣе нежели двухъ вѣковъ; тогда свободнѣе продолжались различныя языческія суевѣрія между жителями разобщен-

(40) Софійскій Временникъ. I. стр. 167.

(41) Карамз. И. Г. Р. III, прим. 153.

(42) Карамз. И. Г. Р. II, прим. 463. Въ Прологъ и Минеѣ (Октября 29) сказано: въ XI вѣкъ.

(43) Исторія Росс. Іерархіи. ч. 2, и Соф. Временникъ, 2 ч. М. 1820. 4. Карамз. И. Г. Р. III. пр. 331.

ныхъ обласпей Россіи, закостѣвшими въ оныхъ. Хопя при Монголо - Ташарахъ , съ XIV вѣка Магомешанъ , самыя Князья и вельможи Рускіе принуждены были проходитьъ сквозь огонь, *поклоняться кусту и идоламъ* ; но какъ народъ гнушался *поганскими обычаями* : по они и не могли въ немъ укоренишься. Если и было вліяніе Ташаръ на Россію : по болѣе вѣшнее , чѣмъ внутреннее (44).

Хопя съ освобожденіемъ Россіи опть Ташарской неволи и съ посшепеннымъ уничтоженіемъ Удѣльной системы испреблялись или измѣнялись древніе обычаи и повѣрья Язычества ; однако при переселеніи жипелей изъ Новгорода, Пскова и другихъ обласпей, переносились съ пепелищъ на новоселья , гнѣздясь по въ дремучихъ лѣсахъ , по на горахъ , по на погоспахъ и жальникахъ , по на берегахъ рѣкъ и озеръ. — Послѣ родспвеннаго союза Іоанна III съ домомъ Палеологовъ, на Московщинѣ, какъ средопочин Россіи, изъ Греціи и Рима перешли нѣкопорыя памощніе обычаи и преданія : тогда, по выраженію лѣшпописца, *земля наша замѣшалася и ста-*

(44) Собраніе путешествій къ Ташарамъ въ XIII, XIV и XV вѣкахъ. С. П. 1825. 4.

рые обычаи переставились (45). Но какъ обычай, по старой пословицѣ, не кляпка, не переставились: по многіе изъ нихъ оспавались у проспата народа въ своей силѣ даже и тогда, когда между высшимъ сословіемъ замѣнялись новыми, иноземными.

Грамошы Новгородскихъ Архіепископовъ, Макарія въ Водскую пяшину 1534 г. и Θεодосія 1548 г. и посланіе Игумена Памфила, 1505 г., въ Псковъ, свидѣтельствують о существованіи памъ языческихъ шребищъ и обрядовъ (46). Въ Спюглавъ упоминаются совершавшіяся дошоль Русалы объ Ивановѣ дни, сходбища въ навечеріе Рождества Хрїстова и Богоявленія на ноцное плещеваніе, безчинный говоръ, бѣсовскія пѣсни и пляски, кои оканчивались на упренней зарѣ омовеніемъ въ рѣкахъ, и Кликаніе мертвыхъ въ Великій Четвергъ, въ который упромъ жгли солому, Оклички въ первый день Пасхи, Вьюнецъ на Радоницы, Наливки въ понедѣльникъ Пешрова посша. Тамъ же запрещается присущствіе кудесниковъ и ворожей при судебныхъ поединкахъ и скомороховъ на жальникахъ въ Троицкую суббшпу, въ которую памъ на могилахъ за воплями и плачемъ слѣдовали скоморошскія игры съ

(45) Карамз. И. Г. Р. VI.

(46) Библиографическіе листы II, Кеттена, 1825, No 19.

пѣніемъ, плясками и рукоплесканіемъ и ш. д. Но и самъ предсѣдатель Синодальнаго собора, Царь Іоаннъ Васильевичъ, съ опричниками надѣвалъ на себя личины о Свяшкахъ и Масляницѣ (47). Въ Рускихъ соборахъ XVI и XVII вѣковъ, въ грамахъ, паспырскихъ посланіяхъ и житіяхъ Святыхъ въ Россіи упоминаются древнія языческія суевѣрія и обычаи, кои иногда входили въ составъ расколовъ и ересей, погда возникавшихъ. — По сближеніи Россіи съ Европейскимъ Западомъ черезъ Липву и Польшу и по присоединеніи малой Россіи къ великой, перешли на Сѣверъ нашъ нѣкоторыя западныя суевѣрія и обычаи. Въ судебныхъ актахъ того времени часто встрѣчаются слѣдствія о колдовствѣ и чародѣйствѣ, составляющихъ также народное вѣрованіе, и о другихъ дѣйствіяхъ Магій, коимъ вѣрили во всей Европѣ.

Въ 1684 г. Папріархъ Іоакимъ указомъ своимъ запрещилъ бывшія на Москвѣ «скверная и бѣсовская дѣйства и игрища въ навечеріи Рождества Христова. Тогда — пишеть онъ — наказанніи мужескаго полу и женскаго собрався многимъ числомъ, отъ «шарыхъ и молодыхъ, мужи съ женами и «дѣвки ходящъ по улицамъ и переулкамъ къ «бѣсованнымъ и бѣсовскимъ пѣснямъ, сло-

(47) Карамз. И. Г. Р. VIII.

ажеными ими, многія сквернословія присо-
вокупають, и плясаніе пворятъ, на раз-
женіе блудныхъ нечислютъ и прочихъ грѣхо-
паденій, и преображающеся въ неподобная оупь
»Бога созданія, образъ человѣческій премѣня-
юще, бѣсовское и кумирское личашть, косма-
шые, и иными бѣсовскими ухищренными со-
дѣянные образы надѣвающе, плясанными и
»прочими ухищренными православныхъ Хрісті-
анъ прельщающе; шакожь и по Рождествѣ
»Хрістовѣ во 12 днѣхъ до Крещенія Господа
»нашего І. Хріста таковая жь бѣсовская игра-
мшца и позорища содѣвающе.» Такъ какъ
Кормчая запрещаетъ *Хрістіаномъ играти и на
позорища ходити*: шо Патріархъ Адріанъ 1697
г. въ инспрукціи своей спаростамъ попов-
скимъ предписываетъ »не хоронитъ ни на
»кладбищѣ, ни на убогомъ дому, а на полѣ
»и въ лѣсу шѣхъ, кошорые играя упонупъ
»или съ качели убьющся.»

Въ эпоху преобразования Россіи Пешромъ
І. личностъ народная сильно измѣнилась оупь
влянія Европейскаго образованія; многіе спа-
рые обычаи въ городахъ выпѣснились но-
выми, иноземными, или запрещались Цар-
скими указами; самая одежда, жилища, об-
разъ жизни испытали перемѣны, кои не-
охотно припимали не только просвіюлюди-

ны, но и высшее сословіе народа. Изъ духовнаго Регламенша, Розыска Св. Димитрія Туппалы, проповѣдей и указовъ того времени видно, что въ печеніи 40 лѣтъ борьбы спарины съ новизною, не вездѣ и не совсѣмъ испребились прежнія суевѣрія Язычества, являясь въ разныхъ мѣстахъ Россіи, какъ-то: благоговѣніе къ спарымъ деревьямъ въ лѣсахъ, олицетвореніе Пяпницы и п. п. Самъ преобразователь иногда невольно обращался опять чужеземныхъ забавъ къ Рускимъ попѣхамъ, давая просторъ Рускому уму: въ Святые вечера онъ съ любимцами своими священичалъ переряженный, славилъ Хріста по домамъ (48) и совершалъ другіе спаринные обряды, вѣроятно, для того, чтобы сдѣлать оныя смѣшными и ешимъ средствомъ уничижить. Указомъ 1722 г. Сентября 27, позволены въ храмовые праздники при монастыряхъ и значныхъ приходахъ, по совершеніи литургіи и крестнаго хожденія, народныя забавы для народнаго полірованія, а не для какого безобразія.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ 1721 Апр. 17 приказали объявить нарочно: »Понеже въ Правительствующемъ Духовномъ Синодѣ вѣдомо учинилось, что въ Россійскомъ

(48) Дѣнія Петра I. т. I—XX. см. Донесеніе Пошкова въ Руск. Доспоц. М. 1815. 8.

»Государствѣ какъ въ городахъ, шакъ и въ ве-
 »сяхъ происходить ошъ невѣждѣ нѣкошорое
 »непошребство, а именно, во всю Свѣшлую
 »седмицу Пасхи, ежели кто не бываетъ у
 »ушпрени, шаковаго, аки бы шпрафуя, обли-
 »вающъ водою и въ рѣкахъ и въ прудахъ ку-
 »пающъ; и хотя сіе прошрый народъ дѣлаещъ
 »себѣ будшо за забаву праздничную, однако
 »ошъ шой суешной забавы дѣшся не шокмо
 »здравый, но и живошу человѣческому шще-
 »ща; ибо онымъ ошъ невѣждѣ купаніемъ въ
 »глубинахъ, иногда людей пошощающъ или
 »разбивающъ, а сонныхъ и хмѣльныхъ, внезап-
 »нымъ обліаніемъ, ума лишающъ; къ шому жъ
 »будшо бы воспоминающъ мерзкихъ идоловъ,
 »въ нихъ же былъ нѣкій идолъ Купало, ему же
 »на Великъ день пришосили жертву онымъ ку-
 »паніемъ; о чемъ пространно зрится въ лето-
 »писцѣ Кіевскомъ. Но понеже во оныя вре-
 »мена Россійскій народъ еще не совершенно
 »воспріялъ свяшую православную Вѣру и въ
 »ней не крѣпко ушвердился, а нынѣ уже ми-
 »лосердіемъ Божиимъ оный во благочестіи сі-
 »яещъ, а помянушаго обычая невѣжды оспа-
 »вишь не могушь; шого ради оный богопро-
 »швиеный и живошъ человѣческой вредящій
 »обычай весьма испребишь, и впредь шого въ
 »Россійскомъ Государствѣ ошнюдь не было бѣ.»

Послѣ Бироновскихъ ужасовъ, спѣсившихъ Рускую душу, Рускіе, въ царствованіе Елисаветы Пепровны, спали свободнѣе дышати, какъ говоришя: *жить прильваючи*. Тогда народъ увидѣлъ самую Государыню, въ спаринномъ Рускомъ платьѣ, слышала ея голосъ въ своихъ пѣсняхъ среди веселыхъ хороводовъ на игрищахъ; при самомъ Дворѣ бывали и святочные игры и оперы Италіанскія и маскарады. Въ епо время пробудилась народность въ своихъ праздникахъ и попѣхахъ, опкликнулась въ пѣсняхъ и прибаушкахъ, сказкахъ и загадкахъ: не боялись о Масляницѣ капапья, въ Святки ходили наряженные по улицамъ гурьбами, спрашивали имена у встрѣчныхъ и поперечныхъ, подслушивали подъ окнами, на перекресткахъ гадали, свободно носили по улицамъ въ городахъ и селахъ березку въ Семикъ съ пѣснями. Епо продолжалось и при Екашеринѣ II, которая любила Рускія игры и одежды, сама сочиняла сказки въ Рускомъ вкусѣ, собирала пословицы народныя и писала Исторію Рускаго Государства.

Съ опкрѣпленіемъ Намѣстничества въ Россіи послѣдовала большая перемена какъ въ нравахъ и обычаяхъ народныхъ, такъ въ общественныхъ празднествахъ, попѣхахъ и играхъ, кои сдѣлались скромнѣе и пристойнѣе; постепен-

но оставляемы были буйства и безчинства, коими сопровождались оныя. Вдали отъ столицы, въ разныхъ областяхъ Россіи старинные праздники и повѣрья язычества сохранялись одни въ бѣльшей, другіе въ меньшей силѣ; дни оныхъ праздновались гуляньями или увеселеніями на прежнихъ мѣстахъ, нерѣдко самыя ихъ названія или преданы забвенію, или получили другое значеніе, опдаленное отъ древняго, до коего трудно и добраться. Наслѣдственные преданія у народа нерѣдко согласуются съ лѣтописями, или дополняются ими, самыя игрища и гульбища своими названіями напоминаютъ о древнемъ бытѣ, подтверждаемомъ повѣрьями и обычаями, пѣснями и сказаніями, пословицами и сказками: изъ нихъ слагается, хотя и въ неясныхъ чертахъ, картина древняго вѣрованія народа, самородное произведеніе его почвы, совокупность его изконныхъ праздниковъ, а въ нихъ проявляется его духъ, его жизнь внутренняя. Преслѣдуя сіи остатки древняго вѣрованія и быта народа въ разныхъ эпохахъ его жизни, видимъ, что языческія поржества сперва удерживались какъ опеческіе благоговѣйные обряды, а потомъ превратились въ игры и увеселенія, сдѣлавшіяся какою-то житейскою

необходимостью. Хотя древнее иногда успу-
пало мѣсно новому; однако оно часпо кляю
свою печать на послѣднее (49).

Къ новымъ праздникамъ относится *Перво-
майское гулянье* (Meue-tag), или *Нѣмецкіе ста-
ны* въ Москвѣ, которое, по преданію, заведено
при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Нѣмцами,
имъ вызванными. Какъ у Европейскихъ на-
родовъ прежде годъ начинался Маіемъ: по
Вальпургіева ночь, на 1е Маія, и относящі-
я къ ней суевѣрія оспаюся еще при пе-
ремѣнѣ времени года. Забавный обычай обма-
нывать *перваго Апрѣля* перенесенъ на Русь
Нѣмцами, которые въ 1700 г. сдѣлали изъ
эшаго первое предшавленіе въ Москвѣ. *Новый
годъ* съ XV вѣка въ Россіи празднованъ съ Сен-
тября по церковному чиноположенію, въ день
Сумеона *лѣтопроводца*, въ который Государи
Россійскіе назначали срокъ личнаго суда своимъ
подданнымъ; съ 1700 г. новолѣтіе начинается
Январемъ мѣсяцемъ, который Пётръ I озна-
меновалъ поржеспвомъ въ Европейскомъ вкусѣ
съ невиданными дошолъ на Руси церемоніями
и обрядами. Вѣроятно, съ шого времени оца-
рый Сентябрьскій годъ прослылъ *бабымъ лѣ-*

(49) Карамз. И. Г. Р. XI, прим. 68.

томъ (50), которое Г. Шишковъ правдоподобно производилъ отъ созвѣздія *Бабы* (семь звѣздъ, упичье гнѣздо, Плеяды), появляющагося съ половины Августа до половины Сентября (51). Но сіе названіе найдемъ у Нѣмцевъ, Поляковъ и Сербовъ. По примѣру Европейскихъ Государствъ, Пётръ I давалъ всенародные праздники по случаю знаменитыхъ побѣдъ и заключенія мира, полезнаго или славнаго для отечества, завелъ ассамблеи; въ его царствованіе блистательны были праздники Князя Меншикова, такъ какъ при Екашеринѣ II Князя Пошечкина. Кому не извѣстенъ достопамятный етнографическій маскарадъ, бывшій при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, рыцарскій карусель и другіе великолѣпнѣйшіе праздники при Екашеринѣ II, достойные особеннаго описанія (52); ибо въ нихъ выражается духъ того времени и память великихъ событій.

§ 3. Какъ сама природа имѣетъ свои праздники, на кои приглашаетъ человека; — по и онъ, торжественно и благоговѣнно встрѣчая и провожая каждое время года, заимствуетъ

(50) Библиотека для чтенія, Январь, 1836.

(51) Но сіе созвѣздіе видимо во всю зиму. Сочиненія А. Шишкова, т. V, стр. 48.

(52) Haigold's Beylagen. II, 54.

опть природы бѣлые или черныя краски, радоспные или увылые звуки, дѣлпть съ нею веселье и горе; ощущая жизнь въ природѣ, самъ въ ней живепть и все собою олицепворяепть. Видимыя періодическія перемѣны въ природѣ, раздѣляющія продолженіе времени на равныя часпн, подали поводъ ознаменовашъ каждое время года сперва религіозными, попомъ жппейскими праздниками, кои оппюсяшя къ земледѣльческимъ прудамъ и хозяйспвеннымъ заняпіямъ; въ нихъ впадающъ сроки и сдѣлки, шорги и сходы мірскіе, какъ шо: въ *Юрьевъ* и *Семень дни*, въ *Пятницы* и ш. д.

Подобно Англо-Саксамъ, Славяне раздѣляли годъ свой на зиму и лѣтпо, или на зимнее и лѣпнее солнцеспояніе, *Коледу* и *Купало*, коихъ сѣмволами было колесо (коло), емблема солнечнаго поворота, а самыя праздники на *зимніе* и *лѣтніе*, сообразно своему климату и мѣспности. У древнихъ Нѣмцевъ годъ раздѣлялся на три часпн: *зиму*, *весну* и *лѣтпо*; первая почпшалась священнѣйшею порой, когда поржеспвовались главныя праздники въ честь боговъ (53). При распспраненіи Славяно - Рускихъ племень по черной, черной и бѣлой, малой и великой Рос-

(53) Menzel's Geschichte der Deutschen bis auf die neuesten Tage. I Th. Stuttgart u. Tübingen. 1834. 8.

сія, въ послѣдствіи праздники ихъ религіозныя и житейскіе, съ умноженіемъ нужды и отношеній, съ развитіемъ ихъ народности и гражданственности, умножались и могли уже дѣлиться на *весенніе* и *лѣтніе*, *осенніе* и *зимніе*.

Съ красною весною празднуется союзъ (ладъ) двухъ началъ одушевленнаго человѣкомъ міра, который представляешь небомъ и землею оба пола; расшенія, живошныя, люди суть плоды ешого лада (54). Въ древности у Рускихъ *пролѣтѣмъ* назывались при весенніе мѣсяца, съ коихъ начинающа обновленіе природы, новолѣтіе и праздники народные, какими встрѣчается весна при появленіи первой хлѣбной пшеницы, грача, и весенней пшашки, жаворонка: по ихъ прилепанію народъ дѣлаешь свои авгурии объ урожаѣ хлѣба и печешь изъ шѣсна изображенія сихъ перелетныхъ пшашекъ. Первый пролѣтній мѣсяць, или Березозоль, Марпъ, коему самъ Богъ даровалъ первенство (55), у Славянскихъ и Скандинавскихъ племень, шакъ какъ у Пер-

(54) Religions de l'Antiquité, par F. Creuzer, refondu et developpé par J. D. Guignaut. t I, et 2 partie, à Paris. 1825. 8.

(55) Исхода XII, 18.

совъ , сопровождается разными торжествами и играми въ честь усопшихъ ; Богемцы, опчасти Германцы епопъ день почитаютъ первымъ весеннимъ (56); въ Россіи у простолюдиновъ тогда празднуется *Авсень, Овсень*, или *Таусень*, который перенесенъ на новый годъ съ Января и заключаешь въ себя другіе праздники, такъ какъ *Васильевы вечера*, или *Святки* предъ Январемъ и послѣ онаго (57). Но какъ, по различію климата, въ разныхъ полосахъ Россіи праздники сіи переходящъ въ разные дни мѣсяцевъ, кои посему имѣютъ названія народныхъ, кромѣ книжныхъ (58); по пастушескія и земледѣльческія празднества въ средней и сѣверной полосѣ Россіи начинаются позднѣе, чѣмъ въ южной, занимшвуя опъ мѣспносни и опъ нравовъ жителей особенное выраженіе. Такимъ образомъ собспвенно *красная весна* и *Красная горка*, начинающаяся *Закликаніемъ весны* и *Радунцею*, празд-

(56) Edda Saemundina, t. III.

(57) М. Н. Макаровъ полагаетъ, основываясь на преданіяхъ, что прежде преполовение Святокъ было въ день С. Василія, 28 Февраля, а потомъ перенесено къ 1 Января. см. *Дамскій Журналъ*, № 34, 1832 г.

(58) *Карамз.* И. Г. Р. V, прим. 254, подъ 1409 г.

нуется или въ *Воминь понедѣльникъ*, или въ *Егорьевъ день*, въ срокъ хозяйственныхъ условій и время выгона скота въ поле съ пѣснями объ охраненіи спады и съ ночными хожденіями: чпо и донынѣ бываетъ около Буя, Солдгалича и въ другихъ спранахъ Россіи. Олице-шворяя *Пятницу*, народъ особенно празднуетъ ей, въ обптные пятницы не работаетъ, во временныя послѣ Пасхи по разнымъ мѣстамъ собираются на ярмарки или торги, на кои, по преданію, вывозили изображение св. Параскеви, обвѣшенное плапками и леншамн. Въ Духовномъ Регламентѣ замѣчено, чпо «въ малой Россіи, въ полку Спародубскомъ, въ пяпокъ «водяпъ жонку простовласу, подъ именемъ «Пятницы, и водяпъ въ ходѣ церковномъ и «при церкви честь оной опдаетъ народъ съ «дары и со упованіемъ нѣкія пользы.» Самыя часовни съ образомъ св. Параскеви Пятницы, спояція обыкновенно на перекресткахъ, слывупъ между простолюдьемъ *Пятницами*. Переходомъ опъ весеннихъ праздниковъ къ лѣпнимъ служипъ *Первомайское гуляне*.

Изъ лѣпныхъ праздниковъ извѣспны въ Россіи: *Семикъ*, или *Тюльпа*, *Ярило*, *Девятая пятница*, *Купало* и *Купальница*, *Русалии*, о коихъ подробно скажемъ въ своемъ мѣспѣ.

Изъ осеннихъ: *Обжинки*, *Сложинки*, *осиные* *имянины*, *Бабе лето*, или *Семень день*, или *Льтопроводца*, *Аспосовъ день*, или *Госпожка въ Минской Губерніи 8 Септ.*, *Осенины*, *Дмитріевская суббота*, соопвѣщивующая *Дѣдинамъ* и *Задушному дню въ Липвѣ* и *Польшѣ (Dziady, Dzień zaduszny)*, а въ *Коспромской губ.* называемая *вселенскою*, *поминальною*, *Юрьевъ день* или *Егорій осеній* и пр.

Къ зимнимъ относяся: *Каледа*, или *Святки*, извѣстные у *Карпатпороссовъ* и другихъ *Славянскихъ племень*, подъ именемъ *Корочуна*, *Васильевъ вечеръ*, *Масляница* съ предшесивующею ей *родительскою*, которая приходится въ *Февраль*, бывшемъ у *Гимлянъ* последнимъ мѣсяцемъ года, когда у нихъ отправлялись *Fegalia* и когда въ *Германіи* на сѣверъ и югъ и у *Славянъ* совершались пиршества и игрища, съ коими соединялось драматическое представленіе — *изгнаніе зимы*, или *смерти*, какъ бы предпразднество обновленія года съ наступленіемъ весны и символическое представленіе борьбы смерти съ жизнью въ природѣ (59). Какъ весна въ *Малороссіи* встрѣчается *закликаньемъ*, или *веснянкою*, сходною съ *Грече-*

(59) Edda Saemund. t. III. Lex. Mythol. *Карамъ. И.*
Г. Р. I. стр. 287 и пр.

скимъ *хлѣбѣнѣма*, такъ равно *проводается* весна и зима съ разными обрядами, особенно ношеніемъ соломенной куклы, одѣтой въ сарафанъ кумачный и въ кокошникъ, и украшенной лентами и цвѣтами: чинѣ донынѣ бываетъ въ Саратовской Губерніи не только при проводахъ весны и зимы, но и въ Госпожинки по уборкѣ хлѣба. Въ другихъ праздникахъ представляешь главное дѣйствующее лице, вѣроятно, какое либо божество, избранный опъ міра человѣкъ, иногда юноша, иногда спарикъ, иногда дѣвица, напр: въ Ярилу, въ Семикъ, въ Всесвяшское заговѣнье водаяшь избраннаго человѣка, украшеннаго цвѣтами и лентами; обѣ Масляницѣ возаяшь на колесѣ, укрѣпленномъ на сполбѣ, въ большихъ саняхъ наряженнаго мужика, копорый напоминаешь собою древняго Крода, и п. д.

Кромѣ сихъ народныхъ праздниковъ, бываютъ въ печеніи чепырехъ времянь года *братчины, сыпчины, холки, посидѣлки, бпсѣды, Никольщины, приходскіе праздники* и п. д., на кои сборомъ со всего міра гошовишся кушанье и варипся пиво.

§ 4. По отношенію къ годовымъ временамъ и къ самымъ церковнымъ празднесшвамъ, въ кои впадають народные праздники, однм

изъ нихъ предшеспвуютъ Пасхъ , другіе послѣдуютъ за оною (60); одни изъ нихъ приходится въ разныя числа мѣсяцевъ , по ранѣе , по позже , и называются *подвижными* , напр : *Радунница* , *Семикъ* , *Масляница* ; а постоянно случающіеся въ одинакія числа мѣсяцевъ именуется *неподвижными* , какъ-то : *Семизъ день* , или *Бабье лѣто* , *Купало* и *Купальница* , *Святки* . Въ разныхъ полосахъ Россіи нѣкоторыя изъ сихъ праздниковъ , особливо примѣненные къ годовымъ временамъ по климату , споль разнообразному , опсправляются по ранѣе , по позднѣе , напр : *Авсень* , *Ярило* , *Красная горка* , *Госпожинки* и пр .

Нѣкоторыя изъ праздниковъ и обрядовъ бывають *чрезвычайные* , или *обѣтные* , какіе опсправляются по особеннымъ случаямъ , напр : во время мора , скопскаго падежа и другихъ напасей , какъ-то : *Пятницы* , *изгнаніе коровей смерти* или *опахиванье* и пр .

Какъ народные , такъ и семейные праздники продолжаются обыкновенно три дни , а иногда и цѣлую недѣлю . Какъ у Скандинавовъ Юлійскія игры , такъ у Рускихъ Свяшки

(60) Руководство къ Паскаліи соч. *А. Тажелова* , изд. 2. М. 1830. 8.

продолжались двѣнадцать сутокъ (die zwölff Nächte) , см. выше стр. 38.

Большая часть праздниковъ народныхъ отпраздлевается днемъ , а нѣкоторыя изъ нихъ ночью , какъ увидимъ въ частномъ описаніи оныхъ : одни изъ нихъ цѣлый день съ утра до ночи , другіе послѣ полудня вечеромъ и даже ночью , особливо соединенные съ гаданіями. Въ Тверской и Новгородской Г. съ Петрова дни дѣвушки цѣлый мѣсяцъ гуляють по ночамъ. Навечерія и кануны нѣкоторыхъ праздниковъ церковныхъ посвящались проснымъ народомъ на празднества и обряды языческаго происхожденія : что самое подтверждается Номоканономъ , Споголавомъ и Прологами. Такое навечеріе описывается въ Споголавѣ слѣд. словами : »На канунѣ , на вечеріи »праздниковъ Рождества Христова , Богоявленія и Ивана Предпечи сходились мужи , »жены и дѣвицы на nocturnое плещованіе , безъчинный говоръ , на бѣсовскія пѣсни и скаканіе до самаго разсвѣта до заупрень , когда »они , умывшись въ рѣкѣ водою , расходились по домамъ.« Сходно съ Споголавомъ свидѣтельствуетъ Кранцъ въ описаніи Саксоніи , въ XVII в. , что »въ Галбершпадской деревнѣ Шолбекѣ на канунѣ Рождества Христова »ночью , на погостѣ Св. Магна , юноши и му-

жи съ дѣвицами провожали всю ночь въ пьян-
стве и безчинныхъ пляскахъ, коими пре-
рывали ушреннее богослуженіе» (61).

§ 5. Естественнo, народныя повѣрья и
праздники должны дѣлились на *отечествен-*
ныя и *заимствованныя* отъ чуждыхъ племенъ,
съ коими сближались Славяне въ предъисториче-
скія и историческія времена. Но весь объемъ
тѣхъ и другихъ указавъ и съ точностію раз-
граничивъ едва ли возможно, такъ какъ опи-
савъ ихъ начало, измѣненіе, переходы, развитіе,
распространеніе и заимствование; посему дол-
жно ограничиться только главными чертами.

Судя по степени образованности Рускихъ
Славянъ, какъ намъ описываютъ ихъ западные
и восточные историки, между ними возникли
немногіе праздники, испекшіе изъ мѣстности,
быта и духа, кои положили на оныя
свою печать. Сколь время ни изглаживало
ее; однако описки ея проглядываютъ на
почвѣ родной, какъ черпы древней живописи
изъ подъ новыхъ красокъ, на нее наложенныхъ.

У южныхъ Славянъ, жившихъ на щедрой
землѣ и подъ яснымъ небомъ, на привольѣ лу-

(61) *A. Grantz Saxonia. Francof. MDCXXI. p.*
109—110.

говъ и лѣсовъ, могли скорѣе родиться праздники, чѣмъ у сѣверныхъ, у копорыхъ была продолжительнѣйшая зима, обширныя болота и скудныя средства для жишья-бышья. Когда спала развивающаяся жизнь народная въ обществѣхъ и городахъ у жишелей Рускаго сѣвера и когда они вошли въ сношенія съ другими племенами: тогда у нихъ съ торгами появились праздники, кои носящъ на себѣ знаменіе любимыхъ ихъ занятій скоповодствомъ и земледѣіемъ, оппечапкъ качествъ ихъ климаша, мѣспности и нравовъ. Какъ годовое время дѣлилось у нихъ на зиму и лето: по и весь кругъ ихъ трудовъ и религіозныхъ и жишейскихъ празднествъ заключался зимнимъ и лѣпнымъ солнцеспояніями, или *Коледою* и *Купалою*, о коихъ сказано выше. Въ эпоху кругъ внѣшней и внутренней ихъ жизни входили всѣ торжественныя проявленія народности и вѣрованія. Хопя въ Славянскомъ переводѣ Кормчей въ 62 пр. пропущены *Русалии*, о коихъ упоминается въ Сноплавѣ; но Паптріархъ Вальсамонъ и Дмипрій Хомашинъ въ полкованіяхъ на Кормчую приводятъ *Русалии*, кои оныя нихъ вошли и въ Сноплавъ. Они называютъ сей праздникъ происходящимъ въ чужихъ земляхъ (*ἐν ταῖς ἕξω χωραῖς γενόμενα*). Такъ какъ Греки употребляли сіе выраженіе, говоря о спранахъ сѣверныхъ въ отношеніи къ

себѣ; по замѣчанію одного изъ схолиастовъ на *Basīlica* (62): то и отнеси́ся оно къ Болгарскимъ Славянамъ, у коихъ существовали Русаліи, извѣстныя и у Рускихъ Славянъ на югъ: любимый свой цвѣтъ красный или русый клеверъ. они на близкіе къ нимъ предметы: на времена года, на спихи, на спрану, на горы, на лѣса и на жи́по, отсюда: красная весна, красное лѣто, красное солнце, красная (червоная) Русь; красная горка, красный холмъ, красный лѣсъ, красный хлѣбъ и ш. д. Какъ бѣлый цвѣтъ былъ символомъ воды и воли, такъ красный — огня и войны, а черный — неволи и смерти. Кро́мь Русалій, праздни́ка духовъ, коимъ присвоивались и свадьбы на водахъ, тризна принадлежала Славянорусомъ и родительскія, совершавшіяся съ языческими обрядами. Поклоненіе *Перуну*, главному божеству Руссовъ, Поляковъ, Прусовъ, Вендовъ, Чеховъ и Моравовъ, сопровождалось празднествами, такъ какъ служеніе богу скоповодства, *Волосу* и другимъ, болѣе или менѣе извѣстнымъ кумирамъ Славяно-рускаго міра. Особенное благоговѣніе

(62) Pandectae canonum Beveregit, can. LXII. Ea, quae dicuntur *Rusalia*, quae post sanctum Pascha ex mala consuetudine fiunt in externis regionibus. — Въ Пошребникъ, напеч. въ Москвѣ 1639 г. въ листъ, упоминающя между Еллинскими обычаями *Русалии*.

къ силамъ мировымъ и планетнымъ огню и водѣ, какое видимъ въ *Купаль* и *Купальницѣ*, безъ сомнѣнiя, есть остатокъ древняго Славянскаго богослуженiя, общаго съ Воспючвыми племенами и принесеннаго на югъ и сѣверъ Россiи изъ общей ихъ колыбели. По свидѣтельству Византiйскихъ и опечеснвенныхъ писателей, Славяно-рускiя племена чтили *рѣки* и *колодези*, или *кладенцы*, *студенцы* (63), поклонялись дубамъ, подобно Германцамъ, и приносили имъ и другимъ жершвы, по коимъ дѣлали гаданiя, кидали жребiи. (64). На островѣ Рюгенѣ въ древнемъ мѣстѣ находилось святое озеро *Студенецъ*, предъ коимъ благоговѣли Славяне. Слѣды этого благоговѣнiя къ водѣ остались въ нѣкоторыхъ областяхъ Россiи: между прочимъ въ Буѣ, уѣздномъ городѣ Коспромской Губернiи, доселѣ дѣвки въ великiй Четвертокъ

(63) *Procopius de bello Gothico*, III, 14. — *Constantini porphir. de administratione*. 44. — Исследования, служащiя къ объясненiю древней Руской Исторiи, А. Х. Лерберга. С. П. 1819. 4.

(64) Имена *рѣкъ*, по замѣчанiю Г. Глаголева, на сѣверѣ имѣють родъ и окончанiе одинакiе съ городами на *a* женск. р.; а на югѣ, ш. е. въ областяхъ древнихъ Рускихъ и вообще Славянскихъ (въ Новгород. области также) есть *рѣки* женскаго и мужскаго рода. см. Журналъ Д. М. вн. д. Января, 1835.

кликають весну и, ежели раскрылась вода, входящъ въ рѣку и, одна съ другою схватясь за руки, припѣвають: *весна, весна красна, приди весна, съ милостью, съ милостью, съ великою благодатью!*

Особенное вниманіе заслуживаютъ обряды, совершаемые при свадьбахъ, погребеніяхъ, на сельскихъ праздникахъ и въ хороводныхъ играхъ. Многіе изъ нихъ споль древни, что напоминаютъ намъ объ изконномъ сродствѣ нашемъ съ Греками и Римлянами, или, по крайней мѣрѣ, объ одинакомъ съ ними происхожденіи изъ древняго уголка Азіи — расадника всѣхъ Европейскихъ народовъ и всего земнаго населенія. (65).

Если по сходству обычаевъ и языка одного народа съ другимъ можно заключать о сродствѣ оныхъ: то и о сродствѣ Славянъ и Руссовъ съ Воспочными, Германскими племенами, Греко-Римлянами и другими народами можно судить по сходству нѣкоторыхъ ихъ повѣрій, религіозныхъ обрядовъ и многихъ словъ въ языкахъ. Время и мѣсто такого сродства между сими народами скрывается во мракѣ предъисторическихъ временъ, объясняюща опчаспи соображеніями, внѣшними и

(65) Журналъ Министерства вн. дѣлъ. С. П. 1835. Июнь.

внутренними признаками: къ нимъ относятся бытъ и духъ народа съ его повѣрьями, обычаями и праздниками, изъ коихъ обыкновенно заимствуетъ одинъ народъ у другаго болѣе сообразныя съ мѣстностью своей и съ естественными и нравственными потребностями. Кроме сего, сходство можетъ быть въ символахъ, почерпаемыхъ изъ одного общаго источника — природы, по врожденному челоуку побужденію. Поклоненіе первенствующимъ стихіямъ огню и водѣ, благоговѣніе къ рѣкамъ, напр: Бугу, Дунаю, Дону, прославляемымъ въ пѣсняхъ народныхъ, частыя омовенія и купанье, сожиганіе мертвыхъ, общи у жипелей Воспока съ Славяно-Руссами въ ихъ Язычествѣ. О перескакиваніи черезъ огонь для очищенія, о почтеніи къ священнымъ дубравамъ и горамъ упоминается въ Ветхомъ Завѣтѣ, какъ о памятникахъ древняго идолопоклонства, заимствованныхъ Евреями отъ Суріянъ и Финикіанъ (66). Гебры и Парсы въ Оспындіи исповѣдуютъ Сабейзмъ и признавая единство Бога подѣ именемъ Yerd, почишаютъ солнце и огонь его символами. У Халдеевъ небесное божество называлось Nebo, по Санскрипски Nabu, Nibu, по Арабски neba — наше небо.

(66) IV. Царствъ, XVII. Archaeologia biblica, in epitomen redacta a J. Jahn. Viennae, 1814. 8.

въ богоученіи восточныхъ Индѣйцевъ встрѣчается Славянскій *Перунъ*, въ честь котораго совершается въ Январѣ, во время зимняго солнцеспоянія, праздникъ *Перунъ - Понголь*, или великій *Понголь*, сопровождаемый гаданіями — *Угадами* (*Ougahdy*): оный продолжается при дня, въ кои приносятся жертвы землѣ и огню: первый день называется *радостью*, другой днемъ *солнца*, прерпій двумъ *быковъ и коровъ*. Предсавивтели огнепоклоненія у Персовъ именовались *Пирами* и *Магами*. Кто не узнаетъ въ Индѣйскомъ *Копалъ*, покаянникъ, нашего *Купалу*? Самая обитель усопшихъ предковъ, темное мѣсто, *Индра*, у Индѣйцевъ именуется *Ямою* (*Yama*), священныя игры 1 Апрѣля — *Гулями* (*Houli, Nuli, Holasa*), *гулочками*? и т. д. (67). Знаюки при дальнѣйшемъ изслѣдованіи Восточныхъ писателей и обычаевъ найдушь болѣе сходнаго Восточныхъ съ Славяно-Русскими.

(67) Voyage aux Indes orientales et à la Chine, par Sonnerat. à Paris, 1807. t. I, p. 240. 8. — *Карамзина И. Г. Р. т. VIII.* — Moeurs, institutions et cérémonies des peuples de l'Inde, par I. A. Dubois, à Paris, 1825, t. I, 8. — Edda Saemundina, t. III. — Religions de l'Antiquité par F. Creuzer. t. I — III. — Ueber die Sprache u. Weisheit der Indier. Ein Beitrag zur Begründung der Alterthumskunde, von J. Schlegel. Heidelberg. 1805. 8.

По сходству Греческихъ мѣровъ и обрядовъ съ Индѣйскими многіе ученые заключали, что они вмѣстѣ съ Славянскими почерпнушы изъ одного источника въ предъиспорическія времена. Послѣ переселенія народовъ, возобновилась связь Славянъ съ Греками — первые проникли въ самую Грецію и шамъ въ Пелопоннесѣ запечатлѣли слѣды свои въ наименованіи разныхъ урочищъ. Въ послѣдствіи войны, мирные и торговые договоры, путешествія Славяно-Русовъ въ Грецію, наконецъ принятіе ими Христіанской вѣры опъ Грековъ, служили проводниками въ Рускій міръ Греческихъ обычаевъ, повѣрьевъ и рѣченій, изъ коихъ многія еще могли бытъ общими у Славянъ съ Греками въ тѣ предъиспорическія времена, когда сіи народы, по всему вѣроятію, составляли одно племя: посему сходство въ словахъ и повѣрьяхъ того и другаго было не случайное, а существенное, основанное на происхожденіи сихъ племенъ древняго міра опъ одного корня. Какъ Византійцы называли язычниковъ *Еллинами* для ошличія опъ правовѣрныхъ — Грековъ (68), а языческіе

(68) *Antiquités grecques*, trad. de l'Anglais de *Robinson*.
2 v. à Paris, 1822. 8.

обряды *Еллинскими*: по и Рускіе именovali свои древніе, дохрістіанскіе обычаи *Еллинскими*. Безъ сомнѣнія, опъ Грековъ заимствованы, кромѣ церковныхъ праздниковъ, и жиппейскіе, вмѣстѣ съ ихъ обычаями и уставами, кои больше дѣйствовали на высшія сословія народа, чѣмъ на простолюдиновъ, отверженныхъ къ древнимъ обычаямъ и повѣрьямъ своихъ предковъ. Гомеровскій еписетъ Ареса (Марса) *Ἐῤυρος* ярый, споль сходный съ Арабскимъ шавромъ, съ Скандинавскимъ Туромъ и Еспрусскимъ Туган, находится и въ Игоревой пѣсни Буй-Туръ, такъ равно еписетъ Вулкана *παλίκοτος* паки-гнѣвающійся, близокъ съ прозваніемъ С. Бориса въ Бѣлоруссіи, который слыветъ *паликотомъ* или *паликопомъ*, попому что, подобно древнему Вулкану, на нечпущихъ памяти его низводитъ перуны! Въ самомъ словѣ *Перунъ* опзывается Греческое *πῦρ* огонь. Наша мать земля близка съ *Γῆ μήτηρ*, или *Δᾶ μάτηρ* земля машь, или Церера, кормилица рода человеческого. Въ древноспяхъ Еллинскихъ встрѣчаются сходныя съ Славянскими *родительскія* (*Γενέσια*, "Обія), птицеволхование (*οἰωνομαντεία*), литье воска въ воду (*κηρομαντεία*), гаданіе или колдованье (*κλήδονες*, пологреч. *κλήδονα*), при космѣ и донынѣ кладуть не только женщины,

но и муцины въ сосудъ перстень или монету, копорую вынимали подъ пѣсни (69). У Грековъ также извѣстенъ былъ божескій судъ — испытаніе желѣзомъ (*μύδρος*) (70). Нашъ Семикъ имѣеть сходство съ Адонисовымъ праздникомъ, при окончаніи коего Греки бросали въ море или рѣку вѣнки, цвѣты и древесные листья (71), или съ упоминаемымъ въ Θεοδοσίεωμъ Уложеніи *Λαμπροφορία* — ношеніемъ вѣпвей древесныхъ по городу въ честь одного божества; Руская игра *живъ, живъ* (*Ζῆ, ἔΖῆ?*) *курылка*, похожа на порожественное въ честь Прометея бѣганье со свѣчочами (*λαμπροφορία, λαμποδοῦχος αἰών*) (72). Гндичъ объясняетъ праздникъ и пѣсни Коляды Греческимъ словомъ *χολάδης*, ш. е. внутренности, кишки, по сходству съ Малороссійскимъ обычаемъ при коледованіи просить въ награду *кольцо колбасы* (73). У Гомера въ *Илиадѣ*

(69) *I. Sauberti de sacrificiis veterum. Lugd. Bat. 1709. 12. Wachsmuth Hellen. Alterthumsk. II. 2.*

(70) *Sophocl. Antig. 264.*

(71) Умозрительныя и опычныя основанія Словесности, въ IV част. сочин. Г. *Глаголева*. С. П. 1834. 8.

(72) *Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. Guthrie. à S. P. 1795. 8.*

(73) Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, изд. Н. *Гндичемъ*. С. П. 1825. 8.

надъ друиномъ Гектора дѣлающа *причитаніе* (*ιάλσμος*), какія сохранились въ летописяхъ нашихъ и какія употребительны у проснолюдиновъ. Самое слово *игра* однородно съ Греческимъ *ἔγγρα*, кои были хороводы при павинсвахъ Цереры (74), даже нашъ *хороводъ*, или *короводъ*, у другихъ Славянскихъ племенъ извѣстный подъ именемъ *коло* (75), Еллинскаго происхожденія, отъ *χορός* *хоръ*, ликъ поющихъ и пляшущихъ, и *ἄγω* *веду*, какъ бы *посолонъ*, или отъ *χοροβάτης* спускаю въ хоръ; ибо собственно хороводъ прообразовалъ печеніе соляца. Многие изъ праздниковъ Еллинскихъ, также какъ у Русскихъ, продолжались *три дня* (*τριήμερον*); самое слово *сорокоустъ* есть позднее Греческое *Σαρακοστή* и *Σαράντα* сорокъ дней. Ф. Грефъ доказываетъ изъ Иліады VII п. стп. 171, что нашъ проспой народъ также мешаеъ жребіи, какъ мешали Греки на поляхъ Троянскихъ (76).

(74) P. Köppen's die dreigest. Befate. Wien, 1823. 8.

Horat. IV, od. 7: choros ducere вести хоры, лики.

(75) Впрочемъ можно производить и отъ *коло*: тогда выдешъ *коловодъ*, выражая также понятіе круга, какъ и на Греческомъ.

(76) Antiquitatis Graecae et Romanae loca quaedam e Rossorum lingua et usibus illustrata, auct. F. Graefio. part. I. Petropoli. 1827. см. Библиогр. листы, 1825. No 22.

Нынѣшніе Греки удержали у себя многіе
обычай и повѣрья древнихъ предковъ своихъ :
у нихъ есць родники, криницы (*κρήναι*), почи-
таемыя священными, пакъ какъ у насъ, куда
они приносящъ больныхъ для исцѣленія (77).
Перваго Мая (Πρωτομαΐα) у нихъ двери всѣхъ
домовъ, какъ у насъ въ Семикъ, украшающя
цвѣтами и вѣтвями древесными и вся Греція
вспрѣчаешъ начѣло лѣта увеселеніями народ-
ными. Грекамъ, вѣроятно, Славяне Рускіе
подражали въ замѣненіи боговъ Языческаго
Святыми Хрістіанства. Какъ все прекрасное
и благое происходитъ оупъ Бога чрезъ посред-
ство Ангеловъ и Святыхъ, копорые у Гре-
ковъ заступили мѣсто полубоговъ и геніевъ :
поему у нихъ пакже Сорокъ Мучениковъ
приводящъ весну и соловьевъ, С. Николай Чу-
дотворецъ упишаешъ бури, а С. Георгій,
весьма уважаемый самими Турками, покро-
вишельствуешъ земледѣлю и скоповодству,
и памъ его днемъ шоржесшвенно опкрываешъ
годъ паспущескій и празднуешъ семей-
нымъ пиршесшвомъ, на коемъ съѣдающъ пер-
венца спадъ (78).

(77) Въспнякъ Европы, 1821, No 14.

(78) Voyage dans la Grèce par F. C. Pouqueville, à
Paris, 1820. 5 v. 8.

Опъ древняго сродства , въ предъиспо-
 рическія времена , Славянь съ Римлянами ,
 копорые сами хвалились происхожденіемъ сво-
 имъ опъ Венешовъ , Славянскаго племени ,
 попомъ опъ сосѣдства Лапинскихъ колоній
 съ Славянскими народами по Дунаю и наконецъ ,
 опъ вліянія Греко-Римлянъ въ средіе вѣка на
 Россію, вошло въ Рускій міръ много повѣрій и
 обычаевъ , а въ языкъ много словъ Римскихъ.
 Древній Римскій языкъ, по мнѣнію Арендпа и Г.
 Мейдингера, ближе съ Славянскимъ, чѣмъ съ Нѣ-
 мецкимъ (79). Скольکو Римскаго доселѣ оспа-
 лось въ общихъ черпахъ Рускаго народа, въ его
 быту, въ законахъ, въ календарѣ и п. п.! Выше за-
 мѣшили мы о сходствѣ нѣкопорыхъ народныхъ
 суевѣрій и религіозныхъ обрядовъ у Римлянъ съ
 Славяно-Руссами, къ копорымъ могли перейти
 оные посредствомъ Нѣмцевъ и Липовцевъ. Геній
 хранигпель, *постль*, (*incubus, succubus, épiál-*
тнs), *домовой* (*domiducus, sa*), *родительскія*
(parentalia); *девятины* (*novemdialia*) и пр. ,
 возводящъ насъ къ религіямъ Пеласгійскимъ ,
 споль сходнымъ съ древне-Ипалійскими. Если
 ближе сличимъ происхождение и знаменованіе
 нѣкопорыхъ боговъ Римскихъ : по они, мо-

(79) E. v. Arndt über den Urspr. u. die Verwandtschaft
 der europ. Spr. Jrf. 1827. 8. — H. Meidinger die
 deutschen Volksstämme. Jrf. am W. 1833. 8.

жестъ спашься, найдутся нечужими Славянскимъ. Скандинавская Фрея, вѣроятно, родственница съ Римскою Frulis-Seja, или Seiana, и Славянскою Сьваною, происходящею еще съями, какъ Vertampus богъ садовъ и плодовъ опъ верта, сада (80). Древнiя Рускiя слова дивъ и дива близки съ Латинскими divus, diva, или съ упоминаемыми въ Салийскихъ пѣсняхъ Deivos saivos и Deiva saiva, божество солнца и луны, сходныхъ съ нашими Ладо и Ладюю. см. стр. 14. Неопредѣленность пола божества ясно выражается въ самыхъ молитвахъ Квириповъ: sive deus, sive dea (81). Благочестiе къ аеролишамъ и камнямъ одинакое почти было у Славянъ Русскихъ съ Римлянами и Греками, когорые имѣли у себя ombria, lapides sacri, baetyli, κεραυνίας и Jupiter lapis, копорымъ они клялись.

У Латинъ хожденiя вокругъ полей предъ посьвомъ и послѣ посьва Ambarvalia, Sementinae похожи на подобные Рускiе обряды, кои и доныпѣ существующъ между простымъ народомъ. Упомянутые въ Сноглавѣ гудцы и прегудницы, игравшiе со скоморохами на моги-

(80) Edda Saemundina, t. III. L. M. — Die Etrusser, IV B. von H. O. Müller. Breslau, 1828. 8.

(81) Religions de l'antiquité par F. Creuzer, trad. par D. J. Guignant. t. II, 1 p. à Paris, 1829. 8.

лахъ покойниковъ, близки съ Латинскими *titicines* и *fidicines*, а *плакуши* съ *praeficae*. Подобно древнимъ Римлянамъ, народцы, населявшие Русь, сожигали своихъ умершихъ для того, чтобы пыльные оспашки охранить отъ поруганія и душу очистишь отъ скверны пьюши. У Рускихъ и доньяъ, по Успаву церковному, бросаютъ землю на мертваго, какъ бывало у жипелей Лаційскихъ (82), по совершеніи же похоронныхъ обрядовъ, даютъ обѣдъ въ память усопшихъ — Латинскій *silicernium*, *charistia*. Какъ у Римлянъ дѣлались возліанія (*libationes, manibus parentabatur*) на жершвенникъ, сооруженный предъ гробницею (83), такъ досель въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, напр. въ Галичѣ, въ родительскія, прешины, девяпины и сорочины льютъ панихиду (канунъ) на могилы покойниковъ. Изъ Луціана и Ювенала видимъ, что Греки и Римляне клали на гробницы яицы, какъ очистишельныя жершвы: что доньяъ наблюдаенся въ Радунцу между проспымъ народомъ въ Россіи. Упоминаемая въ Кормчей *Каманды Январскія*, неизвѣспныя Елли-

(82) *Ciceronis de legibus*, (ed. Goerenz, Lipsiae, 1809.

8.) с. 22: *in os injecta gleba est*. См. о двусмыслии слова *os* кость и лице, Гёренцовъ экскурсъ: *de gleba post crematum corpus, ad complendam sepulturam, in os mortui injecta*.

(83) *J. Sauberti de sacrificiis veterum*. Lugd. Bat. 1709. 12.

намъ, во многомъ сходны съ играми святочныхъ, такъ какъ и старинныя слова *скураты* и *ларвы*, или личины, хари, встрѣчающіяся въ опеческихъ книгахъ, въ свойствѣ съ Лаптинскими *scugga* и *lagva*; даже въ Номоканонѣ Аѳонской горы, напеч. въ Кіевѣ 1624 г. говорится, что „нынѣ въ одежду женскую мужіе облачашся, и жены въ мужескую, или наличники, якоже въ спражахъ *Латинскихъ* (Христіанъ Запад. Церкви) злѣобыкоша, пворяшъ.“ Впрочемъ можетъ быть и то, какъ замѣчаетъ Р. Тимковскій, что «наряды въ маски и разныя спранныя одѣянія, какія и теперь бывають во время Масляницы, заранѣе перешли къ предкамъ нашимъ отъ Скандинавовъ и Грековъ (84).“ Римляне во время *Палиій*, праздника основанія Рима, какъ у насъ въ Купалу, *палиц* сухое дерево и хворостъ, и черезъ епопъ огонь проекрапно перескакивали. Канне въ Мифологіи своей вмѣстѣ съ издапелями *Edda Saemundina* находить очевидное сходство Лаптинской *Палесы Pales* съ Азіатскимъ *Bal, Baal*, Скандинавскимъ *Bål* огонь, пламя, и Рускимъ *палити* жечь и *палило*. *Палиемъ* въ Малороссіи прозывается Св. Панпелеймонъ попому, что онъ *палитъ* копны сѣна и скирды хлѣба у пѣхъ, кпо работаешъ въ его праздникъ. ср. стр. 61.

(84) Рускія достопамятности, ч. I, М. 1815. 8.

Въ Маѣ мѣсяцъ совершался въ Римѣ при Оспін праздникъ (Maіша), во время коего мущины обливали другъ друга водою (85), какъ бывало на Руси во время всей Свѣтлой седмицы, см. выше спр. 40. Въ Римѣ, въ идахъ Мая, поржешвенно кидали съ священнаго моста въ Тибръ ХХХ просинниковыхъ болвановъ (simulacra scіrea): Нѣмецкіе Славяне и жипели нѣкопорыхъ обласпей Россіи доселѣ бросаюшь въ рѣки съ различными обрядами соломенныя чучелы весной и лѣпомъ. Какъ у Римлянъ, такъ и у Рускихъ, Маѣ мѣсяцъ почитался неблагопріятнымъ для супружескъ; у первыхъ была пословица: Mense Maіo nubunt malі, сходная съ примѣшою послѣднихъ: *Кто въ Маѣ женится, тотъ будетъ маяться* и съ Французскою: Noces de Maі, nocēs mortelles (86). Въ свадебныхъ обрядахъ Римлянъ и Рускихъ находится много сходнаго: самое олово *свадьба*, спар. *сватба*, одного корня съ Лапинскимъ *suada*, ш. е. привлекапельная, прозваніе Венеры, такъ равно и свадебный *коровай* съ Лапинскимъ древнимъ обрядомъ бракосочепанія *сопфарreatio*, при коемъ, по свидѣтельству Т.

(85) J. Sauberti de sacrificiis veterum. Lugd. Bat. 1709, 12. — Вѣстникъ Европы, 1811, No 20.

(86) Ovidii Fast. V. v. 489, 90. Hac quoque de causa, si te proverbia tangunt, Mense malas Maіo nubere vulgus ait.

Варрона, въ древности у Римлянъ на порогъ ставились огонь и вода — первый знаменовалъ мужа, а вторая — жену: ибо огонь оплодотворяетъ, а вода производитъ.

Кто не узнаетъ въ приводимомъ церковными книгами *вороноградъ*, *птицезолхвованіи* и въ сохранившихся доселѣ между проспымыя народомъ гаданіяхъ по клеванію, пѣнію и полету пшницъ Египтско - Римскія *auguria* и *auspicia*? Сколько было примѣтъ у нихъ сходныхъ съ нашими! Чиханіе (*sternutatio*), при коемъ они говорили, также какъ и мы, *здравствуй* (*salve*) (87), *звонъ въ ушахъ* (*tinnitus aurium*) (88), *чесотка зубовъ* (*pruritus dentium*) (89), *посыпаніе соли* на сполѣ и ш. д.

У Римлянъ, върившихъ также *призору очей* или *изурочиванію*, было и божество *Fascinus*, предохранявшее отъ ешаго и младенцевъ (*custos infantium*); они оговари-

(87) *Ovidii* ep. ad H. L. v. 151. Sternuit, et vobis prospera signa dedit. Въ хараш. спискахъ Нестора о современныхъ ему суевѣріяхъ находятся слѣдъ: „На-
„рицающа хрестьяне, а погански живуще — дру-
„зи же и зачиханью върующъ, еже бывающъ на
„здравіе главъ.“ *Карамз. И. Г. Р. ш. II, прим. 113.*

(88) *Plinii* H. N. 28, 2, 5. Absentes tinnitu aurium praesentire sermones.

(89) *Plauti Amph.* I. 1, 139. Perii! dentes pruriant.
Theocr. Id. III, v. 37.

вались и оплевывались, когда кто хвалилъ ихъ дородство или красоту, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Петронія sat. p. 805: *Nos peracto carmine, tæ exruere jussit.* У нихъ были, также какъ у насъ, черные или злые дни (*dies atrî*), въ кои они ничего не начинали. Мъспами жертвоприношеній и совершенія другихъ св. обрядовъ, подобно Славянамъ и Нѣмцамъ, были у Римлянъ священныя дубравы (*luci*) и источники (*fontes*); ибо, по словамъ Липсія, древнее существовало повѣрье, что „источники и рѣки почитались меньшими богами и геніями.“ Епю сходно съ словами, включенными въ Слав. рукопись XI в., о коей выше приведено: „Овъ рѣку „богиню нарицаешъ и звѣръ живуць въ ней люо „бога нарицаа, гребу шворитъ.“ Римляне также приносили богамъ своимъ цвѣтныя, ладанъ (90), свѣчи (91), медъ, кромѣ обыкновенныхъ жертвъ живошными, дѣлали изъ металловъ по обычаю притѣски изображеній больныхъ частей шѣла (*e voto*), очищали луспиральною водою людей, оскверненныхъ пресупленіями, поля, дома и города (*lustratio ordinaria et extraordinaria*) (92). „Весну, по свидѣпельспву I,

(90) *Thurea dona. Virgil. Aen. VI, v, 223.*

(91) *Senecae ep. 95.*

(92) *Virgil. Aen. VI, v. 229. Plutarch. Quaest. IV. Cic.*

Лавренція Лудійскаго, называли они *зеленою*, присвоивая сей цвѣтъ землѣ, а льно *краснымъ*, посвящая красный цвѣтъ огню и Марсу (93).“ Праздники у Римлянъ продолжались, по большей части, три дни, такъ какъ у Рускихъ (94).

Западные писатели о Славянской Мифологіи, по цѣлѣному обычаю Грековъ и Римлянъ, часто сравнивали Славянскія божества съ Римскими, сославили новыя, небывалыя (95).

Выше замѣтили мы о сходствѣ Славянской Мифологіи во многихъ чертахъ съ Скандинавскою, нашли въ ней *Перуна*, *Волоса* своего, и другіе мненія; шже сходство найдется и во многихъ обрядахъ и праздникахъ народныхъ. Скандинавы, или Варяги, раздѣляли также годъ на два равноденствія, кои знаменовались праздниками — зимнее Юльскимъ (*Juhl, Joel*), который отправлялся въ Норвегіи болѣе въ честь Тора, а въ Даніи посвящался Одину для испрошенія благословенной яшвы и скората возвращенія солнца: оный соопшвѣтствуетъ нашимъ Святкамъ, кои у Дапчанъ

(93) J. Laurentii Lydi de mensibus. Lipsiae, 1794. 8.

(94) Ferias indicere in triduum. Liv. III, 5. Cic. de legg. II, 2.

(95) Моск. Вѣстникъ, 1828, No 2.

называющагося Juul; онъ прежде сопровождался переряживаніемъ (96) людей въ козловъ, лошадей и быковъ. Извѣстный въ святочныхъ нашихъ играхъ суженой ряженой почти одинакую роль играетъ съ Скандинавскимъ Julevetten, кошорый внезапно является въ дома. При Византійскомъ дворѣ Варанги (Варяги) и Готы, сославлявшіе Царскую дружину, по свидѣтельству Константина порфир. и Кудина (97), объ Рождествѣ Хрисповъ являлись въ личинахъ и шубахъ, вывороченныхъ на изнанку, вертѣлись, ударяли жезлами въ щипы и пѣли пѣсни подь музыку. Сии святочные игры слыли въ Царьградѣ готическими и продолжались до самаго разрушенія Византійской Имперіи (98). Въ лѣтнее равноденствіе (Midsommersnat, или Sankt Hans Aften) у Дашчанъ, вездѣ на сѣверѣ зажигались костры, нѣкогда посвящавшіеся Балдеру и называемые въ Россіи купальскимъ огнемъ; память, подобно какъ у насъ, въ епошѣ день купающагося для здоровья и собираемыя травы (Sank

(96) Мейнихенъ въ своей *Съверной Мивологіи*, изд. на Дашскомъ языкѣ въ Коппенгагенѣ, говоритъ, что Juul происходитъ отъ слова Hjul колесо; ибо годъ тогда поворачивается колесомъ.

(97) *Constantini porph. de cerem. aulae Byzantinae. Lipsiae. 1754 f.*

(98) *Edda Saemundina, t. Ц. L. M.*

Нанс Урт) почищаются цѣлишительными огнемъ порчей и недуговъ.

День Торовъ или Туровъ, четвергъ, слы-
вущій у Далчанъ въ проспонародіи зеленымъ
и легкимъ для дѣтъ, изъ языческаго праздни-
ка 692 г. по Р. Х. превращенъ въ Христіан-
ское торжество Римско-кашолической Цер-
кви подъ именемъ *dies viridium*, на осно-
ваніи псалма XXIII, 2., въ коемъ слово *viridis*
выражено на Слав. *злачный*. Издревле въ Ислан-
діи, при началѣ весны, праздновали въ чет-
вергъ Тору и донинѣ празднуютъ, такъ
какъ въ Россіи *Семичкій четвергъ*. Тогда, по
мнѣнію Скандинавовъ, Торъ, побѣдивъ Ти-
асса, змѣяго гиганта, воспринималъ полное
владычество въ природѣ. Исландскому назва-
нію соотвѣтствуютъ Нѣмецкое: *der grüne, der*
hohe Donnerstag, Англійское *holy Thursday*,
т. е. священный Туровъ день, и Шведское *Helig*
Thorsdag (99), въ который проспонародины
въ Германіи имѣли обыкновеніе ѣсть зе-
лень. Вѣроятно, что къ міру Славяно-
Рускаго Язычества относится народная

(99) Въ Edda Saemundina. t. III: Specimen Calendarii
Borealium cum superiore ac recentissimo nostratium an-
nui spatii computo, variis cognatarum gentium festis
vel ceremoniis collatum.

поговорка о чемъ либо несбыточномъ: *По-
слъ дождичка въ четвергъ*. Майскій праздни-
къ, по-Тевтонски *Meue-tag*, былъ радосп-
нѣйшимъ у Шведовъ, Данчанъ, Германцевъ,
Англовъ: онъ отправлялся и въ Герма-
ніи и Даніи, въ извѣстное время года, съ
пѣснями и хороводами вокругъ Майскаго де-
рева. Какъ у насъ въ Семикъ, такъ у нихъ
въ эпоху Майскій праздникъ поселяне уве-
личиваютъ себя цвѣтами и носятъ въ рукахъ
зеленяя древесныя вѣтви. Майскій праздникъ
при Олаѣ великомъ торжественно совер-
шался въ Швеціи самимъ Королемъ и его дво-
ромъ, копорый вмѣшивался въ веселыя по-
пы народа. То же бывало и въ Даніи. Какъ
Персіане въ новый свой годъ, при возвраще-
ніи весны, имѣютъ обыкновеніе дарить друзей
своихъ раскрашенными лицами, такъ Скандина-
вы и Рускіе въ продолженіи Пасхи хриспосующ-
ся и мѣняющся красными лицами. *Первое*
Апрѣля обманываютъ другъ друга не толь-
ко на Руси, но и въ Даніи, Швеціи и Норвегіи,
гдѣ также празднуется 23 Апрѣля *Егорьевъ*
день (*Iörgen* на Данск., *Gögan* на Швед.),
когда въ Исландіи и Финляндіи торже-
ствуется насмущеніе весны, или лѣт-
ней поры, съ различными языческими обра-
ми. Св. Георгію суевѣріе жителей Скандинав-

скихъ придавало почти такія же качества и дѣла, какія Тору или Одину. Крещенные Варяги прежде вѣровали въ Славяно-Русскаго Перуна и въ Тора. Между именами Руссовъ, заключившихъ договоръ, находилсѣ Туръбидъ и Туръбернъ, которые повидимому соопвѣсшуютъ Скандинавскимъ Thorfrid, Thorfid и Thorberg (100). Въ Коспромской губерніи доселѣ поютъ пѣсню въ честь Тура :

Ой Туръ молодець удалой!
 Туръ изъ города большаго,
 Вызывалъ красну дѣвицу
 Съ нимъ на правѣ побороться,
 Ой Дидъ Ладо, побороться и пр.

Когда, по низверженіи въ Скандинавіи кумировъ Тура, одержавшаго, по народному преданію, побѣду надъ дракономъ, поставленъ былъ ликъ С. Михаила Архангела, низринувшаго сашану: суевѣріе народа спало смѣшивавшъ лица и дѣйствія того и другаго; день Архангела (Mihiltag) празднуется, особенно въ Даніи, веселыми пиршествами, кои называются *осенними*, *жатвенными* (Höst-Gilde), а въ Борнголтѣ *Михайловскими*; изображеніе его оспалось въ древнихъ храмахъ Скандинавіи.

(100) Карамъ. И. Г. Р. I.—Также Турвуди, Турдовъ. см. Ляцонисъ Несшорова по Лавренцъ, сн. М. 1824. 4.

Въ міръ Скандинавскомъ пакъ же, какъ и въ Славянскомъ, еспь обрядъ *изгнанія зимы и встрѣча лѣта*; въ Васильевъ вечеръ на Ноуѣй годъ памь дѣлающся гаданія о будущемъ, замѣчающся разныя примѣпы. У Исландцевъ пюгда просполодины полшами ходяпть ночью по улицамъ съ пѣснями и крикомъ, бьюпть горшки у дверей домовъ; пакже наряжающся муцины женщинами, а женщины муцинами, надѣваюпть на себя разныя личимы, и п. д.

При ближайшемъ сравненіи проспонародныхъ Мѣсяцослововъ Скандинавскихъ, вѣроятно, откроепся еще бѣльшее сходспво древняго ихъ богоученія и богослуженія съ Славяно-Рускимъ. Чшо жъ касаепся до Германской Миеологіи, шо она занимаепть средину между Цельпшическою и Сѣверною. Древнѣйшее сосѣдспво и смѣшеніе Славянскихъ племенъ съ Нѣмцами, копорыхъ они называли и *Фрягами*, разумѣя вообще подъ симъ именемъ западныхъ Европейцевъ (101), особливо въ сѣверной и воспочной Германіи, сильно подѣйсцовало на языкъ пѣхъ и другихъ, въ коемъ находипся множеспво сходныхъ словъ, выражающихъ потребноспи жипшейскія; памь число Славянскія названія

(101) Въ Пошребникѣ, изд. въ Москвѣ 1639 г. въ л. сказано: о Франзѣхъ: „Логтоварди и Фрязи, шже и Германи нарицаюпсь.“

многихъ городовъ, оленій, горъ, долинъ, рѣкъ, лѣсовъ поширились и въ сѣверо-восточной, части Россіи, куда могла переселиться Балтійская Русь съ береговъ Ельбы, Одера, Вислы. Изъ сего можно заключить, что они заимствовали одни отъ другихъ слова, заимствовали и многія повѣрья, обычаи и праздники, какъ выраженіе ихъ мѣстности, быта и духа; Русь заморская перенесла въ міръ Славянскій нѣкоторые преданія, поговорки и пословицы, кои у насъ обрусѣли. Какъ богоученіе, такъ и богослуженіе западныхъ Славянъ, жившихъ среди Нѣмцевъ, во многомъ было различно отъ сѣверо-восточныхъ. Когда первые отъ единобожія перешли къ многобожію; то у нихъ расплодился божества, неизвѣстныхъ послѣднимъ и общія съ Нѣмцами и даже сходныя съ Римскими, копорые оставили намъ слѣды свои колоніями и станами. Хотя Славяне, подобно Германцамъ, предпочтительно поклонялись своимъ божествамъ на горахъ и въ священныя дубравахъ (*Heiden*), отъ коихъ и получили свое названіе язычники, такъ какъ *поганые* (*pagani*) отъ *pagi* селы, гдѣ они укрывались; однако имѣли храмы, куда спекались въ праздники на богослуженіе съ женами и дѣтьми. Столицею Славянскаго Язычества и торговли были *Рюгенъ*, приютивъ *Руси*, смѣшавшейся съ

Славянскими племенами (102), кои иногда выдавались за Англо-Саксовъ. Нѣкопорья божества у ней были общія съ Поруссами, или Пруссами, напр. Перунъ, копорый у нихъ назывался *Perkun* и обожаемъ былъ вмѣстѣ съ Попримпомъ юношею и Пиколомъ спарцемъ; символомъ перваго былъ огонь, другаго—змѣя, прешяго—мершваля голюва человѣческая. *Sema*, или *Semina*, была богиня земли. Венды Люнебургскіе, долго спуспя по дряняши Хрістіанства, приносили у священнаго дерева въ жершву пѣшуха, копорый у Скандинавовъ былъ символомъ огня, чюдъ дало поводъ къ Датской поговоркѣ о пожарѣ: *der röde Nane galer over Taget*, п. е. „красный пѣшухъ поешъ на кровль.“ Въ Германіи говорящъ просполюдины: *den rothen Bapn aufsteden*, вмѣсно: зажечь. Въ Самаріи пѣшухъ былъ символомъ бога огня (103). Какъ въ Германіи на Брокенѣ горѣ въ Валпургіеву ночь собирались колдуньи, шакъ и въ Киевѣ слешались на Ивановъ день вѣдьмы на Лысую гору: къ шакому суевѣрному мнѣнію вѣроятню дали поводъ древнія сходбища язычниковъ, ихъ

(102) Опытъ Исторія Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, соч. Профессора *А. Рейца*, изд. Профессора *Ө. Морошкина*, М. 1836. 8.

(103) *Edda Saemundina*, t. III. L. M.

жертвоприношенія и совершеніе языческихъ обрядовъ на сѣхъ мѣсахъ (104).

Нѣмцы и Славяне, бывшіе въ близкихъ между собою отношеніяхъ по своей мѣспности и полишическому вліянію, представляюще разительное сходство во многихъ повѣрьяхъ, обрядахъ, обычаяхъ и словахъ, такъ чпо прудно рѣшишь, кпо опъ кого прежде заимствовался; но вѣролпше — съ чѣмъ соглашающе Клуверій и другіе — первые опъ во слѣднихъ (105). Подобно Нѣмцамъ, Славяне поклонялись на *горахъ* и въ *заповѣдныхъ рощахъ* и *дремучихъ лѣсахъ*, гдѣ хоронились усопшіе, благоговѣли предъ водою и огнемъ, спарыми деревьями, особливо дубами и липами, подъ коими у нихъ чинился судъ и расправа (106). Большіе камни (*Obtzensteine, Altartische*) въ нижней Германіи, Скандинавіи и Целтическихъ спранахъ были мѣспами жертвоприношеній и судопроизводства. Вендскій богъ *вода* (*Wodha*), коего особенно чтили въ Репрѣ, принимающе за одно съ Нѣмецкимъ *Воданомъ* или *Одиномъ*, такъ какъ *Водяникъ* или *дѣдушка водяной* съ *Wassermann*,

(104) *Mythologie der alten Deutschen u. Slaven*, von L. K. a. n. 2 Th. Znaim. 1827. 8.

(105) *Cluver. Germ. ant.* I. 1.

(106) *Deutsche Rechtsalterthümer*, von J. Grimm. Obtingen, 1828. 8.

Русалки съ Nixen, Undinen, и съ Нѣм. провинціальнымъ словомъ Rüschechen, родъ духовъ женскаго пола, а домовые съ Hausmänner, Gütgen, и ш. д. Разныя племена Германскія имѣли различныхъ боговъ покровителей (Schutzgötter), даже всякое семейство — своего бота въ испочникъ, дерево и оружія, коимъ они клялись. Другія божества, особливо у западныхъ Славянъ сходствуютъ съ древними Нѣмецкими и съ Англо - Сакскими; позже почти можно сказать и о праздникахъ.

Какъ у Славянъ, народа земледѣльческаго, и годъ назывался *лѣтомъ*: по у Германскихъ племенъ, заимствовавшихъ земледѣліе отъ первыхъ, годы считались жапва ми; на древнемъ Готическомъ языкѣ уеаг, ааг, Исландск. и Дашек. ааг (выгов: *оръ*) и аг, годъ, весна, лѣшо, жапва, попомъ Jaar, Jahr значило собственно жапву; ибо на Вендскомъ языкѣ *лѣто* именуется *яръ*, а лѣшній плодъ *ярина*, *ярица*: отсюда и наше *яровое*. У Нѣмцевъ *Mittelwinter* середина зимы и *Mittelsommer* середина лѣта соотвѣтствовали Юлійскому празднику и Иванову дню.

Въ 742 году запрещалось законами первымъ Хрістіанамъ Германіи праздновать *первое Января* переодѣваніемъ муцинъ въ женскія плащя, а женщинъ въ мужскія, и маскиро-

наніемъ пѣхъ и другихъ: тогда совершался въ Европѣ извѣстный праздникъ дураковъ (*das Narrenfest, festival of fools, la fête des foux*) до XVI вѣка. Довынѣ даже о Святкахъ (*Wefhnachten*) въ Германіи дѣвицы льютъ олово и свинець въ воду, когда желаютъ узнать, какого ремесла будетъ у нихъ мужъ; въ полночь спускался въ курятникъ, съ особенными прибаушками; ежели въ это время запоетъ пѣнухъ: то онъ вѣряетъ, что скоро будетъ за мужемъ и п. п. (107). Многія другія суевѣрія совершались въ 12 дней сего праздника. Какъ Богоявленіе нѣкогда было праздникомъ середины зимы у Готтеновъ, Германцевъ, Дапчанъ и другихъ; опъ сего и различныя названія епому дню, напр: *das grosse neue Jahr, das Bohnenfest*, ш. е. великій новый годъ, бобовый праздникъ. Сіе названіе опносятся къ обычаю подавать въ епомъ день большое блюдо съ однимъ бобомъ; кому бобъ достанется, попомъ и называется *Царь - бобъ* (*Bohnenkönig, Roi de la fève*), копорый вѣроятно перешелъ къ намъ подъ именемъ *Царя-гороха* (108). Въ епомъ день Дапскія поселанки призываютъ шрехъ Царей, (*heilige drei Könige*), копорымъ и въ Коспромской Губ.

(107) Въспникъ Европы, 1823, No 1, стр. 75.

(108) Edda Saemundina, t. III. Lex. Myth.

ещь славленье; а въ Пруссіи въ Гумбинненскомъ округѣ, опть Р. X. до праздника шрехъ Царей, всякой вечеръ проводящъ въ забавахъ, переходя изъ дому въ домъ, на свѣшное Воскресенье обливающъ водою мущины женщинъ, а женщины мущинъ, шакъ какъ и въ Польшѣ и Россіи. О сходномъ обрядѣ изгнанія зимы (*Wid des Winters*) у Германскихъ Славянъ выше упомянуто нами. Дни С. Георгія весенняго, Хрістіанскаго выпязя, и Св. Михаила Архангела (*Jürgens*, или *Georgienstag*, *Michelstag*) служили сроками работъ и наймовъ, праздновались съ разными языческими обрядами въ Даніи, Швеціи и Германіи, особенно первою встрѣчею весны, или льшняго періода (109).

Первое Апрелья обманывать — было древнимъ обычаемъ сѣверныхъ народовъ; у Нѣмцевъ ешо называлось: *in den April schicken*, а у Французовъ *donner un poisson d'Avril*, проведши кого; опть сего и произошла пословица: *Es ist der erste April, da man einen jeden Narren hinschickt, wohin man will*, ш. е. Первое Апрелья всякаго дурака проводящъ, какъ хотпящъ (110). *Первое Мая* (*Maietag*), по Тев-

(109) D. J. J. Eisenhart's Grundsätze der deutsch. Rechte in Sprichwörtern. 3 Aufl. Leipzig. 1823. 8.

(110) Энциклопедич. Лексиконъ, ш. II.

понецки Meue или Meuge-Tag, сопровождался и въ Германіи и въ Даніи веселыми пѣснями вокругъ Майскаго дерева, березки (Maipole, Maieen), которое замѣнялось Семицкою березкой въ Россіи: мы выше замѣтили о сходбищѣ вѣдьмъ на Брокенѣ (Bructerus) подь первое Мая, какъ на Лысой горѣ (Щекавицѣ) у Кіева на Ивановъ день. Въ Германіи, въ Тюрингенѣ, предъ Троицынымъ днемъ бываешь сходный съ Рускимъ Семикомъ праздникъ вѣнковъ (das Kränzelfest) (111); нашъ Ивановъ день, или Купало, въ сущесствѣ своемъ одинаковъ съ Нѣмецкимъ Johannistag, или der Mittelsommer, когда зажигается Ивановъ огонь (Johannisfeuer). У Пруссовъ было божество весны и веселья — Луго, близкій съ нашимъ Ладомъ. Въ честь его зажигался подь липою огонь на Ивановъ день и шамъ плясали во всю ночь съ пѣснями, кои оканчивались припѣвомъ: Луго! Луго! (112).

О Троицынѣ днѣ, называемомъ цвѣпною Пасхою, и въ Германіи во многихъ провинціяхъ донынѣ употребляюща Pfingst-Maien и Pfingst- или Maien-Tänze, ш. е. Троицкія

(111) Mythologie der alten Deutschen u. Slawen, von H. Franke. Znaim. 2 T. 1827. 8.

(112) Prutena, od. preussische Volkslieder, von L. Rhesa. Königs. 1809. 12.

деревья и пляски; церкви и колокольни украшаются березками (*Maien, betulae*). Епопъ обычай, споль близкій съ обрядами Гудейскаго праздника кущей, многіе писашели выводящъ изъ Римскаго Язычеспва, почиая оный оспашкомъ игръ въ чеспъ богини *Май*, мапери проводника душъ, Меркурія, (*Майума*). Въ Англіи бывающъ въ Гренвичскомъ паркѣ *Троицкія игры* (*Whitsunday and holy day's stories*) (113).

Извѣстное въ Россіи *бабье лѣто* соопвѣспвуешъ Нѣмецкому *alter Weiber Sommer*, ш. е. спарое женское лѣто, или *Marienfäden*, нипи паушинъ, бывающія въ Сенпярбъ (114). Въ началъ Ноября, когда горными Шотландцами возжигающся коспры въ памяшь усопшихъ, называемые у нихъ *огнемъ мира и покоя*; тогда Нѣмцы пекущъ родъ хлѣба или блиновъ *die Seelenwecke*, или *Zucker-Seele*, сахарная душа: епопъ день (2 Ноября) у Датчанъ извѣспенъ подѣ именемъ *Sialudagr*, день всѣхъ душъ, соопвѣспвующій нашей осенней родипельской. У древнихъ Германцевъ, по свидѣпельспву Та-

(113) Die Feste der alten Christen, von D. J. E. Augusti. Leipzig. II B. 1818. 8.

(114) Die Gründung Prag's, ein histor. romant. Drama, von E. Brentano. Pest. 1815. 8. — Edda Saemundina t. III.

Нѣмцевъ Probe, Prose, или даже наоборотъ. Вагры почитали Прове богомъ права, правосудія, одинакаго съ Перуномъ (122). У древнихъ Скандинавовъ шоржесшвенное принятіе кляшвы выражалось словомъ така, сходнымъ съ нашимъ такъ; очиспишельная присяга, или кляшва называлась Låde, на старомъ Нѣм. Leita: опсюда и глаг. *такать* и *ладить* въ значеніи присягать и клясться, на пр. въ посл.: *Новгородцы таками, да Новгородъ и протакали.*

Между повѣрьями есць довольно одинаковыхъ у Нѣмцевъ и Славяноруссовъ, напр: *сглазить*, или *изурочить*, *beschreien*, *einen bösen Blick haben*; у первыхъ есць *Springwurzel*, шакъ какъ у другихъ *разрываетъ-трава*, или *спрыгъ-трава*, копорая оппираешъ всѣ замкѣ и опкрываешъ сокровища. Вѣра въ волшебницъ и колдуней (*Hexen, Wettermacherinnen*) сходна у Рускихъ Славянъ съ Нѣмцами (123), равно какъ и другія суевѣрія, кои у послѣднихъ не могла совершенно испребишь и самая Реформація. Опъ Миеологіи древне-Нѣмецкой, споль сходной во многихъ черпахъ съ Славянскою, перейдемъ къ Финской и Липовской.

(122) D. J. F. Eisenhart's Grundsätze der deutschen Rechte in Sprüchwörtern. Leipzig. 1823. 8.

(123) Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von A. Klaproth. Znam. 2 Th. 1827. 8.

Въ началѣ Исторіи нашей Финны и Чудь сушь развалины какихъ-то огромныхъ народовъ, претворившихся въ массу другихъ племенъ—Варяговъ и Славянъ: оспашки Финскихъ поколѣній находяпся въ разныхъ Россійскихъ Губерніяхъ, особенно сѣверныхъ и воспочныхъ, подъ разными названіями. Посему и самыхъ Россіянъ можно раздѣлять на Россіянъ Славенскаго и Финнскаго происхожденія, хопя при пакомъ превращеніи не возможно, чпобы у нихъ не сохранились коренныя и кровныя ихъ качесшва въ позднѣйшихъ ихъ поколѣніяхъ (124),

Сѣверные Славяне, поселясь между Финнскими племенами и по сосѣдспву съ оными, и превышая ихъ своєю образованноспью, болѣе сообщили имъ своихъ поняпій и обычаевъ, чѣмъ сами опъ нихъ заимспвовали. Послѣдніе долѣ оспавались въ Язычеспвѣ, чѣмъ первые: у нихъ глубже укоренились древнія суевѣрія, нежели у Рускихъ Славянъ. Въ именахъ миеологическихъ между Рускимъ и Финнскимъ почпи нѣспъ сходспва, кромѣ весьма малаго, напр: *Перунъ* въ *Pigu*, родисп, *Pigun* (125). У Финновъ пакже празднуется *Ивановъ* день, въ копорый ночью зажи-

(124) Несторъ Шлецеровъ, III, стр. 116.

(125) Ueber die Finnische Sprache u. ihre Literatur, von Dr. A. J. Sjögren, S. Petersb. 1821. 8,

гается косперъ хворосу и сучьевъ, извѣстный подъ именемъ Кокко (126), а въ Новгородской Губерніи, гдѣ естъ и селеніе *Кокуй*, называется епопъ огонь *кокуемъ*, опъ коего вѣроятно получила свое наименованіе *Кукуевой* Нѣмецкая слобода въ Москвѣ (127). Въ XVI вѣкѣ Чудь и Рускіе на Ивановъ день, 24 Іюня, собирали sprawy въ пустыняхъ и дубравахъ съ суевѣрными обрядами, а ночью веселились, били въ бубны, играли на сопляхъ и гудкахъ; молодицы и дѣвицы плясали, обнимались съ юношами, забывая спыдъ и цѣломудріе (128).

Абевега и Георги свидѣтельствуютъ, что Ижорцы, племя Финнское, на Ивановъ день подъ дубомъ закаляютъ бѣлаго пѣпуха, который у Скандинавовъ былъ символомъ огня. *Жолдовство, волшебство, коби и кудесы*, или *чудеса* господствовали между Финнскими племенами и Чудинами, даже самые Новгородцы нерѣдко ходили къ Чудскимъ *кудесникамъ*, для гаданій. Сами Скандинавы почитали Фин-

(126) *Lexicon linguae Fennicae*, auct. G. Renvall. Абоае, 1823. 4.

(127) *Карамз. И. Г. Р. XI*, пр. 68. Въ Уставѣ В. К. Святослава Ольговича упоминается въ Обонежскомъ ряду *Кукуева гора*. см. Руск. Достопамяшсти, ч. I. М. 1815. 8.

(128) тамъ же, т. VII, 193.

новъ величайшими колдунами и чародѣями, а землю ихъ — спраною чудесъ и превращеній. Въ средніе вѣки имя *Финнъ* поже значило, что колдунъ: даже и до сихъ поръ въ Финляндіи естъ колдуны (*Tietuät, Noijat*) (129). Какъ у Балшійскихъ Славянъ главный храмъ находился въ Ресрѣ, такъ у Финновъ въ Біарміи и посвященъ былъ Юмалъ: въ Репрійскомъ Пантеонѣ находились вмѣстѣ съ Славянскими и Тевпонскими Финнскія божества.

Достоинно замѣчанія и изслѣдованія то, что суевѣрныя понятія почти одинаковы у всѣхъ жителей глубокаго Сѣвера: Финнскіе колдуны, Ташарскіе шаманы, Гренландскіе ангекоксы сходны въ своихъ дѣйствіяхъ. У Шведовъ и Рускихъ Финны заимствовали многія повѣрья, обычаи и обряды. Они думаютъ, что въ лѣсахъ живетъ пара страшныхъ лѣщихъ — одинъ мужскаго пола *Liekkönen*, являющійся иногда въ видѣ пшцы, собаки, челоука; другой женскаго, *Ajattara*, сбивающій съ дороги прохожихъ и проѣзжихъ. У Шведовъ домовою, извѣстная подъ именемъ *Мага*, у Финновъ называется *райнајаппен*, т. е. гнезущій, дающій — ходитъ въ

(129) Вѣстникъ Европы, 1828, No 13, статья И. Лагуса, Москов. Наблюдатель, 1836, Июль: Мысли о суевѣрности Славянъ въ Европѣ.

видѣ бѣлой кошки или бѣлой женщины, освѣщающей собою всю комнапу; какъ *постынь*, наваливаея на спящаго и давишь грудь его шакъ, что онъ не можетъ поворопиться. Въ Карелии, недалеко отъ Выборга есть гора каменная, слыващая у Финновъ *Tugjän wuogi*, т. е. гора *Тура*, или *Тора*, прославляемаго въ нѣкопрыхъ Финскихъ и Рускихъ пѣсняхъ и споль извѣснаго въ Скандинавской Миеологii. Какъ на югъ Россii вѣдьмы слезающа на Лысую гору подъ Ивановъ день: шакъ, по мнѣнiю Финновъ, въ ночь на Свѣпное Воскресенье онъ уносащъ собранную ими шерсть и хвосты на высокую гору, называемую по-Фински *Bläkulla*, или *Blocksberget* — островокъ, находящiйся въ Кальмарскомъ проливѣ.

Въ праздничные дни у Финновъ совершаются разные суевѣрные обряды, частiю ошпашки отъ времени Каполицизма; напр: въ *Егорьевъ день* (23 Апрѣля), копорый празднуеша пѣснями, играми и попойками, въ *Екатерининъ* (25 Ноября), *встѣхъ Святыхъ*. Какъ у Велико-Россiянъ въ день Бориса и Глѣба, шакъ у Финновъ въ день с. Олова (29 Юля), не занимающа сельскими работами, что бы не лишиться плода оныхъ. Христiанскiе праздники ошправляются у Финновъ съ мно-

гими увеселеніями и играми; на Свяшой они приготавливають прѣсныя лепешки изъ муки (тѣстѣ), объ Рождествѣ Хрісповѣ въ чеспѣ грома пекутъ большой хлѣбъ, выспавляемый на канунѣ сего праздника и хранимый до весняго посѣва, во время коего онъ раздаешся всѣмъ домашнимъ. Рождество (Joulu) почитается величайшимъ въ году поржеспвомъ; на препій день онаго (27 Декабря, памяць Св. Стефана) молодые мущины, ходя со двора на дворъ, спрашиваютъ: *дома ли Стефанъ?* Опвѣстомъ служишь утощеніе пивомъ и виномъ. Въ Саволаксіи, особливо въ Карелии и сѣверной Оспробонніи, день всѣхъ Свяпыхъ (Кеккі, или Кёугу) есть большой праздникъ жашвы, совершаемый со многими суевѣрными обрядами и пѣснями. Во впорникъ на Масляницѣ во всей Финляндіи ѣдятъ блины и другія жирныя кушанья, капаются на саняхъ и лыжахъ по горамъ, а на Свяшой недѣлѣ, подобно Рускимъ, качаются на качеляхъ. Въ весенніе и лѣпніе праздники бывають хореводы, кои прежде важивали спарухи.

Какъ Лишовская Миеологія и Еорпологія предспавляютъ намъ многія черпы, общія съ Славяно-Рускими и древне-Прускими: шо, преж-

де чѣмъ приспудимъ къ сличенію оныхъ, скажемъ о самомъ значеніи *Литвы*. Подѣ словомъ *Липвы* разумѣются два разныхъ племени, именно 1) *Липва* означаетъ Великое Княжество Липовское въ наибольшемъ его распроспраненіи. А какъ собственная *Липва*, говорящая своимъ особеннымъ языкомъ, составляла самую малую часть народонаселенія: но подѣ *Липвою* разумѣли Россіяны, или Русиновы Великаго Княжества Липовскаго; 2) *Липва* — народъ отличнаго отъ Славянъ племени, говорящій языкомъ недовѣдомаго происхожденія и извѣстный въ Виленской Г. подѣ именемъ *Жмуди*. У Польскихъ писателей *Липва* часто употребляется вмѣсто Липовской Руси и вмѣсто *Жмуди* или *Самогитин*. Въ опечеспвенныхъ лѣтописяхъ *Липва* называется *поганю*, вѣроятно, по приверженности оной къ поганскимъ, п. е. языческимъ, обычаямъ.

Липовская Мифологія подвергалась сильному вліянію Римскихъ переселенцевъ, Германцевъ и Славянъ. Между великими и малыми богами и богинями оной встрѣчаются сходные съ Римскими и Греческими (130). У

(130) *Dzieje starozytne narodu Litewskiego* p. T. *Narbutta*, t. I. *Mitologia Litewska*. Wilno, 1835. 8.

Липовцевъ Perkunas, какъ у Славянъ Перунъ, почитался богомъ грома, копорымъ они клялись; самое слово на Липовскомъ значило громовой ударъ. Когда гремишь громъ; по и доннынъ Липовцы говорятъ : *Перкунъ ѣдетъ на своей колесницѣ*. У Липовскаго города Ромове сплелъ огромный вѣчнозеленый дубъ , посвященный Перкуну, предъ коимъ шеплился неугасаемый огонь. Вмѣстѣ съ городомъ испребленъ и дубъ Гедеминомъ въ XIV в. Къ имени Перунъ придавалось у первыхъ Dewas, или Div, п. е. богъ см. выше Липовскій Gurko, извѣстный также подъ именемъ Ziemiенikas , по мнѣнiю Бандке (131), соопвѣтствовалъ Славянскому *Горовиду* , а можетъ быть , и *горкль* , преобразившейся въ уменьшительное опъ имени *Георгiя*: Гурко былъ богомъ земнымъ урожая хлѣба. Богинею, маперью святаго огня, была у Липовцевъ Pгаугiте, сходная съ Римскою Веспою. Ладо , какъ выше замѣтили мы на стр. 18 , извѣстна была у Липовцевъ , у копорыхъ, съ 25 Мая по 25 Юня, дни посвящались сему божеству , коему приносили въ жертву бѣлыхъ пѣпуховъ , въ честь его пѣвались дѣвицами на лугахъ пѣсни съ припѣвами , какіе и въ Рускихъ

(131) Исторiя Польскаго народа. С. П. 1830. 2. ч. 8.

есть пѣсняхъ: Lado, Lado, Lado, didie musu dewe, ш. е. Ладѣ! великая наша богиня. Простолюдины величали ее *золотою Ладѣю*, копорая, повидимому, поже была, что у Обдорцевъ *Золотая баба*, имѣвшая храмъ свой на Оби. Мать перуновъ и молній именовалась *Perkunatele*, раздѣлявшая съ Перуномъ владычество на землѣ и на небѣ; въ Жмуди давалось сѣ прозваніе Пресвятой Богородицы: *Ronna Marya Perkunatele*, или *Perkunija*. Въ Виленской Губ. 2 Февраля празднуется Пресв. Богородицы *Маріѣ громницѣ* (*Gromniczey Nau-swietsszey rannu Maryi*); во время богослуженія народъ спойтъ въ церкви со свѣчами, кои называютъ *gromnicy*. (132) Руская Липва въ поговоркахъ и пѣсняхъ своихъ упоминаетъ богиню *Dola* и *Pilwis*, сходную съ Римскою *Fortuna* и Славянскими *Дажба*, *Дажьбог*. Извѣстная въ сказаніяхъ и поговоркахъ Рускаго народа *мать земля* соотвѣтствуетъ Липовской *Zemmes mahti*, подземной богинѣ, пребывавшей въ срединѣ земли. Что у Россіянъ на югѣ Русалки, то у Липовцевъ *Dukpa*, у Жмуди *Gudelka*, а на Украинѣ *Мавки* — особенный родъ Русалокъ. Свадебный божокъ *Lub-*

(132) Записки Профессора И. Н. Лобойки.

leniczu и Lubicz, происходящій оиъ Рускаго гл. *любить*, еспъ Липовскій Гименей. Посредники между людьми и богами, похожіе на Рускихъ *домовыхъ*, у Липовцевъ были *Siemi dewas, Koboli, posteni* — *Ajtwaros, zlydni* — *Zlydni*, кои всегда дѣлають пакосни и разореніе; гдѣ они водворяются, памъ спорынью съѣдають (*oni srog zjadaja*) (133). Подобно Славянамъ Рускимъ, Липовцы благоговѣли къ *камнямъ*, кои назывались *Gamaheu, Gamaheus lapis, goramъ* (*katnar*), къ священному огню, *Зничи* (134); сходно съ Индѣйцами къ *рѣкамъ священнымъ, святымъ озерамъ*, и изъ *деревъ*, почишаемыхъ священными: *бузинъ, дубу, липѣ, соснѣ, вербѣ, вязу*, подъ коими у нихъ совершались въ извѣстные дни года особые обряды языческаго происхожденія (135).

Въ Волинской лѣтописи упоминается о крещеніи Миндовга въ XIII в., что оно было „лещиво; жря бо богомъ своимъ впайнѣ: „пръвому Нонадѣви, Телявели и Деверикзу; „заечему богу, и Медвину; егда же выѣхаше „на поле и выѣжаше заецъ на поле въ лѣ-

(133) *Dzieje storozytne narodu Litewskiego. t. I.*

(134) *Naruszewicz Hist. nar. Pol. t. I. str. 451.*

(135) *de la poésie Lithaunienne. v. Catholique, à Paris, 1826, t. I. No 3.*

„сороцевія (рощи), не вхожаше в ну и не „смѣяше ни розги уломиши; и мерпивыхъ шѣ „леса жъжигаше (136).“ Принѣпа сія о пере- бажаніи зайцемъ дороги, сущесствовавшая у древнихъ Римлянъ, общая у Липовцевъ съ Рускими. Извѣстно, что въ Липовѣ, долго по принятіи Хрістіанской вѣры, оспивались въ народѣ старыя суевѣрія, съ коими онъ не хотѣлъ расшашься, какъ бы съ наследствен- ной святыней и часно углублялся въ дрему- чіе лѣса совершашь оныя.

Липовцы съ глубокой Древности дѣлили время на часы (валунда) денные и ночные, по 12ши въ каждой половинѣ; долгоша оныхъ въ разныя времена года намъ не извѣстна. Седмицу, или недѣлю нашу они называли *Septim diem*, семидневіе, начиная счешь съ цянницы, копорая была днемъ покоя, какъ наше воскресенье, и почишалась праздникомъ Перкуна. Жрецы ихъ измѣряли время по шеченію свѣшилъ небесныхъ, знали зодіакъ, дѣлили годъ на мѣсяцы (*Ménuo*) съ одного новолунія до другаго; годы ихъ были лунные

(136) *Карамз. И. Г. Р. ч. IV, прим. 102. — Абе- вега Рускихъ суевѣрій и долопоклонническихъ, соч. М. Ч. М. 1786. 8.*

и, въ сравненіи съ солнечными, имѣли болѣе 12 мѣсяцевъ. Еще считали они время девятью періодами (кругами), заимствованными отъ Скандинавовъ. Мифологическій ихъ годъ начинался съ Апрѣля, голубинаго мѣсяца, посвященнаго Мильдѣ, богинѣ любви, оканчивался же Маршомъ (Кавасъ), которій посвященъ былъ богу войны. Имена прибавочныхъ мѣсяцевъ намъ не извѣстны. Лапыши вѣрнѣе сохранили память мѣсяцевъ по численію отъ одного новолунія до другаго, и поному ихъ мѣсяцы не совпадаютъ съ нашими календарными. Изъ празднествъ Липовскихъ, коихъ память дошла до нашихъ временъ, извѣстны слѣдующія, болѣе или менѣе сходныя съ Славяно-Рускими (137).

1. *Носомльсячя*. Каждая первая пяница по новолуніи праздновалась болѣе другихъ.

2. *Первый день* (Święto Wiosny) въ году порожественно праздновался въ честь богини Пергрубы, Липовской Флоры и весны: онъ приходился въ 1 день Апрѣля (по новому шпилю 22го), который донинѣ празднуютъ въ южной

(137) Dzieje starożytnie narodu Litewskiego, p. 7. Narbutta. t. I. Wilno. 1835. 8.

Липвѣ по селамъ: дѣвушки босикомъ, въ легкой одеждѣ выбѣгають за село до восхода солнца и при первыхъ его лучахъ поють, что идушь встрѣчашь весну: такъ бываетъ и въ южной Россіи на Веснянкѣ (138). Прибѣжавъ къ концу села, возвращающся обратно скачущъ, и съ пѣснями и рукоплесканіемъ пробѣгають по всему селенію; попомъ въ одномъ домѣ находятъ гоповую пирушку, гдѣ собравшись молодежь, долго веселился. Спрыиковскій, очевидный свидѣтель ошашковъ сего праздника языческаго, описываетъ намъ, что въ это время приносили жертвы богамъ первосшепеннымъ, особливо Пергрубъ. Нѣсколько сѣлъ, сдѣлавъ складку хлѣбомъ на пиво и кушанье, собиралися въ одинъ обширный домъ, гдѣ Вуршайшъ (жрецъ) за кружкой пива, споявшаго на споль, читалъ молишву, начинающуюся словами: „о госпоже наша бо- „гиня Пергруба, ты прогоняешь непрямную „зиму, возвращаешь любезную весну, зеленишь „рощи и лѣса! молимъ тебѣ, умножай щедро „хлѣбъ нашъ посяанный, дабы онъ росъ коло- „систо, а весь куколь выпощи.“ и ш. д. После молишвы, приносили жертвы одну

(138) см. въ Вѣстникъ Европъ, 1829, ст. Праздники, забавы и суевѣрія въ Новогрудскомъ повѣтѣ и пр.

за другою: Пергрубъ, попомъ Перкуну, чшобы „онъ опврашилъ опъ земли Липовской грады, молніи, громы, ливни, бури „и всякіи вредныя воздушныя перемѣны“, и наконецъ, ублажающъ Свайспикса, бога свѣша, чшобы „онъ яснѣмъ и милоспивымъ лицемъ озарялъ нивы, „луга, огороды,“ и богиню Пильвипу, чшобы помогла наполнить жишницы плодами.

3. Липовское *Секмине*, сходное съ Зелеными Свяшкками, но неимѣющее никакой связи съ Хрістіанскимъ праздникомъ Троицынымъ и Духовымъ днемъ, явно языческое, миѣическое, хопя и впадаешъ въ оный. Епо праздникъ пасшуховъ, кошорые воспоминающъ своего божка Гонигля, Липовскаго Велеса, богиню Ладу и Солнце (139), И шеперь еще сохранились оспашки онаго въ нѣкопорыхъ селахъ, а прочее въ преданіяхъ. Въ епошъ день пасшухи съ пасшухами, нарядясь въ праздничныя плашья, съ вѣнками на головѣ, ушромъ ходящъ по всему селу, опъ одного дома къ другому, гдѣ ихъ дарящъ и подчуютъ; въ полдень на пасшбищѣ разводился большой огонь, вокругъ коего дѣлаещ-

(139) Prutena, oder preussische Volkslieder, von L. Rhesa, Koenigsb. 1809. 12.

ся пирушка; избранный спарикъ изъ паспуховъ, или за неимѣніемъ его, спаруха распоряжаесть оною. Между шѣмъ играють на свирѣлкахъ и трубахъ, пляшуть и поють, вспоминая Гонигля. Такъ паспухи коровъ поють: „Гонигле божекъ, паси мою коровку, паси моего бычка, не допускай вора волка!“ Хоръ паспуховъ овецъ: „Пасу, пасу овцы; шебя, волкъ, „не боюсь; ибо солнцевласый богъ вѣрно не допущишь шебя.“ Оба хора вмѣстѣ: „Ладо, „Ладо, солнце“ и пр. Громада (міръ) или волось собравшись въ одну проспранную сподолу (ригу), приводили шуда козла и посреди оной раскладывали огонь, а женщины замѣшивали шѣспно изъ пшеничной муки. Когда все было готово; тогда жрецъ (вейдалѣша) садился на возвышенномъ мѣстѣ и, по произнесеніи рѣчи, выводилъ козла на средину и, призвавъ боговъ, возлагалъ на него руки. Пошомъ поднявъ козла къ верху, какъ очищительную жершву, извѣспную у Евреёвъ, пѣли св. пѣснь и наконецъ закалили его и кровью его окропляли народъ. Между шѣмъ, пока варилась пища, пекли калачи, перебрасывая черезъ огонь; начиналась пирушка, во всю ночь продолжавшаяся. Пошпру рано выходили въ поле для жершвоприношенія подземнымъ богамъ, копорое соспояло въ зары-

ваніи въ землю коспей и всѣхъ оспанковъ
опъ сей прапезы. — По наблюденіямъ ош-
крываешся, что поржештво сіе съ обрядами
и жершвоприношеніями, болѣе или менѣе
сходными, было общимъ не токмо по всей
Липвѣ, но и въ Липовской Руси (140). Въ
южной Россіи, по свидѣтельству Г. Срез-
невскаго (141), пѣли слѣдующую пѣсню,
которая изображаетъ жершвенный обрядъ,
похожій на Липовскій;

За рѣкою, за быспрою, ой калѣдка!
Лѣса спояшъ дремучіе, — —
Во тѣхъ лѣсахъ огни горяшъ —
Огни горяшъ великіе —
Вокругъ огней скамьи спояшъ —
Скамьи спояшъ дубовыя —
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы —
Добры молодцы, красны дѣвицы —
Поюшъ пѣсни калѣдушки. —
Въ срединѣ ихъ спарикъ сидишъ; —
Онъ почишъ свой булашный ножъ. —
Возлѣ его козелъ спойшъ. —

4. Наканунѣ С. Іоанна Предшечи, 23го
Іюня (или Івана Купала) въ Липвѣ ош-

(140) Dzieje staroż. państwa Litew. t. I.

(141) Украинскій Вѣстникъ, Апрель, 1817 г.

правлялся *праздникъ росы* (Rassa), по спаропруски *Кекиристь*, въ честь Ладѣ. Начиная опъ праздника паспуховъ до праздника росы продолжались между работами сельскими пѣсни, игры, забавы: въ епу пору и пеперь Липовскіе поселяне вообще веселятся. Изъ епного, можесть спашься, лѣпописцы и заключили, чпо праздникъ Ладѣны продолжался цѣлый мѣсяць; но онъ въ самомъ дѣлѣ начинался наканунѣ 24го Юня: епа ночь собспвенно называлась *Роса*, которую праздновали почши всѣ сѣверные народы; ибо почипаніе богини Ладѣ было у нихъ общее. Праздникъ Росы на Руси извѣспенъ подъ именемъ *Купала*, въ Липшѣ *Купайла*, а въ Польшѣ — *Сѣботки* опъ гл. *сѣботъ*, *сѣбина*, *приспособитъ*, какъ бы день, приготоовляющій къ полевымъ работамъ; ибо въ шеплѣйшихъ спранахъ праздникъ епопъ почши сходишся съ сѣнокосомъ (142). Липовцы по селамъ и городамъ празднуютъ Ивановскую ночь. Поздно вечеромъ всегда собираются они на извѣспномъ мѣспѣ, избранномъ и освященномъ изконными обычаями: шамъ на оболоньи (полянѣ) спавляшся палатки и шалаши; пѣсни, музыка, шанцы и разведенные огни

(142) Gry i zababony róznych stanów. p. L. Gołębiowskiego. w. Warszawie, 1831. 8.

продолжающаюся во всю ешу ночь. Донинѣ въ Вильнѣ , 24 Іюня, народъ вечеромъ сходитсѣ въ лѣсъ за городъ пишь, ѣсть и веселишьсѣ; ешо называеъсѣ у нихъ : *итти на росу*. Въ Ивановскую ночь, по мнѣнію народному, цвѣ- шепъ для счастьливцевъ папоротъ (paproć), копорой изиѣспенъ во всей Бѣлоспокской обласпи, на Волянѣ. Сходбище на одномъ мѣ- спѣ народа называеъсѣ *стадомъ* (stado), а пляска — *коркодономъ*. Въ Липовскомъ языче- спвѣ ешопъ праздникъ имѣлъ свои религіозные обряды, до насъ не дошедшіе, кромѣ переска- киванія черезъ огонь и ношенія факеловъ и фонарей. Слѣдующій день почипалсѣ свяпымъ; шогда собирались прѣвы для врачеванія ско- па, шакже для чарованія или колдовспва: чпдѣ дѣлалось и на Руси. Миеологи замѣча- ютъ, чшо сей праздникъ, у Славянъ слыву- щій *Купалою*, соединеъмъ бытъ съ молиш- вами рѣкамъ и испочникамъ. Вѣрояшно, и Липовцы, копорые свяпили свои воды ше- кучія и споччія, въ ешопъ день при- носили имъ жершвы, бросаѣ ихъ въ воду. Даже, можешь бышь, названъ онъ *праздни- комъ росы* въ слѣдспвіе мнѣнія Древнихъ, чшо рѣки супъ дѣши моря, родящіяся опъ испа- реній морскихъ, опъ коихъ бываеъсѣ и роса. Замѣчапельно, чшо оный шѣмъ опличень

опъ другихъ , что не оканчивался поминове-
ніемъ усопшихъ.

5. Когда солнце всходитъ въ знакъ Льва, тогда, при началѣ жатвы, совершается у Липовцевъ праздникъ *Зажинокъ* (*Parimene*). По описанію Ласицкаго, самъ хозяинъ, сжавъ первый снопокъ ржи, приносилъ его въ домъ и ставилъ въ переднемъ углу; на другой день начиналась жатва. Во время Язычества, вѣроятно, снопокъ нуженъ былъ для какихъ нибудь религіозныхъ обрядовъ, отправлявшихся въ домъ. Прусскіе липовисцы основываютъ весь снопокъ торжественный обрядъ на общемъ пирѣ всего села , гдѣ вкушали новый хлѣбъ. Нынѣ въ Липвѣ при снопокъ случаѣ остались только слѣдующіе обряды: 1) жница , при самомъ началѣ жатвы , какъ скоро захватитъ и опрѣжетъ серпомъ первую горсть ржи , опрѣживаетъ ее въ сторону ; между тѣмъ работа продолжается съ особенными пѣснями , поющія жницы смѣняются одна другою. По окончаніи дневной работы , первая жница , украшенная цвѣтами, несетъ червенца жатвы впереди всѣхъ жницъ на барскій дворъ , гдѣ угощаютъ ее съ сотрудницами. Все время жатвы въ Липвѣ услаждается пѣніемъ и весельемъ: оно дѣлается непрерывнымъ празд-

неспвомъ. У древнихъ епопъ праздникъ назывался Praorsiae, а у прослолюдиновъ Prae-asturiae, и осправляемъ былъ съ нѣкопорыми духовными обрядами, — Толока (Тѣока) извѣстна вездѣ въ Липвѣ, гдѣ шакъ какъ и Кіевской и другихъ Губерніяхъ, на полевою работу приглашающся охотники за хорошее угощеніе, сопровождаемое пѣснями и увеселеніями.

6. *Послѣдній день жатвы*, празднуемый въ Липвѣ каждымъ земледѣльцемъ, называющся Даришето, коего слѣды еспь въ великой, малой и бѣлой Россіи. Изъ послѣдней горсти сжатаго хлѣба жнецы сдѣлающъ вѣнокъ, украшенный цвѣтами и правами. Изъ среды своей они выбираютъ молодую вѣщательницу, и по окончаніи работы, идущъ на барскій дворъ. Избранная предшествуетъ имъ съ онымъ вѣнкомъ на головѣ: шеспіе сопровождается громкимъ пѣніемъ; хозяинъ встрѣчаетъ вѣнокъ, съ хлѣбомъ и спаканомъ пива на блюдѣ, и въ горницѣ принимаетъ ошъ жницы вѣнокъ, какъ Божій даръ. Въ спарыя времена, кромѣ шакого чащнаго празднованія, у всякаго хозяина бывало общее шоржеспво для всего селенія и жерпвоприношеніе богамъ, какія описываетъ Груновій, свидѣтель оныхъ въ XVI вѣкѣ.

7. Въ Сентябрѣ, по окончаніи полевыхъ работъ, когда въ Великой Россіи празднуются *Семень день, Семешна недѣля, бабье лѣто, Аспосовъ день; въ Литвѣ* опсправлялся великій праздникъ, который называесть *Спрыйковскій главнѣйшимъ*, въ честь *Земеника*. Въ это время приносили на жерпву множесство домашнихъ живопныхъ самцовъ и самокъ, вѣрояпно, въ честь опечеспвленныхъ боговъ и богинь. По свидѣпельству позднѣйшихъ лѣтописцевъ и по преданію народному, на ешопъ праздникъ собирався народъ изъ всей общины въ одно мѣсто, принося каждый по доспапку свою часп въ складчину. Въ обширнѣйшемъ зданіи по срединѣ накрывался споль сполешниками или скашерпями; на чепырехъ углахъ онаго спавили большія чаши (цебры) съ пивомъ, приносили шуда связанныхъ попарно пельца и пелицу, барана и овцу, козла и козу, борова и свинью, пѣпуха и курицу, гуся и гусыню и п. д. Жрецъ, прочипавши молишву надъ сими живопными, начиналъ бишь ихъ палкою, а присупспвовашіе добивали съ шаками словами: „Ешо шебъ, „о Земленикъ, боже нашъ, жерпвуемъ и кла„няемся, чпо въ минувшее лѣпо пы насъ „сохранилъ въ здравіи, обилии всякаго добра „и въ доспапкѣ, соблюдалъ опъ огня, меча,

„моровой извы и опъ всѣхъ враговъ.“ — Такимъ образомъ, побивъ звѣрей и пщицъ безъ пролипія крови, варящъ, жарящъ мясо, приготовляя кушанья для пирушки, которая сопровождалась игрою на трубахъ. Сей праздникъ у Прусовъ оканчивался при храмѣ Швентъ (святынь, нынѣ *святая стѣкира*), гдѣ находился кумиръ бога Курко, или Сѣменника, обрядомъ сокрушенія онаго и пригосовленіемъ новаго.

8. Торжешвенныя поминки, или Родительская въ Липвѣ извѣстна подъ именемъ *Хавтурей* (Chauturas) опъ Chau, *хавъ*, смерть: опсюда showai хоронить, погребать: она представляла посмертные дары и подчиваніе покойниковъ. Поминки сіи *Дѣдины*, *Осенины*, (*Обиа?*) опсправлялись въ Октябрѣ почти въ то же время, какъ у насъ бываетъ *Дмитріевская суббота*; въ память усопшихъ родителей, родшвенниковъ, друзей и благодѣтелей. У Лапышей день сего благоговѣйнаго обряда назывался Deewa deenos, п. е. *Божій день*, или Welli, п. е. праздникъ богини вѣчности Веллоны; въ Древности, обряды въ честь ея напоминали будущую жизнь и трудный путь въ вѣчность. Древнѣйшій еіпотъ обычай, общій съ Липовскою Русью, въ западной Руси слыветъ Dziady дѣды, нищје, которыми въ

еще время раздаются щедрая милоспыня, или по объясненію Мухлинскаго, епо шоржеспво совершалось въ память душъ усопшихъ предковъ, которое прежде называлось *пиромъ козла*, гдѣ первенствовалъ *козляръ*, *гусляръ*, жрецъ и пѣснопѣвецъ (143). Тогда пекли лепешки, (*Sikies wellonia ramixlos*): епо были родъ Рускихъ блиновъ, печеныхъ на сковородѣ, на коихъ изображался знакъ *пемикелиось*, ш. е. кружокъ, а надъ нимъ подобіе креспа, или ключъ мнѣчскій (⚧). Такіе блины употребляющія еще при поминкахъ у Тапаръ Липовскихъ подъ названіемъ *Джамы*, кои на Персидскомъ значащъ образки. Подобный праздникъ у Римлянъ извѣстенъ былъ подъ именемъ *сигсиротатіо*, круговая чаша, а у древнихъ Славянъ *стыла*, или *страда*; на Польскомъ и донынѣ *stura* значащъ похороны, а *strawa* харчъ, кормъ. Радуница, празднуемая въ великой и бѣлой Россіи во вторникъ на Оминой недѣль, въ Рязанской Г. называется *наскдй* и *навій день*: что сходно съ Липовскимъ словомъ *павіе* мершвецъ (144); ибо въ епошь день собираются на могилки на кладбище поминащъ родителей.

(143) *Huslarz* Польск., а Богемское *Hozlar* знач. чародѣй, кудесникъ: епо сходно съ происхожденіемъ Греческой *трагедіи*.

(144) Ср. *Карамз. И. Г. Р. т. II*, прим. 189.

Мѣспомъ заупокійнаго пира у Липовцевъ бываетъ или кладбище, или домъ близъ онаго. При погребеніи усопшихъ Липовцы употребляли *причитанія*, сходныя съ Рускими прощонародными, напр.: „Для чего ты умеръ? развѣ у тебя не было пици и пишья? „Для чего ты умеръ? развѣ у тебя не было „красной молодицы?“ и пр. У нихъ также въ прешины, девятины, сорочины дѣлались поминки пиршесствами (145). Доспойно примѣчанія, что обыкновеніе дѣлашь пиршесства въ честь усопшихъ, было почти общимъ у всѣхъ языческихъ племенъ, даже и у народа *Божія*, какъ видно изъ Пророка Іереміи (XVI, 6, 7) и другихъ.

9. *Ильги* (Ilgі), долгій праздникъ въ началѣ Ноября, неизвѣстный въ Россіи, продолжался двѣ недѣли; по свидѣтельству льпописцевъ, состоялъ изъ великихъ жертвоприношеній Перкуну, бесѣды, игры (гуслярспѣв). Липовскій льпописецъ говоритъ, что Самогитяне учредили *долгій праздникъ* по такому именно случаю: когда Крыжаки (рыцари креста), овладѣвъ всею Самогиціей, вездѣ имѣли свои усадьбы и долго

(145) Сѣверный Архивъ, 1824, No 3 и 4, статья о Липов. Мисеологіи.

державъ природныхъ жипелей въ неволѣ и угнѣ-
 пеніи , вывели ихъ изъ перпѣвія грабежами
 и насиліемъ: тогда Самогипяне, стоворившись
 тайно, 3 Ноября, 1281 года, вырѣзали всѣхъ
 своихъ ушѣснипелей и попомъ , пируя двѣ
 недѣли сряду , приносили благодарственныя
 жерпвы богамъ , и въ воспоминаніе епого
 событія учредили долгій праздникъ.

10. На прерпій день послѣ предъидущаго
 опправлялся праздникъ *Вайжганта*; для онаго
 избиралась въ селеніи прекрасная , дородная
 и ловкая дѣвица, копорая съ вѣнкомъ на головѣ,
 въ бѣломъ плащѣ и съ передникомъ , напол-
 ненномъ блинами и аладьями (*sikies*), вводилась
 въ сподолу, или обширное зданіе , гдѣ
 пригопвлялось пиршество , соединенное съ
 особливыми обрядами. Споя на одной ногѣ
 на скамьѣ , а другую нѣсколькo приподнявъ ,
 съ лицемъ , обращеннымъ къ дверямъ , она
 держала въ лѣвой рукѣ длинную леншу , а
 въ правой спаканъ пива , и произносила слѣ-
 дующія слова : „Божокъ Вайжганпосъ, уроди
 „намъ лень шакой долгій , какъ я ; не допу-
 „спи , чпобы мы нагіе ходили!“ Троекрапно
 повпоривъ сіе , она сперва выпивала разомъ
 пиво , попомъ лила его на лѣвую спорону
 скамьи своей , а наконецъ бросала спаканъ на

правую сторону. Наконецъ бросала изъ фаршука всѣ блины вверхъ; упавшіе направо съѣдались присуществовавшими при этомъ обрядѣ, упавшіе налево обращались въ собственность земли и боговъ подземныхъ, а потому и глубоко зарываемы были въ землю. Ежели сія дѣвица, родъ жрицы, не могла успѣять во все продолженіе обряда на одной ногѣ, перяла равновѣсіе, или падала со скамьи: изъ сего заключали о неурожайѣ льна. За пѣмъ слѣдовали пляски вокругъ скамьи; дѣвушки взявшись за руки, скакали, припѣвая: „Возьмемъ верешены, сдѣлаемъ ку-„дели, успавимъ красны! Ванджанпосъ бу-„дешъ милоспивъ до насъ; ибо *банота*, пре-„краснѣйшая дѣвушка нашего села, исправно „проспояла на одной ножкѣ!“

11. Въ Февраль м. совершается *праздникъ Рагута* попойкою. Въ определенное на это время, черезъ восемь дней, народъ въ Липвѣ предавался разнымъ увеселеніямъ и пьянству въ честь сѣвернаго Бахуса, коего болванъ, или нѣчто похожее на него, возили на саняхъ, запряженныхъ неспрыми быками, изъ деревни въ деревню, шакъ какъ въ нѣкопорыхъ мѣстахъ Россіи объ Масляницѣ. Поѣздъ сопровождался масками и шолопою на-

рода. У древнихъ Липвиновъ ептошь] праздникъ названъ : Kurzeemi , или Kurzumi.

12. *Коледю* (Okkaat-gimimas) у нихъ оказывался старой годъ, кошорый, по новому Римскому календарю , приходился почти въ половинѣ Марша , т. е. на исходъ луны сего мѣсяца. Въ послѣдствіи времени, при перемѣнѣ календаря, сей праздникъ впадалъ уже въ 25 Декабря и опсправлялся въ честь бога Оккапирмоса, съ ворожбою и загадываніемъ , примиреніемъ со врагами и пригошвленіемъ себя къ жизни добродѣтельной въ новомъ году : для сего соединены были съ епимъ празднеспвомъ угощенія, навѣщанія и поздравленія. Такой праздникъ извѣстенъ былъ почти всѣмъ древнимъ народамъ. У Липовцевъ на-канунъ Коледы бывалъ *вечерь колодохъ* , кошорый они таскали изъ селенія въ селеніе , перескакивали черезъ оный и попомъ сжигали его съ разными спранными обрядами и пѣснями. Лапышиц до сихъ поръ помнятъ *Блокковой*, или *вечерь колодохъ* , кошорый бывалъ о Рождеспвенскихъ Свяшкахъ. Въ Кіевѣ и даже во всей почти Малороссіи донныѣ женашые привязываютъ къ ногамъ холоспныхъ колодку, ошъ коей послѣдніе опкупающся угощеніемъ и деньгами. Епо на Масляницѣ называешся : *волочить ко-*

лодку. По наблюденіямъ Нарбушпа, въ окрестностяхъ Бовска, по сожженіи старой колоды, показывали новый болванъ изъ дерева, убранный леншамъ, который вырывали женщины и куда прятали съ пѣснями и криками. Повидимому, это долженъ быть символъ возрожденія Оккапирмоса, Липовскаго Сашурна. На-канунъ Рождества Христова былъ у нихъ родъ земледѣльческаго пиршества, на коемъ были варива изъ разныхъ хлѣбныхъ зеренъ и овощей (кроме бобовъ), приправленные медомъ: это вариво и теперь въ Липвѣ называется *кутьєю* (кусюа). Въ Украинѣ въ эпоху время готовится подобная купья, или купя, и ставится на покупи, т. е. въ углу подъ образами: въ одномъ горшкѣ пшеница, въ другомъ яблоки, сливы, груша, варенныя въ меду: оба горшка ставятся въ сочевники. Въ ночь на новый годъ, по вѣрованію Липовцевъ, являлись духи; они гадаютъ о будущемъ липьемъ воска и олова, такъ какъ у насъ въ Васильевъ вечеръ. О черпяхъ, упыряхъ, вуколакахъ и оборопняхъ въ Липвѣ утвердилось вѣрованіе изъ старинныхъ преданій (146).

(146) Lud Polski jego zwyczaję, p. Ł. Gołębiowskięgo. Warszawa. 1830. 8.

Между свадебными обрядами у Липовцевъ вечеръ передъ вѣнчаніемъ начинается обрядомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *кунигованія*, кошорый состоишь въ томъ, что невеста сопровождается съ пѣснями къ господскому дому, гдѣ минувъ первую дверь, бросаетъ подарокъ въ уголь каждой комнапы. Подарки сіи состоятъ изъ шерстяныхъ поясовъ, ея окрашенныхъ, изъ платенецъ, или кусковъ холста. Нѣсколько разъ поклонясь господину въ ноги, она возвращается домой съ пѣснями въ сопровожденіи взрослого парня, называемаго ея брапомъ. Въ епомъ обрядѣ видѣнь родъ окупа за дѣвицу, выходящую за мужъ; онъ извѣстенъ былъ во всей Европѣ подъ названіемъ: *Cunagium*, *Panienskie*, или *Купіса*, дѣвичье, а на Руси: *куничное*, *свадебная*, *спѣчная куница* (147). Въ Коспромской губ. доселѣ поюшь въ свадебныхъ пѣсняхъ:

А попу по куницу, куницу,
 А попадѣ по лисицу, лисицу;
 А попову по сынку
 Бумажечку синю.

(147) см. Собраніе Госуд. грамотъ, ч. 1. стр. 411.

„А мировая куница и свадебное имати по шести грошей, а со вдовы имати по помужь, кошорая поидеть за мужъ.“

Славяне въ танцахъ своихъ вѣрно имѣли что нибудь поржесственное и религіозное. Когда собиралось *стадо Господне*; тогда съ двичей горы сходили будущія невесты рыцарей, пригожіе молодцы, замужніе и женатые, старики и дѣти, хлопая въ ладоши и крича *Ладо Ладо!* среди танцевъ и пѣсень шли къ городищу, гдѣ приносились жертвы и совершались обряды (148). Какъ въ Сѣверовосточной Россіи вожденіе танцовъ или шонковъ именуется *кероходомъ* (см. смр. 68): такъ Русь и Липва танцы свои прозываютъ *короходомъ* (koro-hod), говорятъ Гвагинь, вѣрно *скороходомъ*, при коемъ хлопаютъ въ ладоши и поютъ *Ладо*. — Собошки представляютъ поже древніе танцы, а слѣды опада Господняго (*stado boże*) едва уже нашель Ходаковскій.

Липва почищается гнѣздомъ повѣрьевъ Славяно - Рускаго Языческаго; нынѣшняя Самогиція носила имя *Святой земли*. При сличеніи же Миеологій и Еоршологій Липовцевъ съ Славянскими, опкрывается, что онъ ближе къ Римскимъ и Греческимъ, чѣмъ Славянскія и что онъ мало имѣли связи съ Польскими миеами и праздниками, исклю-

(148) Длугошь говоритъ, что въ Духовъ и Троицкнъ день еще на его памяти народъ именно въ Липкѣ

чая тѣ обряды, кои были общими почти всѣмъ языческимъ народамъ (149). Въ чемъ же сходствуютъ божества, повѣрья и обряды Славяно-русскіе съ Индѣйскими, Греко-Римскими, въ томъ и Липовскіе съ ними почти пождественны, напр: вѣчный огонь, благоговѣніе къ водамъ, превращенія, прорицанія, колдовства, жертвы и даже самыя названія боговъ и духовъ.

Какъ о Язычествѣ Россіянъ и Чеховъ, такъ равно и Поляковъ въ IX и X вѣкахъ, дошло до насъ мало свѣдѣній, какія сохранились у Длугоша, М. Мѣховскаго и Бѣльскаго; но свѣдѣнія сіи, замѣчаетъ Бандтке (150), такъ перепутаны съ Римскими мифами, что трудно опдѣлить одни отъ другихъ; ибо, сіи испоричи нерѣдко называли Польскія и Славянскія божества именами Греческихъ и Римскихъ. Кромѣ господствовавшей мы-

и Руси подъ симъ именемъ проводилъ идолопоклонническія игрища. — *Dzieje star. narodu Litewskiego. p. T. Narbutta. t. I. Wilno. 1835. 8.*

(149) *Исторія Государства Польскаго, соч. Г. С. Бандтке. т. I. СПб. 1830. 8. Библіотека для чтенія, 1835, т. XIII, стр. 25, Свинтригайло.*

(150) *Исторія Государства Польскаго, соч. Г. С. Бандтке, перев. съ Польск. т. I. СПб. 1830. 8.*

сли о единомъ Творцѣ неба и земли, приводимыя Длугошемъ и его послѣдовапелями божества въспрѣчаюпся сходныя съ божествами народовъ, соплеменныхъ Полякамъ, на пр: *Перунъ* (ріогун громъ), *Бѣлый и Черный богъ*, *Дажьдбогъ*, или *Дашуба*, *Чуръ*, богъ предѣловъ, *Коляда*, *Купало*, *Ладо*, или *Лада*, *Хорсъ*, или *Корша*, одинъ изъ Кіевскихъ боговъ, также *Макошъ*, или *Мокошъ*, *Волосъ*, *Прове*, или *Прово*, *Стриба*, или *Стрибогъ*, *Посвистъ*, или *Похвистъ* и пр. Въ преданіяхъ, сказкахъ, поговоркахъ и пѣсняхъ у Поляковъ и Рускихъ упоминаюпся *Кикиморы*, *Дубыни*, *Горыни*, *Полканы*, *Волоты*, *Кашей*. *Русалки* въ Польшѣ называюпся по Нѣменю и Свипезю, по *Нѣмлянками*, по *Свитезянками*, см. стр. 12. Мѣховитпа замѣчаетъ, что какъ въ Россіи припѣваюпъ *Лада*, *Лада*: такъ Мазуры восклицаюпъ *Дана Дана*, *Дада Дада*. Гванинь говоритъ, что Поляки развѣселясь, восклицали: *Lelum polelum*, сходное съ Рускимъ: *Ай моли моли!* Опъ ешого и поговорка: *Lelum polelum, swistum poświstum*. *Лея* и *Позвиста* Войцицкій почиаетъ за языческія божества въ Польшѣ.

Длугошъ ушверждаетъ, что божества сіи имѣли капища и пребища; вѣроятно что онъ, такъ какъ велось у Славянъ, чпи-

мы были въ заповѣдныхъ дубравахъ и на холмахъ, гдѣ совершались шоржешвенные обряды и праздники, на кои, по свидѣтельству Длугоша, въ опредѣленные дни сходились мушны и женщины съ дѣтьми для принесенія жерствъ и исполненія обѣщанъ. Въ честь божествъ учреждались игры, сопровождаемыя соблазнительными пѣснями, плясками, скачками и рукоплесканіями, о коихъ упоминають и домашніе наши писатели. „Остатки сихъ игрищъ и обычаевъ у Поляковъ — продолжаетъ Длугошъ — существуютъ донинѣ и по испеченіи пѣши въковъ ихъ Хрістіанства; такъ на примъ: ежегодно въ дни Пятидесятницы повсюдуеся игрище древнихъ языческихъ суевѣрій, кошорое называется у нихъ *Стадомъ* (Stado); ибо народъ раздѣлясь на толпы, празднуешъ попойками, крикомъ и неисповыми плясками.“ *Стадо* епо сходно съ нашею *Тюльною* или *толпою* (turba?), какая бываешъ на Семицкой, или Троицкой недѣль (151).

Праздникъ смерти зимы и возобновленія весны (Umorzona zima) сопровождается въ

(151) *Ioannis Dlugosii Historiae Polonicae libri XII. ed. Gabriells Grodeckii. Lipsiae. 1711. f.*

Великой Польшѣ и Силезіи шѣмъ, что по-
 пяшъ въ водѣ *Маржану*, убравши чучело въ
 видѣ женщины. Епомъ 'обрядъ совершается
 въ Маршѣ мѣсяцѣ, о коемъ и пословица
 гласишь, что *Miesiąc Marzec zwykł starych
 straszyć marami*, т. е. мѣсяцъ Маршѣ привыкъ
 морочить (спрацаць марами, мечшами) спа-
 рыхъ. Въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, извѣстно
Mársowe piwo, *Мартовское пиво*, которое ва-
 рится къ епому празднеству. Нарушевичъ
 говоришь, что Маржана, или Марана у По-
 ляковъ, Силезцовъ, Лузапиновъ, Сорабовъ, и
 даже Семиградцевъ, имѣла божескія почѣсти,
 какъ богиня смерти; ибо и въ Индіи *Марана*
 значишь смерть (152). Маршынъ Бѣльскій въ
 Хроникѣ своей говоришь слѣдующее о проис-
 хожденіи сего шоржеспвеннаго обычая: „Мѣш-
 „ко слѣпорожденный, послѣ отца своего из-
 „бранъ на царство. У него было семь любов-
 „ницъ, ошъ коихъ не имѣлъ дѣшей: что и
 „печалило его; и пошому (уговаривали его нѣ-
 „которыя хрістіане, чтобы онъ крестил-
 „ся, если хочешь имѣшь потомковъ. Онъ
 „послалъ къ Чехамъ за дочерью Короля

(152) Въ Малороссіи ругаюшся: *Мара свитова*, т. е.
 Ека ты сашана! разумья душегубнаго злаго духа.

„Болеслава, что убить брата Вацлава, име-
 „немь Домбровку, Король Чешскій на епо
 „согласился съ шѣмъ, если приметъ св.
 „крещеніе. Мѣшко принялъ епо условіе и
 „крестился въ лѣпо оупъ Р. X. 965 въ
 „Гнѣзнѣ: шамъ назвали его *Мечиславомъ* оупъ
 „славы доброй, а прежде именовался *Мѣшко*
 „оупъ *замѣшательства* въ Государствѣ и оупъ
 „шого, что родился слѣпымъ. Онъ приказалъ
 „богашымъ и бѣднымъ креститься 7 Марта,
 „ввергнуши въ огонь деревянныхъ болвановъ и
 „побросавъ въ воду каменныхъ. Оупъ шого и
 „нынѣ еще шопъ обычай въ Великой Польшѣ
 „и Силезіи, что седьмого Марта шопяшъ
 „Маржану, нарядивъ ее женщиною, и вышед-
 „ши изъ деревни, припѣваюшъ: „*Смерть вѣтсѣ*
 „*по заборамъ, шца хлопотъ.*“ Ибо не задо-
 „предъ шѣмъ они почипали планешы, *Погоду,*
 „*Погвизда, Гелу, Ладу, Дзѣвану,* ш. е. *Діану,*
 „*Маржану* и многихъ другихъ.“ Въ продолже-
 „ніи Хроники М. Бѣльскаго, изданномъ его сы-
 „номъ Іоакимомъ въ 1597 г., подшверждаешл
 „епо слѣдующимъ свидѣтельствомъ: „Поляки,
 „принявъ Хрістіаншво, перебили изображеніа
 „болвановъ, въ коихъ почипали чершей за бо-
 „говъ, вездѣ по городамъ и деревнямъ, а другихъ
 „сожгли: шакже унишпожили всѣ языческіа
 „мольбища, назначивъ для сего извѣспный день,

„т. е. седьмое Марта. Таковые болваны видѣть Мѣховица позолоченные въ церкви С. Троицы въ Краковѣ, гдѣ они долго валялись на землѣ. Во время погоже Мѣшка, въ Краковѣ надъ Вислою, гдѣ нынѣ женскій монастырь Св. Агнѣшки, было Греческое капище, изъ коего также Мѣшко повелѣть выбросишь чершовскіе болваны и на мѣсто оныхъ поставитъ изваянія спраспей Хриспыхъ. На моей еще памяти, велся у насъ по деревнямъ пошъ обычай, что въ бѣлую недѣлю послѣ поспа попили болвановъ, сдѣлавъ изъ снопа или конопли подобіе челоуѣка и нарядивъ его въ одежду, провожали до озера или лужи, куда бросали его, снявъ одежду съ жалобными припѣвами.“ Епомъ обычай, сущесвующій въ Славянскихъ земляхъ, совершается и въ Сараповской Г., гдѣ при *провожаши весны* дѣлають также соломенное чучело, наряженное въ кумачный сарафанъ и убранное цвѣтами, съ чулюкомъ (кокошникомъ) на головѣ, съ ожерельемъ на шеѣ; наканунѣ Петрова дни носятъ оное по всему селенію, пошомъ раздѣвъ, бросають въ рѣку.

Первые дни Мая у Поляковъ (Май, мајówki), такъ какъ и Славянъ, посвящались ве-

селости и гуляню. Голембовскій говоритъ , будто у древнихъ Поляковъ была богиня *Мая*, покровительница сего мѣсяца, копорую представляли въ пѣсняхъ и пляскахъ. Она сходствуешь съ Финскимъ *Ма* земля; самъ Туръ или Торъ, по свидѣтельству Сагъ Исланд., былъ сынъ земли (*Маја*) (153), обновляющейся въ *Маѣ* мѣсяцъ, копорый находилея въ созвѣздіи Тура (Тельца). Въ Липяѣ, 1 го Мая, на лугу прежде вкапывали дерево, украшенное разноцвѣтными лоскутками, и вокругъ его плясали въ зеленыхъ вѣнкахъ, припѣвая :

Kolo toho da zielonoho kusta
 Posijano soczyweczku z husta,
 Kto tuju soczyweczku porwe,
 To tuju dzieweczku za muž wozme,

Какъ въ Липяѣ и Россіи, Великой и Малой, такъ и въ Польшѣ празднуется почти съ одинакими обрядами *Ивановская ночь*, или *Купала* (*Kupała noc*), въ последней подь названіемъ *Sobotki* (154), а у Волоховъ и Ица-

(153) *Мата* также мать Меркурія.

(154) Гора есть въ 5 мил. отъ Брацлава *Sobotka* Соботка; описываемая Кохановскимъ; опиравалась въ воеводствѣ Сендомирскомъ; гора *Zobten* есть по Нѣмецкому произношенію названіе города и горы въ Силезіи, и по Польски, Соботка.

Ліанцевъ подь именемъ *Sabatina* : зажигаемые на горахъ сего имени огни въ епопъ день могли имъ сообщить сіе названіе. „Какъ у насъ на канунъ Иванаова дня женщины зажигали огни, также плясали вокругъ ихъ, пѣли, воздавая поклоненіе діаволу (говоритъ Марпинъ, писатель XVI вѣка) : шакъ и донинѣ въ Польшѣ не оставляютъ сего обычая, принеся жерпвы изъ чернобыльника (*bielicy, artemisia*), который вѣшаютъ по домамъ и опоясываются имъ, опправляють Собопки, зажигая огни, кои добываются преніемъ дѣрева объ „дерево“ (155). Въ день Святаго Ивана у Поляковъ сельскіе жипели имѣють обыкновеніе опоясываться чернобыльникомъ и цѣлую ночь возлѣ огня прыгаютъ, говоритъ Голембовскій. Краковскія Собопки праздновались на Креміонкахъ и звѣринцѣ, Варшавскія на берегу Вислы и на островѣ, нынѣ называемомъ *Саксонскимъ* ; въ цѣломъ краю зажигали Собопку, на площадахъ и близъ лѣсонъ : вездѣ можно было видѣть по домамъ цѣпы и правы, говоритъ въ своемъ пупешеспіви по Польшѣ *Ogierъ* 1635 въ 3 томѣ Памятниковъ Нѣмцевича. Ивановскій огонь назывался *Krész*.

(155) Marcin Urzędow herbarz czyli zielnin. 1595. f.

Янъ Кохановскій въ изданныхъ имъ 1639 г. пѣсняхъ Свято-Собошскихъ пакъ изображаешъ епошъ обрядъ: „Когда солнце согрѣваешъ „рака, а соловей болѣе не поешъ: Субошка, „какъ было вспарь, запалена въ Черномъ „лѣсь. Такъ намъ передали машери, сами „пакже занявъ опъ другихъ, чшобъ на день „С. Юанна завсегда горѣла Субошка.“ Епа Субошка зажигагась или на лугу, или при лѣсь.

Бабье лѣто (Babie lato) извѣстно у Поляковъ, копорые подъ симъ именемъ разумѣюшъ ясную, продолжительную осеннюю погоду. Линде объясняешъ епо lato święto - Marcińskie: можешъ спашься, попому, чшо осень продолжается до 11 Ноября, до Marcina Biskupa. Народъ празднуешъ епошъ день; въ Виленѣ во всякомъ домѣ жаряшъ для служителей гуся, копорый называется *Мартынскимъ*. Канунъ новаго года (Wilnia nowego roku, kolenda) сопровождался угощеніями, поздравленіями и наблюдениемъ примѣшь: чшо и донынѣ продолжается (156). Какъ у насъ на Новый годъ въ Васильевъ вечеръ, пакъ во всей Польшѣ въ Андреевъ день (30 Ноября) дѣвушки

(156) Вѣспникъ Европы 1826, No 3 и 4.

тайно гадающъ о будущей судьбѣ своей липшѣмъ воска и олова въ воду и капышками хлѣба.

У Поляковъ и Русиновъ въ Древности совершался праздникъ *Kołąda*, ko *Lado*, коего обряды съ нѣкошорыми перемѣнами донынѣ повторяющся. Во время Коледы, въ Польшѣ гадали и ягрывали Нѣмецкія комедіи. Въ Прусской Польшѣ, въ Гумбингенскомъ округѣ, опѣ Рождества Хрисова по Богоявленіе съ дѣвцами съ цѣлой деревни собирающся въ одну какую нибудь избу забавляющся разными играми и плясками до самаго пѣнія пѣпуха. Какъ *Юрьевъ день весенній*, такъ и *Михайловъ осенній* бывающъ въ Липшѣ и Польшѣ предѣлами сроковъ и сдѣлокъ; съ нихъ начинающся и оканчивающся ими хозяйственныя условія.

Въ праздникъ *трехъ Царей* (*trzech królów*), о коемъ мы выше упоминали, въ Липшѣ и даже въ нѣкошорой часши Польши наряжающся въ маски и ѣздящъ одинъ къ другому въ гости. Масляница, у Поляковъ *Zapusty*, бывала временемъ забавъ и веселостей, кои сосполяли въ маскированіи и наряжаніи въ разные образы, пляскахъ, пѣніи, въ кашанѣ и пиршествахъ. Въ Россіенскомъ повѣствѣ Виленской г. привязывающъ чучело, похожее на чловѣка, къ колесу, съ коимъ оно вершищся. Чпо бываещъ, какъ

увидимъ, и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Великой Россіи. Запустные дни были въ великомъ уваженіи у старобышнихъ Поляковъ (157).

Какъ на Рождество Христово, Новый годъ, на Свѣшлый праздникъ, въ Троицынъ и Духовъ дни, такъ особенно опть маслячнаго чешвершка до пепельной середы первой недѣли Великаго поста бывали въ Польшѣ по разнымъ домамъ пляски и пиропања, кои оканчивались въ чешвершокъ *полосканьемъ* рша, какъ у Рускихъ прослоудиновъ чистымъ поведѣльникомъ.

При похоронахъ у Славянъ Польскихъ опправляемы были респалища съ пиршесствами, кои извѣсны и въ Россіи подь именемъ *Тризны*, а у западныхъ Славянъ—*Стравы*: *strawa* значить на Польскомъ купанье, пригоповленное на огнѣ; опсюда *trawic* ogniem, сожигать огнемъ. Длугошъ свидѣльствуешь, что подобныя респалища и пиры языческіе при похоронахъ опмѣнены были владѣтельными Князьями. Надъ прахомъ усопшихъ насыпались могилы, называемыя въ Россіи *курганами*; оныя насыпи въ Великой Польшѣ, въ землѣ

(157) Gry i zabawy rożnych stanów w kraju całym, lub niektórych tylko prowincyach. p. L. Gołębiowskiego. Warszawa, 1851. 8.

Добрышской, въ Куявахъ и въ землѣ Хельминской въ Пруссіи извѣсны подъ именемъ *жалей*, а въ Новгородской г. подъ именемъ *жалыниковъ*.

При сравненіи свадебныхъ обрядовъ, именинныхъ и родинныхъ пировъ, игръ и забавъ Польскаго народа съ Рускими, найдется много сходнаго, общаго или заимствованнаго однимъ у другаго. Не останавливаясь на ешихъ предметахъ, о коихъ подробно пишетъ Голембовскій въ приведенныхъ нами сочиненіяхъ, пойдѣмъ далѣе. О древнемъ обычаѣ Славянъ, вѣроятно, языческомъ свидѣтельствуетъ поговорка у Поляковъ *Jak kamén w wodę*, сходная съ Рускою: *Какъ камень въ воду* — которая означала вѣчное забвеніе гнѣва и оскорбленія. Епископъ обрядъ совершался при заключеніи мира съ врагами (158).

Съ водвореніемъ Каполичества въ Польшу водворились и распространились въ ней разныя сценическія представленія и обряды, смежныя съ Римскимъ Язычествомъ, кои допустила къ себѣ Римско-Каполическая цер-

(158) *Вѣстникъ Европы*, 1827, No 16 ст. „о происхожденіи нѣкоторыхъ пословиць Польскихъ.“

ковъ: Оно вытѣснило многіе древніе Польскіе обычаи, шакъ что въ нихъ осталось мало *народности*, хощя Мазуры и швердяшъ объ оной. Безпрерывныя сношенія Россіи съ Поляками и владычество ихъ въ югозападной часпи оной запечатлѣли слѣды свои въ повѣрьяхъ, обычаяхъ и языкѣ Русскаго народа.

Ближайшее и точнѣйшее сравненіе Мифологіи и Еорпологии Славянъ Закарпатскихъ и Задунайскихъ съ вѣрованіями и празднествами Славянъ Русскихъ могло бы опкрывать: что у тѣхъ и другихъ сохранилось общаго, характеристическаго и въ чемъ именно они различались по мѣстности; духу своему и образу жизни на Западѣ и Югѣ. Но какъ не у всѣхъ народовъ Славянскаго племени описана съ точностію и полносію Мифологія и Еорпология и не всѣ существующіе источники у насъ подѣ руками: по мы и ограничимся здѣсь нѣкоторыми только извѣстными, болѣе общими чертами, а другія присоединимъ къ частнымъ описаніямъ праздниковъ народныхъ (159). Такъ называемая Славянская Мифо-

(159) *Mythologie der alten Deutschen u. Slaven*, von A. Hamy. *Zeitm.* 2 T. 1827. in 8.

логія и Еорпѣологія не можешь ограничиться одними Рускими, но должна бытъ изслѣдована у всѣхъ прочихъ народовъ Славянскаго племени, живущихъ около Вислы къ Западу до Ельбы и Везера, а къ Югу до Адриатическаго моря; ибо у нихъ болѣе оспалось древнихъ памятниковъ Языческаго; а мифы и обряды ихъ служатъ къ дополненію и исполкованію первыхъ.

Ни у какихъ народовъ, замѣчаетъ Тунманнъ, не было столько мѣстныхъ боговъ, сколько у Славянъ, которые издревле слыли набожнѣйшими (160). Какъ сами Славяне являющіеся въ мірѣ полибожескомъ подъ разными именами: такъ нерѣдко одни и шъ же божества у нихъ носятъ различныя наименованія; опъ воихъ размножилось число оныхъ у позднѣйшихъ Мифографовъ. Гельмольдъ, Кроммеръ, Длугошъ, Маршинъ Бѣльскій и другіе, слѣдуя обычаю Грековъ и Римлянъ, сравнивали истинныя, и мнимыя божества Славянъ съ Римскими и Греческими, и наоборотъ, сіи послѣдніе объясняли Славянскими. Въ Словарѣ Лашино - Чешскомъ, Соломона, IX вѣка, опысканномъ Ганкою въ Пражской библиотекѣ, находимъ слѣдующія объясненія мифологическихъ именъ: Лѣпо Siva, Вааль bel

(160) *Helmoldi Chronica Slavorum*. l. I. 2 — 10.

boh, Діана Déwapa, Дріады Poludnice, Лапона Letnice, Марсъ Zuatovit, Панъ Veless, Пенаты Screti, Пикъ сынъ Самурновъ Ztraces Sitivratow zin, Самурнъ Sytivrat, Сирена Lichoplesi, Тифоны Sani, Венера Lada, Церера Siva, Юпитерьъ Pegun, Меркурій Radigost wnukk Kirtow, Прозерпина Rogitata и ш.д. (161). Цесарь и Тацітъ также объясняли именами Римскими Германскія. Хотя миеографы и испюрки причисляють большую часть приведенныхъ здѣсь божествъ и духовъ къ Миеологіи Славянъ Рускихъ; но оныя болѣе принадлежащъ къ Задунайскимъ и Закарпатскимъ Славянамъ, которые имѣли свои вѣрованія и свою систему Миеологіи. Рюгенъ и Репра были столицами богоученія, богослуженія и торговли Славянъ (162); изъ епихъ разсадниковъ Языческаго могли распространящъ повѣрья и на Югъ и на Сѣверо-востокъ. Какъ въ единоплеменныхъ и соплеменныхъ народахъ господствуешь одинъ общій духъ, не смотря на случайныя уклоненія: по и у Славянъ, говорившихъ нарѣчіями одного слова, могли

(161) Москов. Вѣстникъ, 1828, No 2.

(162) Wyklad čili přjmetky a Wyswětlitwky kn Sláwy Dcege. od I. Kollára. w Pesti. 1882. 8.

быть общія, коренныя и взаимно сходныя понятія. Византіецъ Прокопій говоритъ объ Иллирійскихъ Славянахъ, что „они признавали Творца молніи за единого Бога.“ Вѣроятно, что Славяне на Одерѣ смѣшавшись съ тамошними Нѣмцами, утратили чистое познаніе о единствѣ Бога, поклонялись ему подъ видомъ многообразныхъ и многочисленныхъ предметовъ и явленій природы. *Перунъ* былъ общимъ божествомъ у племенъ Славянскихъ. У Люненбургскихъ Вендовъ и день Юпитера громовержца, четвергъ (*dies Iovis*), назывался *peren dan*, т. е. Перуновъ день. На Виндійскомъ нарѣчій расшдніе *Perúnica* знач. *igis Germanica*. *Perunova dubrava* и *Serpeborg* находится въ Сербіи; въ Далмаціи есть лѣсъ *Rigun Dubrava* (163). Туцманнъ и Славянскаго Прона почитаетъ за одно съ Перуномъ (164). По мнѣнію Карпатскаго-Россова, (165) Перунъ владычествуетъ надъ *веснянками*, *осенянками*, *зимнянками* и *упырями*. Славянскій Папъ *Велесъ*, *Волосъ*, о сходствѣ коего съ Скандинавскимъ

(163) Карамз. И. Г. Р. ч. I, примѣч. 185, 203.

(164) Ученыя Записки И. М. У. 1835. No IV: о Руской Правдѣ.

(165) Въ Жупанствахъ (Графствахъ) Венгр. Мараморшскомъ, Угочьскомъ, Берегскомъ и Унгварскомъ.

· Vali-ass выше замѣчено, былъ божеспвомъ общимъ, особенно у Славянъ, занимавшихъ скопководспвомъ. *Ладо* воспѣвалась и донынѣ воспѣвается не только у Рускихъ, но и у Сербовъ, Болгаръ, Словаковъ, Славонцевъ, Хорватовъ (166). У южныхъ Славянъ вспоминается Ладо въ слѣд. пѣснѣ:

Лепи Иве шерга роже,
 Теби Ладо свепи боже,
 Ладо, слушај насъ Ладо!
 Прѣкъ Ладо пела мопи
 Сердце наша вскланямопи,
 Ладо, слушај насъ, Ладо! (167)

У Адербургцевъ (Спаргородцевъ) главнымъ божеспвомъ былъ *Проне*, у Полабовъ богиня *Сива*, у Оботришовъ *Радигастъ*, коимъ праздновали въ извѣстные дни года съ великимъ шумомъ. Въ Моравіи есть гора Radgost, а Progo гора на Ругенѣ. Цокровипелемъ зем-

(166) Въ Болгаріи также въ разныхъ пѣсняхъ есть прищѣвъ:

Ой Ладо, Ладо;
 Момиче Ладо, т. е. дѣвица Ладо.

(167) *Ditmar Merssch. str. 181: Est urbs in pago Riedererum Riedigost nomine, in eadem est fanum de ligno artificiose compositum. Huius parietes variae deorum dearumque imagines mirifice insculptae.*

ди Ругенской былъ Свъшвидъ (Zwantewitz), которому въ Ругенѣ поклонялись подъ именемъ *Благо* и *Чернаго бога* (Belbog, Zerbog), по свидѣтельству П. Шпѣкмана. Ему воздвигнутъ былъ великолѣпный храмъ, коему Балтійскіе Славяне платили десятину (168). Какъ въ Ругенскомъ, такъ и въ Шпешинскомъ храмѣ были вѣщатели и совершались гаданія (169). У Западныхъ Славянъ въ особенномъ почтеніи былъ *Кродо* (отъ *краду?*), игравшій роль Меркурія, которому поклонялись на горахъ, особливо на Брокенѣ, подъ видомъ старца, державшаго въ одной рукѣ колесо, а въ другой сосудъ съ цвѣтами и плодами: отсюда преданіе о чествованіи діавола на епой горѣ, особливо въ первомайскую ночь. Въ Помераніи на островѣ Волинѣ (Юлинѣ) главнымъ покровительствующимъ божествомъ почитался *Триглавъ*, получившій названіе отъ владычества своего надъ воздухомъ, водою и землею, или отъ трехъ приспаней острова: его признають за одно съ *Свътовидомъ*. см. стр. 18.

(168) Опытъ Исторіи Росс. Госуд. и Гражд. Законовъ, соч. А. Рейца, перев. Ф. Морошкина. Москва. 1836. 8.

(169) А. Krantzii Saxonia. Francof. 1621. in f.

О существованіи *Триглава* напоминаютъ оспатки города *Тројеглава* въ Славоніи и гора *Treglau* въ Краинѣ. Голову отъ кумира *Триглава С.* Опшонъ изъ Шпешина послалъ въ Римъ къ Папѣ Гонорію. — Чтѣ у Карпатно-Россовъ *Русалки*, то у Виндійцевъ и Сербовъ *Вилы*, кои, по ихъ мнѣнію, живутъ на горахъ и на прибережныхъ скалахъ, изображающа молодыми, въ бѣломъ платьѣ, съ долгими распущенными по плечамъ и по груди волосами изъ осоки. У древнихъ Чеховъ *Mogusi* шуже ролю играли, что у Римлянъ *incubi*. Булгары вѣрятъ, что *Варколаки*, или *Полтеники* могутъ входить въ дома и вредить. Мы выше замѣтили, что поклоненіе испочникамъ и спарымъ дуплистымъ деревьямъ, особливо дубамъ, было общимъ не только у Славянскихъ, но и у Германскихъ племенъ (170). Наши лѣтописи свидѣтельствуютъ, что Рускіе Славяне *клали требы* озерамъ, рѣкамъ и кладезямъ. см. стр. 23. Изъ пѣсень и обычаевъ на Руси видно, что у воды дѣлались гаданія, какъ напр. въ Семикѣ; въ одной спарой пѣснѣ, какую поютъ въ Подольской Г. подъ Межибожьемъ, замужняя жена, вдова и дѣвица вопрошаютъ креницу (ручей), копорый дѣлаешь имъ опвѣшы,

(170) *Карамз. И. Г. Р. т. I. прим. 212. 214.*

какъ оракулъ. Въ рукописномъ житіи XVI в. Князя Константина Муромскаго сказано, что Рускіе язычники „опъ очныя немощи умыва-„лись въ кладезяхъ и бросали въ нихъ среб-„ряники“; что и донынѣ дѣлають на священныхъ колодезяхъ, ключахъ, родникахъ, озерахъ. Подобныя обыкновенія встрѣчаются у Сербовъ. Въ упомянутомъ житіи пишется, что ду-„плинамъ деревянымъ въпви убрисцемъ обвѣ-„шивающе, и симъ поклоняющеса.“

Хотя Длугошъ приписываетъ фешицизмъ только Пруссамъ и Липвѣ языческой; однако оный, по мнѣнію Бандшке, господствовалъ въ шомъ или другомъ племени Славянъ. Гроды, гродки, огродки, городища, лысыя, красныя (чермныя, червонныя), поклонныя горы и роци, дубравы заповѣдныя, какъ-то: Swaty bog близъ Салы въ Мерзебургъ и Branibor въ Брандебургъ, были мѣстами священными, гдѣ совершались жертвоприношенія и другіе обряды въ честь боговъ, умилостивительныя или благодарственныя, общныя, обычныя или чрезвычайныя (171).

Время опредѣленное и неопредѣленное у Славянъ называлось *годомъ, рокомъ, лѣтомъ*: у Вин-

(171) M. Frenzelii dissertationes historicae de idolis Slavorum. Vitebergae. 1688. 4. — Lausitzische Merkwürdigkeiten von Sam. Großer. Leipz. 1714. 2 t. f.

дѣйцевъ и Чеховъ годъ (Hod) по же значенію, что *grásnik, svétik*. Собственно годъ дѣлился у однихъ племень на двѣ половины: *лѣто* и *зиму* (см. стр. 45); у другихъ на три или на четыре, и на XII мѣсяцевъ, коѣ имѣли особенныя названія, различныя по мѣстности; по нимъ считались *праздники весенніе, лѣтніе, осенніе* и *зимніе*, распредѣлялись работы, сроки и отдыхи. Какъ у Закарпатскихъ и Задунайскихъ, такъ равно у Предкарпатскихъ Славянъ, п. е. Подяковъ, Рускихъ и Малороссіянъ, одни и тѣже древніе народныя праздники нерѣдко выпадаютъ въ различныя времена года по различію мѣстности и климата, бывающъ то позже, то раньше другихъ, носящъ на себѣ по этому различныя названія, сопровождающъ особенными обрядами. Мѣстные праздники, произшедши отъ свойствъ мѣстности, духа и вѣрованія житеелей, извѣстны только опредѣленнымъ племенамъ Славянскимъ.

Колѣда и *Купало*, какъ выше замѣчено нами, соспавляли два главныя празднества въ году, къ коимъ примыкающъ другія. Въ Силезіи и Богеміи Рождественскія Святки называющъся *Вопосе, Wáпосе* и *Январь Вопоспикъ*; у Румыновъ *Кречуномъ*; у Карпато-Россовъ канунъ Рождества Христова извѣстенъ подъ именемъ *Кречуны-вечерь*,

а въ Венгріи Karátson. Въ Рускихъ льпописяхъ и Рождественскій поспъ наименованъ *Корочуномъ* (172) опъ *короткихъ* дней, по мнѣнію Карамзина. Въ Валахіи и Болгаріи родившійся 25 Декабря обыкновенно называется *Крачунъ* (173). *Корочуновъ камень* упоминается въ началъ Воскресенской Льпописи. Въ Шелонской пяпинѣ упоминается въ XVII вѣкѣ *Карачунищкій* погоспъ. У Карпашо-Россовъ *Карачунъ* (Хорсъ?) причисляется къ языческимъ божествамъ. Руская поговорка *дать Корочунъ* поже имѣеть значеніе, что къ *Ляду*, п. е. погубишь. — Чехи подъ именемъ *Коледы* разумьютъ бываемое у нихъ около праздника трехъ Царей благословеніе домовъ: опсюда *Kóledovat*, благословляють дома. У Виндійцевъ *Koléda* некогда было божество празднествъ, или некошорые религіозные обряды; а теперь только крестьянскіе мальчишки ходятъ изъ дома въ домъ съ пѣснями и плясками: епо называется у нихъ *kolédovati* (174). Описанное Констаншиномъ Багрянороднымъ празднество, или

(172) *Новгор. Лѣтоп. л.* 1143. „Стояла вся осенина ,дождева опъ Госпожина до Корочуна.“

(173) Библиогр. листы. *П. И. Кеппена*, 1825, No 12. въ 4.

(174) *Slovénsko-Némshki in Némshko-Slovénsky Kózhni Besédnik. sloshil A. I. Murko, v Grádzi. 1833. 2 t. 8.*

игрище, о коемъ выше сказано, подъ именемъ *то Готдикор*, бывшее на девятыи день Рождества Христова, при вечерней трапезѣ Императора, принадлежишь къ Славянскои Еортологіи; ибо подъ именемъ Готеевъ Византійцы разумѣли иногда народы Славянскаго племени, и оно сходствуесть съ Коледованьемъ и Святочными играми, см. выше. На стр. 52 мы привели изъ Крапца бывшіе, при Болеславѣ Храбромъ и Генрихѣ II, въ нижней Саксоніи хороводы и пѣсни безчинныя въ навечеріе Рождества Хр. на погоспѣ С. Магна, сходныя съ описаніемъ въ Споглавѣ празднованія навечерія Р. Х. и въ Никон. Лѣтоп. подъ 1068 г. Когда за епо безчиніе и буйство прокляшы были Галбершпадскіе жишели священникомъ: „погда они, пищешъ Крапцъ, безпреспанно кружась, верпѣлись (*girabantur жировали?*) день и ночь.“ Богемскій Историкъ Дубравій свидѣтельствуетъ, что Чешскій Князь Брячиславъ (Брепиславъ II), по всшупленіи своемъ на престолъ, 1093 г., немедленно изгналъ всѣхъ колдуновъ, предсказателей и оборотней изъ своихъ владѣній; уничтожилъ всѣ суевѣрные обряды и злоупотребленія, кои еще оставались опъ время Язычества; наконецъ повелѣлъ Пражскому Епископу такъ распорядиться, чшобы каждый

священникъ въ праздникъ Рождества Христова посѣщаль своихъ прихожанъ съ св. крестомъ и св. мощами, давая знашь Правительству о шѣхъ, которые не стануть лобзати сію свящину. Набожный обычай епопъ, говоритъ Дубравій, сохранился до нашихъ временъ въ Богеміи, гдѣ слыветъ *Коледою*. Епо сходно съ Малороссійскою *Колядкою* и *Колядованьемъ* (175). — Зеленыя Святки, или Духовъ день, у Слованцевъ и Чеховъ называются *Tugice onь Тура*, въ честь коего онъ праздновались, у Словаковъ *Letnice*, а у Чеховъ *Swatodubné Swatki*. Карпатно-Россы именуютъ Купало *Русильемъ*, которое празднуется болѣе въ рощахъ. Тотъ же Чешскій Князь Брячиславъ II велѣлъ вырубить всѣ заповѣдныя дубравы, въ кои Чехи собирались по старому обычаю совершати языческіе обряды. Купало, или Ивановъ день подъ собственнымъ, или подъ другими именами, извѣстенъ во всемъ Славянскомъ мірѣ. Сербы говорятъ доселѣ, что *Иван дан* спюль великій праздникъ въ году, что на оный и солнце при крапы отъ страха останавливается на небѣ (176).

(175) Вѣстникъ Европы, 1827, No 21, стр. 75.

(176) Српски ріечник *Бука Стефановича*. Вѣна, 1818, въ 8. *Bernolák Lexicon Slavicum*, VI t. Budac, 1827—27. въ 8.

Купальскіе огни, зажигаемые въ Иванову ночь на Карпашахъ, Судепахъ и Корконосныхъ, между Силезіею и Чехами, представляють великолѣпное и торжественное зрѣлище на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ.

У Чеховъ первый день Марша навываеца ся Letnice, вѣроятно ошь *Летницы*, Славянской Лапоны, или Лепы (*Letho*), *Зенке* Letníckí — нашъ древній *пролѣтній мѣсяць*. Въ Мартъ праздникъ замороженной зимы и возобновляющейся весны, или изгнанія зимы и встрѣчи лѣта, извѣстный у южныхъ Шведовъ и Готтовъ (177), повторяется въ Силезіи и Богеміи; гдѣ Магана значить весну. Вивдійцы именуютъ дни Пасхи: Letnízchki Světki, а Свѣпное Воскресенье — *Létnice*, Въ Богеміи поютъ тогда :

Gíž nesm smret ze wsy ,

Nové léto do wsi.

(177) По переводу Исторіографа: „Уже несемъ смерть изъ веси, а новое лѣто въ весь. Здравствуй, любезная весна и зелень!“ Върнѣ здѣсь: обиліе зеленое. *Карамз. И. Г. Р. ш. I. прим. 232.*

Wjtey léto libezné,
Obiljčko zelene (178).

Семень дѣнь и Бабье лѣто (Babj léto, Раусѣу) извѣстны у Чеховъ и Сербовъ; у первыхъ Рождество Богородицы называеяся Semenná Panna Magia, у другихъ *Бабини дни* значить спѣтъ, идущій въ Мартъ мѣсяць. У Карпатской Руси названіе *Бабинъ морозъ* основывается на сказаніи, что Мароцъ, Мартъ, заморозилъ (окаменилъ) на Полдникъ (Альпъ) чародѣйку бабу. Намѣкъ на происхожденіе каменныхъ бабъ на Карпатскихъ Альпахъ.

Въ *Юрьевъ день* (праздникъ Св. Георгія) у Сербовъ рано поушру; до солнечнаго восхода начинаютъ купаться. Епюшь день Спасушомъ Маріи Терезіи (Urbañum; 1791) крестьянину назначенъ срокомъ для перехода ошь одного господина къ другому; какъ бывало на Руси до XVII в.; а день С. Михаила — срокомъ для предварительнаго съ обѣихъ сторонъ объявленія (179). Сербы; Или-

(178) Historia de gentibus septentrionalibus, auth. Oloa magno, Gotho. Antverpiae. 1608. 12.

(179) Путешествіе ошь Тріеста до С.-Петербурга. изд. В. Броневскаго, 2 ч. Москва. 1828. 8.

рѣйцы, Далматы и Черногорцы въ епошѣ день поюшъ молебень на колюдцяхъ, и, окропивъ скопъ св. водою, гоняшъ его вербою въ поле, пакъ какъ бываешъ въ Россіи (180). У Карпатской Руси въ Беретскомъ, Угочскомъ и Унгварскомъ Жупанствахъ въ Венгріи выгоняешъ скопъ въ ночь Юрьева дни на самой зарѣ, съ коего, по ихъ мнѣнію, прекращаешся власпъ вѣдьмъ надъ рогатымъ скопомъ. Опъ Юрьева до Дмитріева дни, полгода, срокъ у Булгаръ, Сербовъ и Турковъ. Въ Булгаріи, въ дни *С. Георгія*, *С. Параскевы* и *С. Архангела Михаила* приносяшъ сѣмъ святымъ въ жертву агнца, коему къ рогамъ прильпивъ по свѣчкѣ и окуривъ его ладаномъ, рѣжушъ его надъ сосудомъ пакъ, чшобы ни капли крови не попало на землю; кровью епой крестообразно мажушъ дѣшей на лбу, щекахъ и бородѣ; попомъ зажаривъ его, съ молишвою съѣдаюшъ, а кости зарываюшъ въ землю. Тоже самое дѣлаешся съ нѣкопорыми перемѣнами въ Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ.

(180) Съверн. Архивъ, 1825, No 14, стр. 114, No 15, стр. 221.

По собраніи хлѣба, у Славянъ языческихъ было гласное торжество. Въ Арконѣ, первосвященникъ вымогъ намануть празднику свѣтлице Чума, въ самый день торжества взявъ изъ руки у Савишовидова чумира рогъ, смолотръ, полой ли онъ виномъ, и по етому предсказывать будущій урожай хлѣба, и ит. д. Другіе Славяне праздновали собраніе хлѣба обреченіемъ пшеница въ даръ богамъ и обливаніемъ скопашивомъ, освященнымъ для предохраненія спадъ отъ болѣзней. Въ Богеміи славился *Майскій* праздникъ *испичниковъ*. Въ Вагріи дни народного суда были порой общаго веселія: тогда старѣйшины, подъ сѣнью священныхъ дубовъ, въ присутствіи бога Прове, рѣшали судьбу согражданъ (181).

У Западныхъ Славянъ погребальные обряды весьма сходны съ Римскими, въ нихъ проявляясь глубокое благоговѣіе къ усопшимъ и вмѣстѣ нравственное чувство, какъ испачкины омыхъ. Сербская *Zadusni* се сходивъ съ нашей Родительской и Радуницъ: у Виндійцевъ поминки называются *Zadusni Obed*. Слово *Strawa* встрѣ-

(181) Карамз. И. Г. Р. I. стр. 100. — *Dommerische Kirchengronik*, d. D. Cramerum. zu alt. Stettin. 1603. 4.

чаются во многих Славянских нарѣчіяхъ ; на Чешскомъ *Strawa* значить пища, пираше, надуподѣе. У Карлапо-Россомъ во всѣхъ Рускихъ Графствахъ Венгрии *стравою* называется съ кушанье на заупокійномъ пиру или поминкахъ (*parastax* оцъ *parásabix*). *Strawa*, по слову Иорнанда, состояла въ великолѣпномъ надѣгробномъ пиршествѣ, на коемъ плачь и стѣпованіе смѣшивались съ веселіемъ: Карлъ Авинскій производитъ *Strawa*, или *Sdrawa*, отъ Шлирійскаго слова *zdrav*, ошсѹда *zdraviza*, поже что здравіе (182); Чшоже касается до *Тризы*, то слово сіе происходитъ, какъ и выше замѣчено на стр. 27, отъ *терзанія*, какое бывало у Евреевъ и Грековъ (183), или отъ глаг. *trizo* шумлю, крушусь, близкаго съ Чешскимъ *Tryzeň* прудъ, жалость. Она состояла у северныхъ Славянъ въ плачь надъ гробомъ, въ насыпаніи земли надъ могилкою и въ пишьмада. Менкенъ изображаетъ *Тризну* Нимцевъ сходною съ *Тризною* Славянъ: „совершеніи погребенія въ лѣсахъ и поляхъ“, „они по дѣлическому обычаю, дѣлали оцѣниче-

(182) *Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis*. Halae. 1784. t. I—VI. 8.

(183) *Archaeologia biblica*, red. a I. Jahn. ed. 2. Viennae. 1814. 8.

„скія предсавленія на распущіяхъ и черекъ, кресткахъ для упокоенія душъ усопшихъ, на дѣвъ на себя разныя личины, играли и потѣшались.“ О признѣ въ XVI. вѣкѣ упоминается въ Слоглавѣ, изъ коего выше приведено нами свидѣтельство. И такъ, по дѣйствию *Тризну* можно производить отъ *терзанія*, по времени, отъ *трехдневнаго* празднованія, а по мѣсицу самому сходствуешь она съ *trivium* распущіемъ, на коемъ и у Римлянъ совершались религиозные обряды (184). Какъ нѣкоторыя племена Славянскія сжигали своихъ усопшихъ по обычаю Индѣйцевъ, Римлянъ и Скандинавовъ: по, вѣроятно, у нихъ слова *Тризна*, *Тризнище* ведутъ свое начало отъ *Зница*, предсавишеля огня, обоготворенной у нихъ стихіи, все очищающей и царствующей надъ стихіями; поему слова *три-Зница* составляютъ и *Тризну* и *Тризнище*. Священный же огонь, на пр. *купальской*, такъ вѣроятно и *тризнищный*, добывался *трениемъ* дерева объ дерево. Такое созвучіе въ вѣпвахъ корня *Тризна*, выражающаго сходныя идеи, роднитъ народы, у коихъ существовали еще слово и эпошь обряды въ разныхъ видахъ: по сжиганія усопшихъ, по

(184) *Menschen S. Rer. Germ. t. I. p. 207 f. ср. Рама* И. Г. Р. т. I. прим. 232; 260.

въ борбахъ въ морцахъ, то въ попойкахъ, то въ сценическихъ представлѣнїяхъ и играхъ въ память убогихъ. *Тризице* и *Тризна* по знаменованію своему сходственны съ *игрищемъ*, съ Греческими *'Αυβύς*, съ Римскими *certamina*, по изъясненію Лексикона Памвы Берында: „борбище, мѣстце, гдѣ бывають поединки, воюваніе.“ Такой же смыслъ имѣеть слово *сіе* въ Славянской Библии (185). —

У Сербовъ существуетъ *отмица*, или похищеніе дѣвиць; о подобномъ обычаѣ на Руси Несторъ говоритъ слѣдующее: Радимичи, Вяичи и Свѣріяе „схожахуся на игрици, „и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кпо „свѣщаваше.“ (186).

Въ пѣсни Чешской *Забой, Славой и Людов* (Извѣст. Росс. Акад. 1820;) упоминается объ *укладахъ* (вкладахъ) на города, кои соспавляли духовный сборъ или дань, *божничье*, собиравшееся и въ Новгородѣ Князьями, подобно восполной десятины у Славенъ въ Щепинѣ (Шептинѣ) на Одрѣ, добычамъ храмовъ въ Арконѣ у Раповцевъ, въ Радогощѣ у Сырбовъ; пѣмъ поющѣ, по свидѣтельству Ходаковского:

(185) *Макк. II, 18*: Бывши же пятольстному *Тризицу* въ Турѣ и пр. *Nase Griech. Alterth.* — 1818. г.

(186) Лѣтопись Несторова, по Лаврентьевскому списку. Москва 1824, въ 4.

И дань покорить боговомъ ,
 И гнано боговомъ спасаемъ ,
 Дашь множеству обити :
 Ай имъ гласить милыхъ словъ
 И имъ оружье побить враговъ .

Наши хороводы, называемые по Славянски *колами*, т. е. кругами, въ употребленіи у Морлаковъ и Далматовъ (187): такія шочно пляски изображены рѣзбою на гробницахъ въ Захлумской землѣ (въ Герцеговинѣ). Въ Богеміи, между прочими играми, встрѣчается совершенно сходная съ нашими *Жмурками* *Z'múrka*, *Zmúrki*, или *slera Baba*: отсюда и выраженіе: *Na sleri Babu* (на *Zmúrki*,) *sa hrat*, играть въ Жмурки, прыпашься въ игрѣ. Изъ сравненія старинныхъ пѣсень Закарпатскихъ и Задунайскихъ Славянъ съ Рускими можно вывести общія имъ коренныя идеи, подъ разнообразнымъ покроемъ. Въ свадебныхъ обрядахъ и жипейскихъ праздникахъ у Закарпатскихъ и Задунайскихъ Славянъ проявляются слѣды Язычества, во многомъ сходные съ Рускими, кромѣ различій, происшедшихъ отъ мѣстности,

(187) *Podróże w Krajach Sławiańskich odbywane w Latach 1802 i 3 roku przez X. S. (Cautra). Warszawa, 1811. w 8.*

духа ихъ и вліянія соудственныя, разно-
племенныхъ съ ними народовъ. Съ ихъ вѣро-
ваніями и нравами соединено было госпе-
пріимство, какъ отличительная черта, про-
веденная въ ихъ характеръ патриархальными
временами. У нѣкоторыхъ Славянскихъ пле-
менъ, какъ-то у Морлаковъ, дружба между осо-
бами того и другаго пола освящается вѣрою
и обычаемъ подъ именемъ *побратимовъ* и *по-
сестримъ*. Кровавое право меспи у Морлаковъ
произвело пословицу: *Ко се не освати, онъ
се не посвати*, т. е. кто за себя не оспмспитъ,
попъ не посвящитъ (188).

Издвеле Славяне, живши среди Герман-
скихъ племенъ, и тогда превышая ихъ своею
многочисленностію, мѣнялись съ ними по-
вѣрьями и понятіями. Не смотря на поли-
тическія отношенія шѣхъ и другихъ, пер-
вые дѣйствовали на послѣднихъ большин-
ствомъ голосовъ. Нерѣдко случалось, что
миры Славянскіе, подобно словамъ, объѣме-
чивались, такъ что божества и суевѣрія,
слывущія у Западныхъ писателей *Нѣмецкими*,
собственно Славянскія. Аделунгъ въ Испоріи

(188). Соревнователь просвѣщенія и благошворенія.
Сиб. 1816. No 10.

Нѣмецкаго языка говорить, что Славяне въ Мейсенѣ и вообще въ Саксоніи смѣшались и превратились въ Нѣмцевъ, сообщивъ языку снхъ послѣднихъ нѣкоторыя свойства и слова своего языка. Такъ вѣроятно Финскія племена превратились въ Рускія или Норманскія.

Какъ на Югѣ и Западѣ у Славянъ болѣе, чѣмъ на Сѣверѣ и Востоцѣ развилась гражданственность, прозябла жизнь народная, а съ нею вѣрованія и преданія: нѣе память полнѣе образовалось богоученіе, многочисленнѣе и торжественнѣе совершаемы были священныя обряды, праздники религіозныя и житейскія и игрища: зодчество, ваяніе и живопись содѣйствовали къ распространенію идей Славянскаго Язычества, коего памятники, найденныя въ Ретрѣ, Шверинѣ, Ней-Сперлицѣ, Штетинѣ, Волгитѣ, Ругенѣ (188), Мекленбургѣ, доселѣ сохраняются. Народныя вѣрованія, находясь въ тѣсной связи съ жизнью гражданскою и домашнею, проникнули бысть и бытіе народа, такъ что Хрістіанское ученіе долго не могло истребить пер-

(188) Библиогр. листы П. И. Кеттена. Спб. 1825. 4.

(189) L. A. Gebhard's Geschichte aller Wendisch-Slavischen Staten, Halle. 1790, 97. 4 B. 4.

вья. Померане, въ XII вѣкѣ изъясняли же-
 ние поклоняться старымъ божкамъ своимъ и І.
 Хрісту; Чехи (894—967) приняти въру Хри-
 стианскую, доушались обратиться къ Языче-
 ству (190). На Сѣверѣ у Рускихъ Славянъ скуд-
 нѣ была природа и жизнь народная, скуднѣ
 Миеологія и Еорпология, чѣмъ на Югѣ, пакъ
 что не извѣстны были храмы и капища, за-
 мѣняемые сѣнью дубравъ заповѣдныкъ и ште-
 мянсмъ горъ поклонныкъ. Немногіе отече-
 ственные боги перенесены къ ленегами пе-
 реселенцами на новыя мѣста, гдѣ они могли
 смѣшаться съ груземными спарожками, или
 они нхъ заимствованы цѣлыи свои.

Три стихійныя имена Руси опъ огня,
 земли и воды: *красной*, *черной* и *бѣлой*, по-
 видимому, соопвѣтствуютъ *Перуну*, *Черно-*
богу и *Бѣль-богу*. Древніе Руссы, замѣчаютъ
 Еверсь, въ географическомъ и етнографиче-
 скомъ отношеніяхъ обыкновенно называли
 первобытное *бѣлымъ*, а измѣнившееся, про-
 изводное — *чернымъ*, первымъ пакже сво-
 бодное, другимъ рабское. Въ эпоху прехристіан-
 ной Руси донынѣ оспались болѣе или мене

(190) Исторія Рускаго народа, *Н. Полеваго*, М.
 ш. I, 1829, 8.

замѣтные слѣды Славянскаго Язычества въ обрядахъ и обычаяхъ, въ праздникахъ и суевѣрїяхъ, въ проспонародныхъ пѣсняхъ и пословицахъ (191); самыя названія урочищъ, рѣкъ и лѣсовъ, дравъ и цвѣшовъ и пѣть небесныхъ напоминающе о древнихъ мѣстахъ и символахъ.

Идея о красномъ, русомъ, черномъ есть господствующая въ Славяно-Рускомъ мїрѣ, гдѣ многіе предметы чувственныя и опьяченныя опличены симъ цвѣшомъ народнымъ. Червенная или красная Русь, или какъ жилили оной называюще, твердая Русь, содержишь въ себѣ Русаковъ отъ Вислы на Боспокъ до Синяго (Чернаго) моря; красивая по своему мѣспоположенію, она была однимъ изъ главныхъ разсадниковъ Славянорускаго богоученія и богослуженія, откуда онѣ распространились на Западъ и на Востокъ Россіи, копорая владѣла еще въ X вѣкѣ Червенскими городами, когда В. К. Владиміръ собралъ седмерицу боговъ въ Кіевѣ, соспоавшемъ подъ однимъ владѣніемъ съ Галичемъ. Хотя она переходила изъ рукъ въ руки отъ Рускихъ къ Венграмъ и отъ нихъ къ Полякамъ, а отъ сихъ послѣднихъ

(191) Предварительныя критическія изслѣдованія Г. Евенса для Росс. Истории. М. изд. I. 1825. 8.

къ Нѣмцамъ, однако доселѣ сохранили свою
самобытность въ языкѣ, обычаяхъ и повѣрьяхъ.
Въ Галиціи почти тѣ же мѣны, что и въ
Малороссіи. Вѣроятно и *Перунъ*, символъ огня,
происходящій отъ Чешскаго слова *Pigeni*,
красноша, багръ, цвѣтъ огня, перенесенъ
вмѣстѣ съ *Ладою* и *Русалками* (192) изъ
Червенной Руси на Днѣпръ и Волховъ, такъ
равно отсюда перешло на Сѣверо-востокъ
Россіи повѣрье и названіе *красныхъ, черво-*
ныхъ и лысыхъ горокъ; въ Богеміи извѣстны
въ городкѣ Берунскѣ *Krásná hora*, въ Венгріи
мѣстечко и городъ *Krásna hora* (*Schönberg*). Подъ
именемъ *жалей* находятся въ Галиціи, Ло-
домиріи и Венгріи *жалыники*, кои почитаются
за языческія кладбища. Въ Намоканонѣ, издан-
номъ во Львовѣ, 1646 г., въ 4, приводятся въ
первый разъ *Купала* и *Русалки*. Мѣны о *Вол-*
колакахъ и *Оборотняхъ* во всемъ сходны съ
преданіями жителей Ливвы и Волыни.

Черная Русь, между Припечью, Пиною и
Сыршью, состоя изъ воеводства Новогрудскаго
и повѣповъ Минскаго воеводства Мозырскаго и

(192) Отъ *Ладо* произошли многія названія мѣстъ:
Ладога, Ладомирія и т. д. У Чеховъ Рѣка *Лада*
прекрасная дѣвица.

Рѣчицкаго, по смежности своей съ Червонною, представляющъ многіе мѣны, обычаи и повѣрья, сходныя съ Краснорусскими и Волынскими. Въ богослужбахъ Языческава заключающія идеи внѣшней и внутренней жизни жинелей той и другой стороны, ихъ мѣстности, и климата, обильнаго черными лѣсами и полями болѣхами. Тамъ *Купало*, или *Купайло*, и *Коледа* (Риздво) воспѣваюцца въ пѣсняхъ, сопровождаемыхъ первое — раскладываніемъ въ полѣ огня и плясками ночными, а другая — пѣснями и гаданіями: колядажки шашь именующіяся *Лалымниками*. Въ *Новый годъ* (Новый рокъ), шакъ какъ въ Малороссіи, дѣти ходящъ по домамъ поздравляющъ господъ и обсыпающъ ихъ зернами пшеницы и *жита*, особливо *горохомъ*. Игрище называется *статомъ*, какъ въ Липвѣ и Польшѣ; *Купало*, игра, извѣстна на Украинѣ, Подольи и Волынѣ; шашь въ Ивановъ день; по захожденіи солнца, собирающія дѣвицы въ одно мѣсто съ вербою, убранною цвѣтами, копорую вшыкающъ въ землю. Около этого дерева, сльвущаго у нихъ *Купайло*, онѣ ходящъ, схвапясь руку за руку и поющъ жалобныя пѣсни въ честь *Купайла*. Послѣ нѣкотораго времени, холоспые, споящіе въ споровѣ, бросающіяся, уносящъ и разрывающъ вербу, защищаемую дѣвицами, и

нѣмъ оканчивается епопѣ обрядъ. Въ Подольской г. около Межибожья поселяне на играхъ въ день Пасхи поюпѣ о *Царевнѣ Ладѣ*, а подѣ Бреспомѣ Липовскимъ о *Королевнѣ Ладѣ* (193). Въ Минской г. въ округѣ мѣстечка Юрѣвляи дѣвицы пляшутъ на игрищахъ во всю Свѣцкую ведѣлю шанецъ *Метелицу* и *Завѣйнацу*. Въ Юрѣевъ день, или такъ называемая обѣднѣ, въ Минской г. свящаютъ хлѣбъ: шамъ же *Борисо - Глѣбскій* праздникъ извѣстенъ подѣ именемъ *Паликона*, сожигающаго хлѣбъ въ полѣ у пѣхъ, кто работаетъ въ епопѣ день, соопѣспивующій Малороссійскому *Палелѣ*, или С. Паншелеймону. *Проводами* у нихъ называется всѣ недѣли послѣ Свѣцлаго Воскресенія, копорую они проводятъ въ пьянствѣ, подобно *Запускамѣ* (194). Въ Черной Руси, на Волинѣ и Подолѣ празднуется день основанія церкви (*празньки*) угощеніемъ посѣпителей изъ соседнихъ деревень, и разными весельями. Каждая церковь, однажды въ годъ, для своего праздника варитъ медъ съ пряными кореньями, продаваемый опѣ нея поселянамъ.

(193) Сѣверн. Архивъ, 1824; No 3 и 4.

(194) Записки Профессора И. Н. Лобойки.

Въ Черной и Бѣлой Руси, совершающія *меньшіе и большіе Осенины*, или *Дѣды*, къ коимъ присоединить должно *Прикладины*, или *окладываніе* могиллокъ дерномъ, которое сопровождается служеніемъ паннихидъ, попойкою, гуляньемъ и музыкою. Изъ земледѣльческихъ праздниковъ также извѣстны, какъ и въ Липвѣ, *Дождики*, кои отправляются во всякой деревнѣ по окончаніи жатвы жита и пшеницы, а послѣ посѣва, *Достыки*; при епомъ случаѣ господинъ угощаетъ крестьянъ своихъ, которые проводятъ цѣлую ночь въ пѣніи и пляскѣ.

Въ свадебныхъ, родильныхъ, именинныхъ и похоронныхъ обрядахъ видны еще слѣды Языческаго и кореннаго суевѣрія, кои сроднились съ ихъ бытомъ.

Бѣлая Русь, состоявшая изъ воеводствъ Минскаго, Полоцкаго, Мстиславскаго, Витебскаго и Смоленскаго, представляетъ множество повѣрій и обычаевъ, похожихъ на Липовскія и Польскія, коихъ она была проводникомъ въ Великую Россію. Тамъ многія урочища напоминаютъ своими именами Славяно - Рускія божества (195) и обряды

(195) на пр.: *Піорунowo* въ Полоцкомъ повѣсть при озерѣ *Щещилнемъ*.

Язычества; какіе проявляюся въ народныхъ праздникахъ, повѣрьяхъ, пѣсняхъ, пословицахъ и сказаніяхъ, въ коихъ выразилъя неизгладимыми чертами древній бытъ народный съ его коренными идеями. Какъ вѣрованіе и языкъ служатъ единственною связью между единоплеменными народами, такъ равно и сходныя проявленія того и другаго въ праздникахъ религіозныхъ и жишейскихъ служатъ доказательствомъ единства ихъ происхожденія.

Въ Бѣло-Русси встрѣчаются многіе одинаковыя съ Малороссійскими и Великороссійскими праздники и обычаи народные, кромѣ особенныхъ, на коихъ оппечатались мѣспность, климатъ и духъ туземцевъ (196). Хопя народъ Бѣлорускій имѣетъ глубокое уваженіе къ св. Вѣрѣ; однако въ немъ господствуютъ мнѣнія міѳологическія: онъ вѣритъ *Русалкамъ*, *Хльвинкамъ*, или домовымъ, *Волколакамъ*, или оборотнямъ (197), присуш-

(196) Сѣверн. Архивъ, 1822, No 24.

(197) О подобныхъ превращеніяхъ въ *Потребникъ мірскомъ*, М. 1630 г. пишется: „И есть же иная злая волхвованія, яже в веляцѣй Россіи, оно убо звѣрски рыкаши шворятъ, яко же медвѣдь и волкъ, і инъ скопски всяко и ппическими гласы и песьми мучишися“ и пр.

снвию злыхъ духовъ на мельницахъ; въ баняхъ и пусныхъ жилищахъ. *Купало*, новѣспное во всей Южной Россіи до самыхъ горъ Карпатскихъ и рѣкъ Сѣва, повторяется также въ Бѣлорусіи и на Западъ къ Райгороду на предѣлахъ Пруссіи. (198).

Годовые церковные праздники въ Бѣлой Русіи, какъ-то: Рождество Христово и Богомащери, Пасха, или *Великъ день*, Троицынъ день, Успеніе Богомащери, С. Іованна Предтечи (24 Іюня), Борисъ и Глѣба и пр., сопровождаются такимижъ почти обрядами и играми у простолыдиновъ; какіе найдемъ въ Великой и Малой Россіи. Праздникъ Срѣщенія Господня въ Бѣлоруссіи называется *Громницею*, Успеніе Богомащери — *большою Пречистою*, Рождество Богородицы — *малою Пречистою*, или первое — *Госпожею*, второе — *Госпожкою*, С. Борисъ и Глѣбъ — *Паликопомъ*. см. сир. 95. День, предшесствующій Рождеству Хр., слыветъ *Коледою*, копорая естъ *Васильева*, или *богатая*, наканунѣ Новаго года, и *крещенская*, или *постная*, на канунѣ Богоявленія.

(198) *Исторія Малой Россіи Д. Н. Бантъишъ-Каменискаго*, ч. 2. Москва, 1830. 8.

У проспаго народа праздникъ Рождества Христова починается первымъ изъ годовыхъ; съ него онъ ведется начало года въ разныхъ условіяхъ. О Святой недѣль поютъ пѣнь называемая великоденіемъ пѣсни съ музыкаю; ходя по домамъ ночью подъ окнами вапагами, кои именуются *Волочесниками*, а предводитель изъ нихъ запѣваю: — *Починальникомъ*. Они первую пѣснь обращаютъ къ хозяину и хозяйкѣ, прославляя благоразумное ихъ домо-спрошительство, обидѣ и благоданъ Божію; упоминаютъ, что Святой Юрій записаетъ ихъ коростъ, Святой Николай коней, Св. Милъ записываетъ жинцо, Пречистая Мать вѣсповестъ, а Покровъ собираетъ в. тп. д. После великой спрофы припѣваюць Христось воскресе! Въ Бѣлоруссіи, такъ какъ и въ Болгаріи, зарывають въ землю на полѣхъ востмъ ягненка, освященнаго на Пасху, въ шой вѣрѣ, что онъ предохраняють засѣянный хлѣбъ отъ града. После проводной недѣли, во вторникъ на кладбищѣ совершается *Радуница*, сопровождаема причитаньемъ, пиршествомъ и капаньемъ яицъ на могилахъ, на кои иногда дѣлаются возлянія виномъ и водкою изъ рюмокъ. Юрьевъ день весенній въ Бѣлоруссіи естъ праздникъ паспуховъ, которые выгоняють скопъ вервбою на Юрьеву росу; а *Николинъ день* весенній праздникъ

конюховъ , которые тогда вечеромъ ѣдутъ на ночлегъ съ лошадьми и цѣлую ночь гуляютъ. Последнимъ весеннимъ праздникомъ почитается *Троицынъ день* , въ который жители украшаютъ свои дома *Маемъ* , а паспущки вѣнки на рога у коровъ. На ешой недѣль , сльвущей шамъ *Разгарю* , завивающъ вѣнки съ пѣснею :

Русалочки , земляночки ,
На дубъ лезли , кору грызли ,
Звалилися , забилися.

Тройца.

Развивъ вѣнки , бросающъ ихъ въ воду , для гаданія о судьбѣ своей , съ пѣснею :

На Тройцу мы вѣнки завили ,
На разгары развили ,
Горьлочку попили
И якню поѣли (199).

Изъ лѣтнихъ праздниковъ примѣчательнѣйшій Рождество С. Иоанна Крестителя ; тогданосятъ въ церковь правы и цвѣты для освященія. Недѣля , предшесвующая сему празднику , называется *Русальнойю* ; въ

(199) Gry i zabawy różnych stanów, p. L. Gołę-
bowskiego. w Warszawie, 1831. 8.

Купальскую ночь въ нѣкошорыхъ мѣстахъ собираюшя въ поле при зажженныхъ кострахъ пѣть купальныя пѣсни, какъ и въ другихъ обласняхъ Россіи: пѣже шамъ повѣрья о Русалкахъ и о кладахъ.

Между Ивановымъ и Пешровымъ днемъ на Бѣлой Руси разыгрываются навозныя толоки.

Изъ осеннихъ праздниковъ главнѣе всѣхъ *Спасъ*, съ коего начинаешя шоржеспвенно посѣвъ, хопя Бѣлорусцы считающъ осень обыкновенно съ Ильина дни, по ихъ пословицѣ: *На Илью, до обѣда льто, а послѣ обѣда осень.*

Важнѣйшимъ и въ каждое время года обыкновеннымъ увеселеніемъ проспаго народа сущъ *Игрища*, на кои онъ собираешя по шинкамъ въ праздники. Какъ въ Черной, шакъ и въ Бѣлой Россіи, по случаю приходскихъ праздниковъ ошправляются *Кермаши*, соединенныя съ угощеніемъ и весельями. Когда же почешные прихожане хопяшъ почшишъ складчиной праздникъ какого либо свяшаго: ешо называется *Братчиной*, коихъ собспвенно двѣ: *Михайловская* и *Никольская*. Братшики на свои издержки приготавлиющъ большую свѣчу къ празднику, поющъ молебень и дѣлающъ угощеніе. Братчины, часшо упоминаемыя въ монастырскихъ грамопахъ

до XVII в. (200), бывали городскія и сельскія : нерѣдко совершались на погоспахъ, какъ видно изъ Двинской грамопы Царя Іоанна Васильевича. Онѣ отправляются болѣе осенью, шакъ какъ свадьбы, большія и меньшія Осенины, или поминки; Окладыны. Ежели къ упомянутымъ здѣсь праздникамъ Бѣлорусскимъ прибавить освященіе полей, хлѣвовъ и гуменъ, веселья во время *Талокъ, Обжинокъ, Запашекъ, Увозокъ* и пр.; по числу общественныхъ и домашнихъ праздниковъ въ Бѣлоруссіи покажется слишкомъ значительнымъ (201).

(200) Исторія Росс. Іерархіи. ч. I—VI.

(201) О Бѣлоруссахъ Патріархъ Филаретъ въ указѣ своемъ пишетъ слѣд: „Егда убо быхъ в. Польскомъ и Липовскомъ Государствѣ, и многая в нихъ видѣ несогласія церковная, в самѣхъ шѣхъ Хрістіанехъ, яже суть Бѣлорусція в нихъ нарицающіяся. — И во единомъ убо дому у нихъ у отца с дѣтьми и у мужа с женою и у господина с рабы, вѣры при или чешыре: и овѣ держитъ в нихъ вѣру Хрістіанскую, инъ же Папешскую, і инъ Люторскую, и инъ Калвинскую, і инъ Новокрещенскую, и иже Сасскую, і инъ Аріанскую. И вкупѣ убо на единой прапезѣ ѣдятъ и піють и бракомъ совокупающіяся, а иніи вкупѣ и молитву шворятъ“. *Книга глаголемая Потребникъ мірской. М. 1639. в. л.*

Хотя югозападная половина Руси въ XIV вѣкѣ присоединена была къ Польшѣ вмѣстѣ съ Литвою; однако она удержала въ недрахъ своихъ много кореннаго, самобытнаго, отъ коего отличаетсѣ чужеземная примѣсь, какъ насыпь отъ машерика. Сколько тамъ ни изглаживалась народность Татарами, Литвою и Польшею; однако она всегда пробивалась изъ самыхъ развалинъ и снова прозябала на почвѣ родной, какъ сродное ей распеніе. Малороссія, гдѣ съ началомъ общежитія возникли многія повѣрья, обряды и обычаи, воспитала первыя спихи нашего опечесства; пробудила жизнь гражданскую и на нашемъ Сѣверѣ. Когдажъ, въ XVII вѣкѣ, снова присоединилась она къ Великой Россіи: тогда нравственное общеніе сдѣлалось ближе и живѣе (202). Благораспоренный воздухъ, чистое небо, приволье цвѣщущихъ полей и луговъ, веселые лѣса иленовые, шополевые и дубовые съ плодовишными деревьями, приятнѣе возбуждали фанпазію народа, но природѣ безпечнаго и гульливаго, родили многіе мисы,

(202) Пущевыя записки *Вадима* (Пассека). Москва. 1834. въ 8. — Журналь Министерства народн. просвѣщенія, Спб. 1836, Іюнь.

вдохнули пѣсни, въ коихъ разыгрывается душа Малороссіянина. Оспашки Украинской Миродлогіи сохранились въ мѣстныхъ и обрядовыхъ пѣсняхъ (думахъ), къ коимъ можно причислить и Слово о полку Игоревѣ, въ сказкахъ и поговоркахъ, праздникахъ и обычаяхъ. Въ первыхъ упоминаются древнія языческія божества, какъ-то: *Бѣль-богъ, Черно-богъ, Стри-богъ* (203), *Сильный-богъ, Коляда, Купало, Дажь-богъ, Ладо, Турь, Лело, Полелѣ, Марана, Дивъ* (204), *Злота - Баба* и пр. Онѣ переносятъ насъ на какое нибудь древнее городище или на берега Дуная, съ вѣнкомъ въ рукахъ, или къ священному огню купальскому, или въ шаманскій мракъ лѣсовъ дремучихъ и т. д. (205). Въ мѣстныхъ сказкахъ главные дѣйствующія лица: *бисы, водяные, льщія, мавки,*

(203) Ученныя записки И. М. У. ч. VI, 1834 г. No 4, спашья: Взглядъ на памятники Украинской народной поэзіи, соч. И. Срезневскаго.

(204) *Дивъ* на Польскомъ *Дивъ* диво, диво, чудище. Въ No 7 Библиогр. листовъ, на стр. 88: *Овъ Диво жретъ, а други Дивии.*

(205) *Стри-богъ, Дажь-богъ* и *Велесъ* упоминаются въ Игоревой пѣсни — вѣроятно, произведеніи южнаго края Россіи. Боянь пѣвецъ называется *внукомъ Велесовымъ*, вѣтры — *Стрибожими внуками*. Слово *внуки* (перотез) употребляется вмѣсто *попомковъ, отраслей*. см. *Virgilii Aen. v. 682, 757, 787.*

русалки, вѣдьмы, вѣдьмаки, великаны, злыи и ш. д. Въ Украинѣ также между злыми духами естъ *Рарашекъ*, кошпорый находится у Словаковъ и Чеховъ; объ немъ естъ и поговарка: *сердитъ какъ Рарашекъ*. Вообще можно сказать, что въ Малороссіи болѣе сохранилось миеовъ, чѣмъ въ Польшѣ.

Изъ Малороссійскихъ народныхъ праздниковъ и суевѣрныхъ обрядовъ одни сходны съ Великороссійскими по названію, а другія по содержанію своему; нѣкопорые изъ нихъ мѣстныя, болѣе похожіе на западныя; иные соединены съ различными повѣрьями и увеселеніями и извѣсны подъ особенными именами.

Празднованіе *Коледы* и *Купалы* въ Малороссіи сопровождается обрядами, во многихъ опличными опъ Велико россійскихъ. Въ самый праздникъ Рождества Христова, до обѣдни, дѣти ходящъ по домамъ *вѣршувать*, ш. е. говорящъ поздравишельные стихи, обыкновенно сочиняемые дѣтками (206),носящъ *звѣзды*, родъ фонарей, и *вертены*, родъ маріонешокъ. Въ *богатый вечеръ*, на канунъ Новаго года, холоспые муцины ходящъ по дворамъ *зажипочныхъ* подъ окна *щѣдровать*, ш. е. выпрашиващъ пироговъ, кишекъ, куски сала свиного и ш. д. Въ Новѣй годъ, предъ (206) Малороссійскія пѣсни, изд. М. Максимовичемъ, Москва. 1827 г. 16.

обѣднею, мальчишки ходящъ по дворянъ съ разными сѣменами въ рукавицѣ или мѣшечкѣ, кои они разсыпающъ въ хапахъ, приговаривая: *На счастье, на здоровье, на новое лето, роди, Боже, жито, пшеницу и всяку пашницю* (207)! Они также поющъ послѣднюю пѣсню:

Ходишь Илья
 На Ваецля,
 Носишь пугу
 Житяную,
 Дѣ замахве —
 Жито росте,
 Роди, Боже!
 Жито, пшеницю,
 Всяку пашницю;
 У полѣ ядро,
 А въ домѣ добро! —

Такое Колдованье продолжается опѣ Рождества Христового до Щедрованья. Маркевичъ въ запискахъ своихъ о Малороссіи ссылается на старинную пѣсню Украинскую, въ коей за каждымъ стихомъ повторялось: *Славець еси, Коледо, нашъ милый боже!* Пѣсня сія, о коей упо-

(207) Исторія Малой Россіи, соч. Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. ч. 2. Москва. 1830. 8.

минаешь сочинитель Синописа, была известна въ Украинѣ еще за тридцать лѣтъ и донныя. Въ Махновскомъ уездѣ (повѣсть) Кіевской и даже Полтавской Губерніи, шавъ какъ и въ Бѣлоруссіи, нарядивъ вола, коня, козла и барава, вводящъ на Новый годъ въ горницу къ помѣщику и говорящъ ему привѣтствіе, на которое онъ отвѣчаетъ угощеніемъ.

О *Купалѣ* упоминаетъ первый Гизель въ своемъ Синописѣ, изданномъ въ Кіевѣ, 1679 г. Въ Иллирійскомъ Словарѣ Іос. Вольшиджи *Купало* объясняется купелью, по Польски *karpiel*. Гизель шакъ описываетъ сіе игрище; „Пяшый идоль Купало, егоже бога плодоть „земныхъ быти мяху, и ему прелестію „бѣсовскою омраченніи благодаренія и жертвы „въ началѣ жнивъ приношаху. Тогожде Ку- „пала бога, или испинитѣ бѣса, и доселѣ по „пѣкнмъ спранамъ Россійскимъ еще память „держипся; наипаче же въ навечеріи Рожде- „ства Св. Іоанна Крестителя, собравшея „въ вечеру юноши, мужеска, дѣвическа и „женска полу, содѣшають себѣ вѣнцы отъ „зелія нѣкоего, и возлагають на главу и „опаюсуюся ими. Еще же на помѣ бѣсов- „скомъ игралицы кладуть и огонь, и окрестъ „его емшеся за руцѣ, нечестиво ходящъ и „скачущъ, и пѣсни поющъ, сквернаго Купала

„часто повпоряюще и чрезъ огонь преска-
 „чуще, самыхъ себе пому же бѣсу Купалѣ
 „въ жершву приносяшъ.“ Подобнымъ обра-
 зомъ описывается Купало у С. Димитрія Ро-
 сѣдовскаго въ Чехьи Миней. Въ Махновскомъ
 повѣшѣ, сходно съ Чернорусцами и Бѣлорус-
 цами, дѣвушки вечеромъ закапываютъ въ
 землю дерево, украшенное вѣнками подъ име-
 немъ *Купалы* и зажигаютъ огни съ пѣніемъ.
 Близъ города Бѣлицы на Днѣпрѣ, въ Гомлѣ
 тогда поютъ :

У Пана Ивана посередѣ двора

Спояла верба,

На вербѣ горѣли свѣчи.

Съ той вербы капля упала,

Озеро спало :

Въ озерѣ самъ богъ купался

Съ дѣшками, судѣшками.

Въ Малороссіи, на канунъ сего праздни-
 ка, молодые люди обоюго пола купающа въ
 рѣкахъ до заходженія солнца, въ сумерки, по-
 томъ раскладываютъ огонь на выгонахъ, на
 полянахъ, въ садахъ, и попарно, держась
 рука объ руку, перепрыгиваютъ черезъ огонь.
 Если во время перепрыгиванія руки не разои-
 дутся: это означаетъ, что эта пара сово-
 купится бракомъ. Подобно какъ на Карпатнахъ и

Судепахъ, молодежь препоясавшись цвѣтными перевязями и надѣвъ на головы вѣнки изъ цвѣшовъ и шравъ благовонныхъ, соспалляють вокругъ огня хороводы съ пѣснями въ честь Купалы (208).

Веснянка въ Малороссіи естъ оспапокъ *Мараны*, забытый въ Польшѣ и неизвѣстный въ Великой Россіи, гдѣ впрочемъ во многихъ мѣстахъ кличуть, или закликають, весну. Въ Слободско-Украинской Г. дѣвки пляшуть съ пѣснями въ Семикъ и Купалу вокругъ *Марены* — чучелы изъ черноклена, одѣтаго въ женское платье. Въ Украинѣ дѣпи, нося въ рукахъ ласпочку, сдѣланную изъ дерева, ходящъ изъ дому въ домъ славишь весну (219). Пѣсни же называются *веснянками*; ихъ поють дѣвушки, собираясь по вечерамъ, съ того времени, какъ запоешь овсянка, до Троицы. Въ Черниговской г. *веснянки* начинаются съ Благовѣщенья.

Что въ Великой и Бѣлой Россіи извѣстно подъ именемъ *Радуницы*, то въ Малороссіи называется *Гробками*, кои продолжаются

(208) Опытъ крашкаго повѣствованія о древностяхъ Хрістіанскихъ; собрано Протоіереемъ *Іоанномъ Кутеповымъ*. Москва. 1814. въ 12.

(209) Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, изд. *Н. Гипдича*. Спб. 1825. въ 8.

при дни, опъ понедѣльника до среды Оуминой недѣли. Тогда приносятъ на могилки родипельскія всякаго рода кушанье (*страву*) и яицы, кои шамъ капаятъ до Юрьева дни. Поминки, или *проводы*, сопровождаются полойками при церквахъ и пѣснями. Въ Махновскомъ уѣздѣ епопъ праздникъ извѣстенъ подь именемъ *бабскагъ*.

Троицкая недѣля во всей Малороссіи именуется *зеленою*, *клевальною* опъ *клеванья*, или *Мая* (210), щ. е. *зеленыхъ вѣшвей*, *Зелеными святками*, а въ древности *Русальною* (211). Около Спародуба еша седмица слыветъ *Греною*, пѣсни — *гренухами*, или *гренушками*. Въ Малороссіи Духовымъ днемъ называется Воскресенье, что у насъ Троица, а Троицынымъ днемъ — слѣдующій за нею понедѣльникъ, въ копорый у насъ празднуется Духовъ день. Въ Черниговской г. въ Новгородѣ Сѣверскомъ есть уважаемый народомъ родникъ *Заручейская криница*, или *Сухомлинская*, иначе родникъ *Ярославовъ*, впадающій въ Десну;

(210) Въ Люцерономъ переводѣ Библии, III кн. Моисеевой, 23, ст. 44; *Schmückt das Fest mit Mayen* (вѣшьями древа).

(211) *Карамз.* II. Г. Р. ч. I, прим. 210, II. прим. 115. III, прим. 10, 44, 89.

на срубъ етой криницы, на разсвѣтъ въ Зеленую недѣлю, по народному повѣрью, сидятъ *Криницы*, прекрасныя дѣвицы съ русыми волосами, кои онѣ разчесываютъ. Сии *Криницы* суть *Русалки*, кои по названію своему отъ криницы, или *ручья*, и отъ *русла*, ложа рѣчнаго, предспавляютъ одинакія понятія (212), подтверждая свидѣтельства, выше приведенныя нами изъ Стывянской рукописи XI вѣка, что „рѣки назывались богини и звѣри, живущіе въ нихъ, почитаемы были богами, коимъ приносились пребы.“ — Огни, видимыя на многихъ древнихъ курганахъ по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, по мнѣнію суевѣрныхъ поселенъ, разводятся Днѣпровскими *Русалками*, чшобы привѣстнымъ свѣсомъ заманить странниковъ къ крупизнамъ и низвергнуть ихъ въ пучины Днѣпровскія (213). Въ одной старой пѣснѣ *Русалка* загадываетъ загадку: *Ой цѣ росте безъ кореня?* — и сама разгадываетъ подобно Линнею: *Камень росте безъ кореня.* Вообще Украинцы думаютъ, будто въ *Русалокъ*, или *Мавокъ*, превращаются дѣти, умершія

(212) Ощечественныя записки П. С. Слб. 1828, Апрель.

(213) Одесскій Альманахъ. Одесса. 1831. 12.

безъ крещенія; и будто злые духи похищаютъ души сихъ младенцевъ, давая имъ свободу являться только въ день Сошествія Св. Духа и въ Троицынъ. Такихъ младенцевъ хороняшъ въ Кіевской г. въ Махновскомъ повѣстѣ подъ фпгурою (кресномъ) на раздорожіи (перекресткѣ). По народному мнѣнію, души ихъ черезъ семь лѣтъ уносятся на воздухъ и просятъ себѣ крещенія при разѣ. Если кто услышитъ ешопъ зовъ и подаспъ имъ св. крещеніе, говоря: *Я тебя крещая Иванъ и Марья во имя Отца и Сына и Святаго Духа;* тогда сн души возьмутся Ангелами; а въ прошивномъ случаѣ дьяволами. По сказаніямъ суевѣрныхъ поселянъ, въ глубокую полночь Мавки о Троицынъ двѣ бѣгають по берегамъ рѣкъ и озеръ, поють, хохочуть, хлопають въ ладоши и мякають на подобіе кошекъ: опъ чего онѣ и получили свое названіе. Въ *Клечальную субботу* на-канунъ Духова дня, бѣгая по ржи, они бьютъ въ ладоши и кричатъ: *Бухъ, бухъ! соломенный духъ! мене мати народила, некрещену положила.* Въ Горобинья (воробинья) ночи бывають свадьбы и танцы *Русалокъ* (214); тогда поселяне

(214) Малороссійскія пѣсни, изд. М. А. Максимовичемъ. М. 1827. въ 16.

не купаются въ рѣкахъ и не ходящъ поодиначкѣ въ поле и лѣсъ, чѣобы *Мавки не защекотали* (залоскопали) или не закачали. Мушцины и женщины наканунѣ ешихъ дней запасаются зорею и польнью, какъ предохранительными средспвами прошивъ нападенія Русалокъ (215). Въ Малороссіи, въ Троицынъ день приносящъ въ церковь охапку зори, калуфера, мяшы и кадила (*chamaeritys*), копоря связывается веревкою, а въ срединѣ спавится шройная свѣча, называемая *Троущею* и горящая въ продолженіе обѣдни: шравы сіи хранящся дома для лѣченія опъ разныхъ болѣзней, а шройная свѣча даешл въ руки умирающему при последнемъ издыханіи. Въ Малороссіи, Духовъ и Троицынъ дни шочно праздники духовъ: впрочемъ шамъ шакже завивающъ и развивающъ вѣнки въ Троицкую педлю, на коей поющъ :

Ой завью вѣнки, да на всѣ свѣпки!

Ой на всѣ свѣпки, на всѣ празднички,

Да рано, рано на всѣ празднички!

Мы уже сказали выше о сборищѣ вѣдьмъ на Ивановъ день въ Кіевѣ на Лысой горѣ,

(215) Исторія Малой Россіи, соч. Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. ч. 2. Москва. 1830. въ 8.

для совѣщанія ; въ сію-по ночь они собираютъ вѣдемскія sprawy, снимаютъ съ неба звѣзды и держатъ ихъ въ кувшинахъ на погребяхъ : въ Малороссіи также вѣрятъ , что кому посчастливилось сорвать цвѣтъ папоротня (папоротника , кочедыжника) въ Иванову ночь , то онъ найдетъ кладъ.

Какъ въ Бѣлороссіи , Гродненской и Виленской Губерніяхъ , Бѣлостокской области день Св. Бориса и Глѣба почивается праздникомъ *Паликоны*, такъ на Волынѣ Радзалеона Мѣсценіка, а въ Малороссіи день *Палея*, т. е. Св. Пантелеймона : этотъ день проводится въ праздности изъ опасенія, чтобы за нарушение этой не спалились молніею копны хлѣба и сноги сѣна. —

Въ Малороссіи извѣстно и *Бабыно лѣто*, которое въ Богеміи, по свидѣльству Юнгманова Словаря , называется также *Rawicj léto*, паушинное лѣто, отъ коего и поговорка : *Babj léto ljeta*, бабье лѣто лепшешъ. см. стр. 85 и 143. Въ Кіевѣ *женить Семена* значить у ремесленниковъ: начинаютъ работать при свѣчахъ вечера съ *Семена дни*.

Въ Малороссіи празднуется какъ весенній, такъ и осенній *Юрьевъ день* (26 Ноября); ибо и праздникъ церковный въ честь освященія храма Георгія на злыхъ врагахъ установленъ въ

Кіевъ въ подражаніе Греческому. Тамъ упошребилепень быль законныйъ обычайъ перехода креспьянъ опъ помѣщика къ помѣщику и поговорка: *Отъ тыбъ, бабо, и Юрьевъ день* (216).

Тамъ бывають также земледѣльческія празднества: *Дожьики*, послѣдній день жапы, *Оборки*, оспальный день оранія, *Досъски*, послѣдній день сѣянія, и *Толоки* съ играми и *забобонами*. *Масляница*, у Сербовъ *бѣлая недѣля* (217), въ Малороссіи не въ такомъ уваженіи, какъ въ Великой Россіи: тамъ не кашаюшся на горахъ; а только ѣдятъ блинцы и вареники и пьютъ горѣлку.

Въ Кіевской г. такъ же, какъ въ бѣлой и черной Руси, *праздникомъ* преимущественно называецся *попъ день*, въ копорый заложена церковь: онъ осправляецся прихожанами съ большимъ торжествомъ, лѣпомъ при церкви, а зимою въ домахъ церковнослужителей. На епомъ праздникъ, сѣвущемъ и знамъ *канонемъ*, а въ Черниговской г. *Братчиною*, пьютъ медъ вареный. *Вечерницами* и *Досвѣтками* въ Малороссіи называюшся сходбища въ одну хапу въ осеніе и зимніе вечера; тамъ работають, поютъ, играють, *жартуютъ* (шупятъ) и *женихаютъ*.

(216) Рускіе въ своихъ пословицахъ, Москва кн. IV.

(217) Енциклоп. Лексиконъ, Спб. т. VII.

Ограничиваясь въ епомъ сочиненіи только простонародными праздниками въ Великой Россіи, замѣшимъ, что одни изъ нихъ общіе, о коихъ выше упомянули, другіе мѣстныя, произшедшіе изъ духа вѣрованія, нравовъ и мѣстности туземцевъ, копорые вѣрояпно чествовали свои опечесивенныя божества, каковы въ однѣхъ странахъ были Ярило, въ другихъ Волось и ш. д. — Общіе праздники, по мѣстамъ извѣстные подъ различными названіями, являясь тамъ въ особенныхъ формахъ, нерѣдко соединяются съ особенными обрядами, или смотря по климату страны, опправляются ранѣе или позднѣе.

Что разумѣютъ подъ именемъ *Коледы* въ Черной, Черной, Бѣлой и Малой Россіи, такъ равно и у другихъ Славянскихъ племенъ, то въ Великой Россіи называютъ обыкновенно *Святками*, *Святыми вечерами*, а въ Новгородской Г. *Кудесами*, *Окручаемъ*, въ Псковской *Субботками*. Однако Коледа воспоминается на Поволжѣ; въ Костромской и Ярославской Г. поютъ: *Шла Коледа изъ Новгорода* и пр.; что свидѣтельствуетъ о переселеніи обычаевъ изъ вольнаго города при Иоаннахъ III и IV. Въ Муромскомъ уездѣ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рязанской Губ., съ Коледою воспѣвается *Таусень* или *Авсень*. Тамъ

же въ Чухломѣ, о Свяшкахъ ребяпишки слѣдующею пѣсней напоминающъ западный праздникъ *трехъ Королей*:

Двоимъ, проимъ,

Давно споимъ:

Пожалуйте копыице;

Вамъ спасенье,

Намъ прибыльнѣе.

Пожалуйте *Королю* и п. д.

Въ Тульской Г. по селамъ 1 го Января бываетъ *застѣв*; подобно Малороссіанамъ, крестьянскія дѣти ходящъ по избамъ съящъ изъ рукавицы зерны хлѣба яроваго, кои собираются спарухами и берегутся до постья осенняго. — *Соботка*, знакомая Полякамъ, Силезцамъ и Чехамъ, извѣстна также и поселянамъ по рѣкѣ Лугъ, текущей изъ болотъ Новгородской Губерніи въ С. Петербургскую (218). По Волхову знаютъ се игрище подъ названіемъ *Коккул*; см. выше стр. 90. Въ старой Ладогѣ при рѣкѣ, впадающей въ Волховъ, на горѣ Побѣдищѣ, по свидѣтельству Ходаковского, епо купальское ликованіе ежегодно совершается въ Ивановъ день при огнѣ, который добываютъ посредствомъ тренія дерева объ

(218) Исторія Малой Россіи, соч. Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. ч. 2. Москва, 1830. въ 8.

дерево, называя его въ той сторонѣ *жюмымъ огнемъ*, *Царь-огнемъ* и *Коккуемъ*.

Въ Переславль-Залѣскомъ ярмарка, бывающая въ день Агриппины, по проспорвѣчю Купальницы, слыветь въ народѣ *Купальницею*. *Иванъ Купало*, празднуемый ошъ Днябра до Нѣменя, между чернью называется *Ярилою* въ Ярославской, Тверской и Рязанской Губерніяхъ.

Въ Коспромской Г. недѣли съ Богоявленья ева дня до Масляницы у крестьянъ называются *свадебными*; пошому чшо они всегда около ешого времени играють свадьбы. Ошъ ешого же въроячню и Февраль въ лѣпописяхъ означень *Свадьбами* (219).

Красная горка, споль извѣстная въ Вѣдикой Россіи и по празднеству оной въ определенное время и по многимъ урочищамъ, означаеть мѣшо и время: въ Смоленской Г. именуется *Толщищемъ*, и напоминаеть древнее Славянское *Стадо*. Въ однихъ краяхъ *Горкою* называется гулянье на Святой недѣль, въ другихъ въ Юрьевъ день; но вездѣ Красная Горка почищается временемъ свадебъ и сопровождается бываеть *кликаньемъ весны*, какъ первый весенній праздникъ, съ коего, по большей часши, начинають играть въ

(219) Карамз. И. Г. Р. V, прим. 222, 386.

горьлки; а когда стануть распускаться листья на деревьях — играют хороводами. Семикъ, или семидесятичетвергъ, праздникъ погребенія убогихъ и заживанія вѣнковъ, въ Вологдѣ называется Поляною отъ мѣстоположенія, гдѣ была, по преданію, могила двухъ чудесныхъ витязей *Блаторицель* (220). Позорищемъ Семика бываютъ кладбище и роца. Всесвятское заговѣнье извѣстно въ Коспромѣ и Твери подъ именемъ Ярилы; въ Нерехтѣ — Конюковки, а въ Ярославлѣ — Солонины. — Бабье лѣто въ однихъ мѣстахъ начинають съ 1го Сентября, или Семени дни, въ другихъ съ 8го Сентября, или съ Рождества Богородицы; оно слыветь въ Саратовской и Пензенской Губерніяхъ. Пасиковымъ днемъ отъ уборки ульевъ, въ Ярославской и Вологодской Губерніяхъ Луковымъ днемъ отъ сниманія съ грядъ лука и чеснока, въ Рязанской *Аспосовыми* и *Спосовыми*, върядно, отъ Спаса или отъ другаго неизвѣстнаго досель слова. Въ селеніяхъ Тульской Г. подь Великъ день жищели *заклинають* морозъ, губищеля овса, льна и конопель. Поселянинъ беретъ ложку киселя и просунувъ голову въ волоковое окно, говоритъ:

Морозъ, морозъ!

Приходи кисель ѣсть.

(220) Вѣстникъ Европы, 1814, No 14.

Морозъ, морозъ!
 Не бей нашъ овецъ,
 Ленъ, да конопли:
 Въ землю вкочоли!

Окончивъ такія слова, оцъ оборачивается въ
 избу, гдѣ оказывается его водою старшая изъ
 женщинъ.

Въ Галицкихъ мѣстахъ и въ Тверской
 Г. последнее воскресенье, называемое памъ
 прощальнымъ, а въ Сибири Цѣловникомъ,
 молодежь проводитъ въ капаньи по улицъ, одѣ-
 ляетъ пряниками окликальщикова, кото-
 рые носятъ въ рукахъ вѣтви еловаго де-
 рева. Епо окликанье и вѣтви означаютъ
 богашую и роскошную жизнь; ель спа-
 вятъ также на дворъ у хозяевъ, которые
 еще болѣе угощаютъ окликальщикова, воз-
 глашающихъ: *О Лелѣ! О Лелѣ! Прощаль-
 нымъ, или Цѣловникомъ* Воскресенье епо на-
 именовано попому, что предъ наступлені-
 емъ Великаго поста цѣлуются со всѣми въ
 знакъ Хрістіанскаго примиренія и ходятъ на
 кладбище прощатся съ усопшими родспивен-
 никами. Тамъ же въ Фомину недѣлю, именуе-
 мую *Радошцами*, гуляетъ народъ послѣ полу-
 ночи и до свѣша, распѣвая подъ окнами:
Юница, молодица, подай лицо въ перепечу!

Тогда подають парнямъ вино , пиво , ладунки , казанки , а дѣвкамъ пряники и красныя лица. Ешопъ Юнецъ или Выюнецъ упоминается въ 25 вопросѣ Спюглава: „и на Радоницѣ „Выюнецъ, и всяко в нихъ бѣсованіе.“

Изъ мѣстныхъ праздниковъ въ Россіи извѣстенъ въ Вятской Губерніи подъ названіемъ *Свиснопляски*, который совершается ежегодно въ четвертую субботу послѣ Пасхи, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1480 г. Вятчане подъ предводительствомъ Михаила Рожухина, сражаясь ночью съ союзниками своими, Успюжанами, по невѣденію, побилъ ихъ девять тысячъ (221). Послѣ панихиды въ часовнѣ, въ день Свиснопляски продаются разныя закуски и дѣлаемыя нарочно для сего праздника глиняныя куклы, свиспки и шарики, коими бросаютъ другъ въ друга, спазываясь по обѣ стороны рва, и свиспаятъ. Липовская *Swistoplaszka* описана въ Виленскомъ Денникѣ. — Въ верспахѣ семи отъ Вологды, по Архангельской дорогѣ ешь въ лѣсу на полянѣ могила воина Аники, на которую прохожіе кидаютъ сломленныя вѣтки деревь. Опъ

(221) Записка Преосвящ. Кирилла, бывшаго Епископа на Вятскаго, а нынѣ Архіепископа Брацлавскаго,

епого шамъ накопляется большой ворохъ , который сжигается въ одинъ лѣтній день собравшимся народомъ. На епомъ сходбищѣ ѣдятъ блины и гуляютъ. — Предъ Троицынымъ днемъ , въ Лихвинскомъ уѣздѣ Калужской Губерніи , бываетъ народный праздникъ *Маргосты* , во время коего одна кума къ другой ѣздитъ на мешлѣ и угощаются пирогами. Орловской и Тульской Губ. , въ епожъ время бываетъ извѣстное и въ другихъ мѣстахъ крещеніе кукушекъ , которое состоитъ въ томъ , что въ роцѣ избранные кумъ и кума надѣвъ крестикъ на пшичку кукушку или на травку погожъ имени , кладутъ ихъ на разоспанный плапокъ , садятся вокругъ его , мѣняюща крестами своими , цѣлуются и съ чрочими подругами ѣдятъ яишницу и поютъ пѣсни. Въ Чистопольскомъ уѣздѣ , въ *Савингъ* городкѣ , въ Троицкую субботу служатъ молебны на ржаномъ и яровомъ поляхъ , а потомъ вплоть до ночи поютъ и пляшутъ въ честь Ярилы.

Въ Муромѣ , въ первое воскресенье послѣ Троицына дня бываетъ гульбище для погребенія *Костромы* , во Владимірѣ для погребенія *Лады* , а въ Твери недавно прекрапился праздникъ погребеніе *Ярила* , совершавшійся 24 го Іюня близъ Трехъ-свяшскаго сада.

Въ епомъ же краю съ перваго Воскресенья послѣ Пешрова дни начинаются гулянки, называемыя *Петровками*, кою продолжаются по первый Спасъ. Въ Рязанской Губерніи, въ Скопинѣ, съ понедѣльника Русальной недѣли до самаго заговѣнья, съ вечера до ночи дѣвки и женщины водяшь хороводы змѣйкою, держась за конецъ платка и припѣвая: *Лелій, лелій, лелій зеленый, и Ладо мое!* — Въ Пензенской и Симбирской Г. въ Духовъ день дѣвки выбираютъ изъ себя одну, нареченную *Костромою*, кладуть ее на доску, на коей несуть ее на рѣку, гдѣ сложивъ ее, купаютъ другъ друга въ рѣкѣ; потомъ сдѣлавъ изъ лубка барабанъ, подъ звукомъ его, возвращающа, домой и, нарядясь, выходяшь на улицу играють въ хороводы до вечера. Сія мѣстическая или символическая *Кострома* извѣстна и въ другихъ краяхъ Россіи.

Въ Воронежской Губерніи на берегу озера Горохова, соединяющагося съ Дономъ, строивали жипели села Горохова, подъ Троицынъ день, какъ гласитъ преданіе, на полянѣ шалашъ, украшали его вѣнками изъ цвѣшовъ и душистой зелени — внутри спавили на возвышенномъ мѣстѣ бована изъ

дерева, иди соломы, одѣшаго въ богатое мужское и женское платье. . . Около шалаша собирались грамотные жители, принося съ собою опшборную, пищу и питье, и составляли около шалаша хороводы, плясали, пѣли пѣсни и пировали *сколко души было угодно*. Въ Воронежѣ, такъ какъ и въ другихъ краяхъ Россіи, молодыя дѣвушки, особливо низкаго сословія, на Троицынъ день собирались къ какой нибудь изъ подругъ своихъ *завивать вѣнки*, а на другой день *сходились разивать*. Обыкновенный приѣвъ въ пѣсняхъ при епомъ праздникѣ, или лучше сказать, съ самаго опкрытія весны до 25 Іюня, еспь: *Ладо, диди и Ладо*. Въ Орловской Г. еспь обыкновеніе *молить каравай* въ Троицынъ день, которое состоитъ въ томъ, что приготавлиется одинъ общій каравай для спола, а другой для роци, куда съ нимъ послѣ обѣда отправляются гулять и завивать вѣнки. Въ Псковской Губерніи пучками цвѣтшвъ, съ конми сподли обѣдно и вечерню въ Троицынъ день, обмешаютъ могилы родительскія; епо называется: *глаза у родителей прочищать*. — Въ Воронежѣ отправлялось, до Тихона I, ежегодно предъ заговѣнемъ Пепрова поста буйное игрище, имъ уничтоженное 1763 г., въ честь Яри-

ла, копорый, по словамъ бѣго Архипастыря, „въ сихъ спранахъ за бога почитаемъ „быль, пока еще не было шамъ Хриспіанскаго благочеспія.“ Епо шрице соединялось съ плясками и пированьемъ; также съ кулачными боями, на коихъ случались и смерпоубійства и жестокія увѣчья (222). Въ Кинешмѣ до нынѣ совершается празднество въ память Ярилы о заговѣнѣ Всесвятскомъ. — Въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской Г. простой народъ около Пепрова дни спекается на поклоненіе двумъ камнямъ, какъ на могилы родителей, послѣ молебна въ церкви Божіей Матери Умиленія. Сіи камни, коимъ приписывается суевѣрами чудодѣйственная сила, называющіяся *Башь* и *Башиха*; одни ихъ почитаютъ за мушину и женщину, а другіе за супруговъ, иные за кума и куму, или за богатырей, превращенныхъ въ камень. Въ городѣ Тюменѣ Тобольской Г. въ десятое воскресенье послѣ Пасхи бывалъ за бѣлымъ городищемъ праздникъ *Ключь* (223), начинаемый водосвященіемъ и оканчиваемый гуляньемъ, борьбою и пѣснями; нынѣ предаётся онъ забвенію.

(222) Описаніе жизни и подвиговъ Преосвящ. Тихона, Епископа Воронежскаго и Елецкаго, сочин. Митрополита Кіевскаго Еугенія. изд. 2. М. 1820, въ 8,

(223) Сѣверная Пчела. 1827, № 24.

У нынѣшней Мордвы, потомковъ Росповской Мери, переселившейся за Оку и смѣшавшейся съ Мордовою во время крещенія земли Росповской, донинѣ льпомъ совершается языческой праздникъ въ честь Велеса подъ названіемъ *Вель - Оскъ*; а близь Нерехты, также Мерянскаго поселенія, среди рѣки Нерехты лежить чудный камень, похожій на большую бочку съ обручами. Просполюдины вѣрятъ, что кто осмѣлился брать воду близь епото камня, тотъ впадетъ въ сумасшествіе. Какъ мы замѣтили выше, что Меря поклонялась Велесу подъ видомъ камня; по сіе даетъ поводъ почитать епотъ камень за Велеса (224). Въ Шенкурскъ и Верховажъ, начиная отъ самаго Рождества цѣлую недѣлю ходятъ парни по домамъ, такъ какъ въ Малороссіи, со звездою, копорая дѣлается изъ бумаги въ аршинъ величиной и освѣщается свѣчею. Тамъ хожденіе съ такою звездою и пѣніе *виноградья* называется вообще *Коледою*. Въ Бабье льпо, въ Серпуховѣ на полѣ дѣвушки и молодцы съ плачемъ шоржеспвенно *хоронятъ мухъ* въ гробкахъ, вырѣзанныхъ изъ моркови и свеклы. Тогда женщины смотрятъ себѣ невѣспъ : что бываетъ

(224) Записки М. Я. Діева изъ Нерехты.

и въ другіе праздники и п. д. см. опр. 32. Въ Новгородѣ, Москвѣ и другихъ городахъ, въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ, совершались *обрядъ Пещнаго дѣйствія*, родъ сценическаго представленія, какія бывали и въ Римской церкви (225), въ Вербную недѣлю *обрядъ хожденія на ослати*, а 1 Сентября *ишь мѣтопровожденія*.

Въ Оспашковѣ, по воскресеньямъ бываетъ вечернее гулянье, извѣстное тамъ подъ именемъ *Беззаботной площади*. Въ Цывилевскѣ собранія дѣвиць на веселье называются *Холками*. Во всей почти Россіи празднуются *Пятницы*, соединенныя съ мѣстными торгами, или ярмарками. *Пятница* именуется *временною*; попому что день С. Параскевы, 28 Октября, временно приходится въ пятокъ. Въ Кицешемскомъ округѣ торжествуется *Обзорная Суббота*, а въ Буевскомъ *Обзорная Пятница*, на третьей недѣлѣ Великаго поста, когда зятья пешей и пешей угощаютъ киселемъ съ масломъ, который привозится шуда обыкновенно въ гробкахъ. Въ Шенкурскомъ и Вельскомъ округахъ, по Вагъ простой народъ ежегодно оприваляетъ праздникъ въ пятокъ первой недѣли Петрова поста *Девятой Пятницъ*, или въ честь С. Параскевіи, нареченной *Пятницы*, особенно у

Древней часовни въ пяти верстахъ отъ Верховажья, куда бываетъ изъ церкви крестное хожденіе, сопровождаемое множествомъ народа изъ окрестностей. За молебствіемъ слѣдуютъ пиршество и игрище; тамъ дѣвки и парни соспавляютъ два круга, кои поспойвъ нѣскольکو времени въ нѣкоторомъ распояніи одинъ отъ другаго, попомъ сходятся вмѣстѣ и попарно дѣвки съ парнями бѣгаютъ въ запуски; на бѣгу стараются разорвать ихъ чепу дѣвка или парень, у которыхъ нѣтъ пары. Эта игра тамъ называется *Полукрестомъ*.

Въ Пермской Губерніи, въ селѣ Обыченскомъ, въ *Ильинъ день*, по свидѣльству Лепехина, убиваютъ въ складчину быковъ и телятъ, а въ *Прокопьевъ день* — барановъ, коихъ съѣдаютъ всею міромъ (226).

Приходскіе праздники какъ въ Великой Россіи, такъ равно и въ Бѣлой, сопровождаются общимъ гостепрїимствомъ и весельемъ, которое продолжается обыкновенно три дни. Около Галича и Буя, на монастырь, въ приходскіе праздники угощаютъ прихожанъ и пришлыхъ кашицей, варенымъ мясомъ и пивомъ; епо

(226) *И. Лепехина* Дневныя Записки. Спб. 1768 — 69. ч. I. в. 8.

пѣнь называется: *угощаться у праздника*. Самая поговорка на нашей улицѣ праздникъ, выражаешь всю полнопу удовольствія и шоръ жеспво, какое доставляетъ поселянину его праздникъ, приносящій ему опдыхъ опъ шрудогъ, разгуль и веселье въ жизни. Ежели ближе и глубже вникнуть въ народную, жизнь разлившуюся на разныхъ полосахъ сѣверо-восточной Россіи: шо, вѣроятно, опкроется еще болѣе мѣстныхъ повѣрій и обрядовъ древнихъ, смѣшанныхъ и новыхъ, а въ нихъ духъ народа, оплившійся пѣнь въ разныхъ формахъ. Такое разнообразіе повѣрьевъ и обычаевъ подшверждаетъ и самая пословица народная: *Что городъ, то норовъ* (нравъ, обычай); *что деревня, то обычай; что подворье, то повѣрье*.

Въ епомъ сочиненіи мы ограничиваемся только праздниками и обрядами Великой Россіи, кои здѣсь при общемъ обзорѣ разсмашириваемъ сравнительно съ другими, съ нею сходными по внѣшности или сущности; въ слѣдующихъ книжкахъ предложимъ каждый праздникъ особенно съ его подробностями и съ опносящимися къ нему пѣснями.

§ 6. По опношенію къ мѣсту, народные праздники шакже могутъ быть разделены на *сельскіе* и *городскіе*. Въ Древности,

въ эпоху языческую они не имѣли такого различія; въ первые же вѣка, при постепенномъ переходѣ Языческаго къ Христіанской вѣрѣ въ Россіи, они стали различаться своимъ содержаніемъ и цѣлюю, кои измѣнялись въ эпохи наращенія: Греческую, Восточно-Европейскую или Азіатскую и Западно-Европейскую.

Религіозные древніе праздники и обряды изпекши изъ внутрешней, семейной жизни; развились и образовались вмѣстѣ съ развитіемъ и образованіемъ общесства, сперва въ селеніяхъ, потомъ въ городахъ, гдѣ празднества, сопряженныя съ торговлею, судьбищемъ и гостепріимствомъ, служили средствами къ соединенію не только единоплеменныхъ, но и къ сближенію съ разноплеменными народами. Выше приведенное нами мѣсто изъ опечеченнаго лѣтописца — *игрища межю селы* — доказываетъ, что онѣ начались вмѣстѣ съ началомъ общинъ, когда удовлетворены были главныя потребности жизни. Поэтому вѣроятно, что селы имѣли свои средопочія, гдѣ бывали *прѣбища, мольбища, игрища, призищица. Погосты* и *городища* соспавляли такое средопочіе, гдѣ, въ назначенное старѣйшинами селеній время, собирались *мужи и жены* для совершенія богослужебныхъ обрядовъ, кои сопровождаемы были играми и пѣснями; сходство

щѣхъ и другихъ предполагаетъ сношеніе между епими разсадниками народонаселенія и богослуженія. На игрищахъ Вяпичи, Радимичи и Сѣверяне, по сказанію нашего лѣтописателя; „умыкаху жены себѣ, с нею „же кѣо совѣщавашесь.“ Подобная игра донынѣ существуетъ на Сѣверѣ: играющіе раздѣляются на двѣ спорны, изъ коихъ каждая поетъ попеременно и одна изъ нихъ беретъ у другой *дѣвицу* за выкупъ *перенятыхъ ею коней* (227).

Хотя лѣтописцы наши и не говорятъ о священныхъ обрядахъ и празднествахъ въ честь боговъ въ Кіевѣ и Новгородѣ, кромѣ благодарственной жертвы выбраннымъ по жребію Варягомъ при Владимірѣ I и торжественной кляшвы Перуномъ и Волосомъ; однако упоминающъ о *позорахъ, игрищахъ, рустальяхъ и тризнахъ*, кои принадлежали къ обрядамъ древняго вѣрованія и совершались какъ въ селахъ, такъ равно въ городахъ и пригородахъ.

Когда жь Хрістіанская вѣра съ X вѣка стала выптѣснятъ изъ городовъ обряды и праздники древняго народнаго Язычества: тогда памѣ съ перемѣною образа мыслей и

(227) Краткое обозрѣніе Мифологіи Славянъ Россійскихъ. Москва. 1815. въ 8.

жизни они обратились въ обыкновенныя гулянья и капанья, сдѣлались гражданскими увеселеніями, съ коими соединяемы были другія чувствованія, другія мысли. Между шѣмъ древнія повѣрья и завѣщныя обычаи укрывались въ колыбели своей — въ сельскихъ приюпахъ, гдѣ они зачались, родились и возмужали вмѣстѣ съ народностію: тамъ они нашли себѣ приволье и разгулье на поляхъ и лугахъ, въ лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ и озеръ, на горахъ и на улицахъ селеній. Приурочками ихъ служили лѣтнее и зимнее солнцеспояніе, прилепаніе и оплешаніе птицъ, развершываніе и паденіе листьевъ древесныхъ, замерзаніе и вскрытіе рѣкъ, начало и окончаніе полевыхъ работъ, кои смѣнялись днями покоя и веселья, посвященными на совершеніе праощеческихъ обрядовъ по преданію и по привычкѣ. Забвеніе или нарушеніе завѣщныхъ обычаевъ почищалось у просполюдиновъ пресступленіемъ, за коимъ по ихъ мнѣнію, неминуемо слѣдовала напасть: по етому исполненіе сихъ обычаевъ сдѣлалось необходимостію. — Въ городахъ нерѣдко древніе обычаи замѣняемы были новыми, чужеземными. Въ Хрістіанскую эпоху Государями и Духовенствомъ давались народу праздники по случаю важнѣйшихъ событій. Выше сказали о шоржеспвахъ по освященіи церквей и о

праздникахъ приходскихъ. О пирахъ народныхъ при В. К. Владимірь І въ Язычествѣ и Хрістіанствѣ упоминають лѣтописи наши и старинныя пѣсни :

Во славномъ городѣ Кіевѣ ,
 У Князя у Владиміра ,
 У солнышка Свяшославича ,
 Было пированіе почепное ,
 Почепное и похвальное
 Про Князей и про Бояръ ,
 Про сильныхъ могучихъ богашырей ,
 Про всю поляницу удалую, и пр.

Хлѣбосольный В. К. Владимірь , по сказанію Макарьевской Минеи , „памяши „святыхъ въ церквахъ шворяше пѣніемъ и „молитвами , и праздноваше свѣпю праздники господскія : и при шрапезы пошавляше , первую Мишрополішу съ Епіскопы , „и съ черноризцы и съ попы , вшорую нишчимъ и убогимъ , шрешью себѣ и бояромъ „своимъ и всѣмъ мужемъ своимъ.“ Великій Князь Владимірскій Коншаншинъ Георгіевичъ , по освященіи въ Ростовѣ церкви Св. Бориса и Глѣба , сошворилъ пиръ для угощенія народа и роздалъ милосшыню. Изъ Печерскаго Пашерика видно , что братія Печерскаго монастыря вкушали шрапезу въ

обишели Св. Димитрія въ храмовый праздникъ и обѣдали съ боярами въ Вышгородѣ по случаю праздника перенесенія Св. мощей Бориса и Глѣба; для нихъ же было въ самомъ монастырѣ *учрежденіе веліе*. Князья Свяшославъ и Всеволодъ, по изгнаніи Изяслава изъ Кіева, приглашали къ себѣ Св. Ѳеодосія на обѣдъ (228). Такія учрежденія бывали въ лаврахъ и другихъ монастыряхъ, гдѣ въ храмовые праздники безмездно угощали богомольцевъ, какъ видно изъ Испоріи Россійской Іерархіи. Со временъ Всероссійскихъ Митрополитовъ, по образцу Византійскихъ церемоній (229), въ Москвѣ, въ день Успевія Богомаперіи донынѣ дается въ Кресповой палатѣ обѣдъ, слывущій *Царскимъ*. Въ Древности Государи и вельможи шворили пиры монахамъ, гдѣ иногда забывались успавы воздержанія и приличія, какъ явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ Митрополита Іоанна:

„Иже в манаспырехъ часпо пиры шворятъ,
 „сзываетъ мужа вкупѣ и жены, и в пѣхъ
 „пирѣхъ другъ другу преспѣвають, кшо лучи
 „шворитъ пирь. И оже сихъ шворятъ и собъ

(228) *Карамз. И. Г. Р. III, прим. 80.*

(229) *Constantini porph. de cerimoniis aulae Byzantinae, Lipsiae, 1754. f. cap. 52. — Древняя Росс. Вивлюэнка. ч. VI.*

„иже о нѣмъ пьютъ черенци и съ чернчѣ
 „погубляюшъ, и мвѣшъ, что добро шворяшъ
 „нищелюбія (230)“.

Древняя Испорія свидѣтельствуетъ намъ,
 что Государи, по случаю знаменитыхъ по-
 бѣдъ, славнаго мира, полезнаго союза и дру-
 гихъ великихъ событій, дѣлали народу празд-
 нества и угощенія. Такъ Царь Давидъ при
 торжественномъ перенесеніи ківопа во градъ,
 „раздалъ ошъ мужа даже до жены коемуждо по
 „укруху хлѣба печенаго и по часпи печенаго
 „мяса и по сковрадному млину (231)“.

Въ опеченныхъ лѣпогисяхъ встрѣ-
 чающся примѣры народныхъ обѣдовъ, ка-
 кіе давали Великіе Князья. В. К. Влади-
 миръ I далъ народу свѣплый праздникъ
 послѣ спасенія своего ошъ Печенѣговъ:
 „свори праздникъ великъ, варя 40 про-
 „вирь меду и съзываше боляры своя и по-
 „садники, спарѣишины по всѣмъ градомъ и
 „люди многи, и раздая убогимъ 40 гривень.“
 Въ 1148 г. В. К. Изяславъ Мспиславичъ сдѣлалъ
 великолѣпное пиршество народу на Городищѣ,
 по прибытіи своемъ въ Новгородъ, гдѣ внукъ

(230) Рускія Достопамятности, ч. I. М. 1815. 8.

(231) II Царствъ, VI, 19. Млинъ тоже что блинъ.

Мономаховъ веселился съ народомъ, какъ отецъ съ дѣтьми. Въ 1195 г. В. К. Рюрикъ Госпославичъ и сынъ его Росчиславъ Бѣлогородскій съ Кіевлянами дали пиръ Князю Давиду Смоленскому, который угоспиль тамъ не только Князей, но и Берендѣевъ, Торковъ и даже самыхъ чернецовъ и нищихъ (232). Княжескіе сѣзды оканчивались пиршествами. Послѣ взятія Казани, Царь Іоаннъ Васильевичъ, 1552 г., сдѣлалъ пиршество воинству, народу, Духовенству и Сановникамъ. Пётръ I праздновалъ съ народомъ свои побѣды. По образцу вѣнчанія на царство Греческихъ Императоровъ, издревле Россійскіе Государи по совершеніи сего священнаго обряда давали народу праздникъ, на коемъ угощали его. Въ чинѣ и посправленіи на царство Царя Алексія Михайловича 1646 г. значится, что „все царствѣй прѣдѣль пріемники бывають, пиру же зѣло честну и велику сотворяему новымъ Царемъ—и вси люди весели бывають, и мнози „и честніи дарове отъ Царя износятся (233)“. Извѣстно, что и донинѣ въ день коронаціи своего Государи Россійскіе дають на-

(232) Опытъ трудовъ Вольнаго Росс. Собранія, ч. I. Москва. 1774. 8.

(233) Карамз. И. Г. Р. III, стр. 187 и прим. 331.

роду праздники съ разными попѣхами, или какъ говоришя, *пирь на весь мїръ*—*пирь горой*.

Такимъ образомъ городскіе, или гражданскіе праздники приняли совсѣмъ другой характеръ, происпекая изъ новыхъ, болѣе иноземныхъ испочниковъ; чшожь касается до сельскихъ народныхъ праздниковъ, шо они еще удерживающъ оспашки древняго своего характера; пошому чшо бышь поселянина донынѣ мало измѣнился въ сущеспвѣ своемъ.

На погоспахъ и доселѣ въ праздники бывающъ сборы или шорги, на кои спекающя госпи изъ сосѣднихъ весей и селеній. Самое слово *погостъ* значишь округъ нѣсколькихъ деревенскихъ дворовъ, приходы, поже чшо прежде извѣспно было подѣ именемъ *вервь*, упоминаемомъ въ Руской Правдѣ (234), шакже бѣлюю землю вокругъ церкви, и кладбище или буйвище, какое почши всегда бываешъ въ концѣ селенія. До XVI вѣка Новгородъ и Псковъ раздѣлены были на погоспы, шакъ какъ Сербія на жупанспва. *Погостъ* сроденъ въ Греческимъ *πάρος* холмъ, деревня, и съ Лапинскимъ ра-

(234) Руская Правда, изд. А. Шлецера. Спб. 1767. въ 8. — Въ Славеноросскомъ Лексиконѣ Памвы Беринды гробъ и гробище полкуешя *жупище*. Чшо у Сербовъ было *жупа*. (Зира, Журра), по замѣчанію Князя М. А. Оболенскаго, шо у Рускихъ погостъ, какъ средшочіе селенія или волоспи.

gus (235), отъ коего произошло и *раганы* (*ἰδιώτης, κωμικός*) поганый не только по производству, но и по знаменованію. При введеніи въ Римской Имперіи Христіанской вѣры, язычники и идолопоклонники обыкновенно назывались *рагани* (236); попому что они укрывались въ *весахъ*, селахъ (*in pagis*) и тамъ на привольѣ совершали запрещенныя законами обряды Язычества. Отъ етого *раганус* значить также сокровенный, тайный (237). Конспанпинъ Багрянородный свидѣтельствуетъ (238), что у Славянъ слово *παυάνοι* употреблялось для означенія *некрещенныхъ деревенскихъ обывателей*. Вѣроятно, оно въ етомъ смыслѣ перешло на Русь отъ Болгаръ и Сербовъ, у которыхъ находилъ въ языкѣ. Съ того времени, а можетъ быть, и ранѣе, слово *паганъ* обратилось въ укоризнен-

(235) По мнѣнію Сервія Грамматика: *Pagi dicti a fontibus; quod eadem aqua uterentur: aquae enim lingua Dorica παυαί appellantur.*

(236) *Augustin. Retract. 42: Deorum falsorum multorumque cultores, paganos vocamus.*

(237) *Glossarium mediae et infimae Latinitatis. Halae. I—VI. 8. — Обзоръніе Коричей книги въ историческомъ видѣ, соч. Б. Розенкампа. М. 1829. 8.*

(238) *de administrando imperio, p. 29, 36. c. 32 p. 99.*

ное прозвище невѣрнаго челоуѣка, какъ напр: у Чухонцевъ въ Еспляндіи и у Рускихъ поселянъ *поганый* значить нечистый, скверный. Въ Кормчей, Номоканонѣ, Синоглавѣ, Треникахъ и въ посланіяхъ Рускихъ Священителей именующся *поганскими* древніе языческіе обряды, какіе явно и тайно опправлялись въ селахъ и даже городахъ. У Римлянъ также сельскіе праздники назывались *Paganica*; а *Paganalia* праздновались въ каждомъ округѣ Римской области ежегодно въ честь бога хранишеля окружаго, обыкновенно по окончаніи жатвы. У Византійскихъ писателей Далмація и Сервія именующся *Paganica* (239). По етому, не безъ основанія, простонародныя повѣрья и обычаи называются *сельскими, деревенскими*, какъ удѣломъ черни, необразованныхъ простоллюдиновъ.

О земледѣльческихъ праздникахъ мы замѣтили еще прежде. Трудъ земледѣльца улаждаешся весельемъ; рабочая пора, или *страда, страдная пора*, у него соединенась особенными обрядами и пиршествами: предъ посѣвомъ и жнивомъ и послѣ жнива бывающъ крестные ходы съ св. образами. Начатки жнивь и первые сошны, такъ равно и первые

(239) *Stritteri memoriae populorum. t. IV. in 4.*

плоды приносятся въ храмъ Божій. Въ Симбирской и Пензенской Губерніяхъ , по окончаніи жнишва, весь народъ собирается въ поле дожинашь послѣдніе загоны, и когда уже свяжущъ послѣдній снопь : то нарядивъ его въ сарафанъ и кокошникъ, несутъ на барскій дворъ, гдѣ господа подчивающъ ихъ пивомъ и виномъ , поздравляя съ окончаніемъ жатвы. Въ сѣверныхъ Губерніяхъ , напр. Костромской , когда измолотятъ хлѣбъ (что обыкновенно бываетъ въ день *Феклы Заревницы*, 24 Сентября): тогда овинъ нарекающъ именинникомъ и варятъ для него кашу молошльщикамъ , копорые когда измолотятъ на гумнѣ хлѣбъ , приговаривающъ : *Хозяину хлѣба ворошокъ , а молотльщикамъ каша горшокъ*. — У Мордвы, также и въ разныхъ полосахъ Великой Россіи , въ Августѣ бываетъ пиршество, называемое *Помочью* : малосемейные жилищные люди сзываютъ сосѣдей себѣ на помощь для сжатія созрѣвшаго хлѣба. Тогда , для угощенія помощниковъ , спавялся на дворъ кадки съ пивомъ и сполы съ хлѣбомъ и солью, кашачами , пирогами. На сиротскую и вдовью *Помочь* не требуется никакого иждивенія; но сиротъ и вдовъ снабжающъ всѣмъ шѣмъ, что нужно для такого пиршества : имъ безмездно помогающъ не только сжать хлѣбъ , но

и запасши на цѣлый годъ дровъ и лугины (240). Въ Яранскомъ и Уржумскомъ имѣніяхъ Вятской и Пермской Губерній начинающъ удобрение полей съ Пепрова дни *Помочами*; епо называется шамъ: *назьмы грать*, п. е. играшь (241). Такія Толоки, или Помочи для унавоживанія полей извѣсны въ Смоленской и другихъ Губерніяхъ. Кельхень въ Лифляндской Испоріи такъ описываетъ Толоку: „Въ половинѣ крашкаго лѣпа, во „время жапвы шѣ, кошорые имѣющъ обшир- „ную ниву, обыкновенно сзываютъ доволь- „ное число сосѣдей для того, чшобы съ ихъ „помощью скорѣ окончить жапву; ешимъ „помощникамъ ввечеру они дѣлающъ угоще- „ніе, кошорое шамъ называется *Талкомъ* „(Talckus). Слово сіе происходитъ ошь древ- „няго Еспскаго, или Прускаго Talck, знача- „щаго работу не за какую либо плату, но „за кушанье и пипье, и хопя приглашенные „на шолоку занимающъ цѣлый день шя- „госпными шрудами; однако слѣдующую за

(240) *И. Лепехина* Дневныя записки. Спб. 1768 и 69. ч. I. въ 4.

(241) Журналь Министерства внутр. дѣлъ, 1836, No 4. стр. 73.

„ними ночь проводятъ въ пѣніи, пляскахъ и „весельяхъ“ (242).

Кромѣ земледѣльческихъ праздниковъ, существующихъ шамъ, гдѣ процвѣпаешъ земледѣліе, еспъ *пастушескіе*, какъ мы замѣнили, особливо во дни св. Георгія, св. Флора и Лавра и св. Власія. Въ Сибири, въ концѣ Октября, бываешъ у рыбаковъ праздникъ, или *Юровая*, когда они за нѣсколько верспъ по Ирпышу ѣздящъ за красною рыбою. Какъ въ Германіи и Франціи собираніе винограда, пакъ въ Россіи *рубленіе и стѣченіе капусты*, или *капустницы*, соспавляющъ родъ празднества, на какое въ приволжскихъ Губерніяхъ собирающя дѣвицы въ лучшихъ нарядахъ, переходя съ пѣснями изъ дому въ домъ, гдѣ ихъ угощающъ хозяева (243).

§ 7. Кромѣ упомянутыхъ нами поспорянныхъ и подвижныхъ праздниковъ и поржеспвенныхъ обрядовъ, подчиненныхъ условіямъ мѣста и времени, приведемъ здѣсь въ дополненіе къ сказанному нами выше на снр. 51, еще *чрезвычайные или заповѣдные, обгт-*

(242) *Liefländische Historia, oder kurze Beschreibung der denkwürdigsten Kriegs u. Friedens Geschichte Esth-Lief u. Lettlandes.* Rudolffst. 1695. 4.

(243) Письма Рускаго Офицера, *Ф. Глинки.* М, 1821. ч. 5.

ные : они учреждались по какому нибудь чрезвычайному случаю , во время мора или другой напаси. Изъ нихъ замѣчательно *Опахиванье* , или *Коровья смерть* во время скопскаго падежа. Опахиванье совершается въ полночь однѣми женщинами , которыя собираются у околицы , извѣспивъ напередъ , чшобы никто изъ мущинъ не выходилъ на улицу. Шеспвѣе обыкновенно начинается дѣвкой съ образомъ св. Власія ; за нею слѣдуешь женщина верхомъ на помелѣ , съ распущенными волосами , въ одной рубахѣ : она сопровождается полною бабъ и дѣвокъ съ ухващами и кочергами , косами и серпами , коими они бьютъ въ сковороды съ дикимъ воплемъ ; за ними другая толпа съ зажженными лучинами , въ срединѣ ея нагая спаруха въ хомутѣ , запряженная въ соху , коею прижды опаживаютъ всю деревню и пѣмъ самымъ , по ихъ вѣрованію , пересѣкаютъ путь коровьей смерти (244). Между простолюдинами встрѣчались примѣры самопожертвованія , или обреченія на вольную смерть , въ случаѣ моровой язвы : по суевѣрному мнѣнію , для прекращенія мора , избранную міромъ по жребію женщину , или даже мушину , зарывали живыхъ въ землю съ пѣпухомъ и кошкою .

(244) Путешествіе отъ Тріеста до С. Петербурга ,
изд. В. Броневскаго. Москва , 1828 , 2 ч. въ 8.

На Руси извѣстны, кромѣ *временныхъ, обѣтныя Пятницы*, въ кои креспьяне зарека-
 лась работашь, обѣщаюся праздноваць : епо
 бываешь по случаю безведрія, неурожая, паде-
 жа и другихъ напасей. Для ешого даже писались
 опъ міра пакъ называемыя *заповѣдныя записи*;
 въ собраніи грамошь И. Н. Царскаго ешь
 двѣ записи *заповѣдныя XVI вѣка*, въ помъ,
 чшобы по воскресеньямъ и „пятницамъ ра-
 „боты не работати, дѣла не дѣлати ника-
 „кого чернаго, ни угоды, ни бѣлки, ни лѣ-
 „совати, ни рыбы ловити, ни ягодъ, ни
 „губней не носити.“

§ 8. Главныя и важнѣйшія дѣйствія жизни
 человѣческой, *рожденіе, свадьба и смерть*, у всѣхъ
 почши народовъ ознаменованы особенными
 праздниками и обрядами. Торжественныя сіи
 дѣйствія у Рускихъ Славянъ происпекли изъ
 древняго ихъ быша и вѣрованія, обрапились въ
 обычай и опчасти привились къ Хрїстіанскимъ
 обрядамъ, коими сопровождаюся сіи при акша
 жизни семейной. По связи оныхъ съ просто-
 народными праздниками мы ограничимся здѣсь
 полько очерками епихъ семейныхъ празд-
 несствъ, кои пребующъ подробнаго мѣспнаго
 описанія и изслѣдованія.

Вмѣсто бракосочетаній, у Радимичей, Вяпичей и Сѣверянъ бывали, по свидѣтельству льпописца, въ Язычествѣ *игры*, (*ѣура*, см. выше), на коихъ они себѣ брали (умыкаху) женъ; отсюда, вѣроятно, выраженіе: *играть свадьбу*. Супрасльскій льпописецъ (245) такъ изображаетъ древнѣйшее игрище, вмѣсто брака: „Бяху бо законъ и обычаи бранни въ нихъ (Славенахъ): „не хожаше женихъ по невѣсту, но привожаху вечеръ, а упре приношаху по ней, что узаконено. А Древляне попомъ начаша жиши звѣрьскимъ образомъ скопъски: убиваху другъ друга, ядуце все нечисто, и бракъ въ нихъ не былъ, но умыкаху девици. А Радимичи, и Вяпичи, и Сѣвера единъ обычаи имяху: „начаша же по малѣ и ши яспи, нечисто живоуще въ лѣсехъ, и срамословне и несшудение діаволоу угажаючи възлюбиши, и прѣдъ опци, и снохами, и маперми, и мрази (брази?) не възлюбиша, но игрища, межи сътъ и шу слѣгахоуся рищюце на плясаніа, и опъ плясаніа познаваху, копорая жена или дѣвица до мла-

(245) Сравни Льпопись Неспорову по Лавренш. сп., изд. Р. Тимковскимъ. Москва, 1824, въ 4. и Супрасльскую рукопись, содержащую въ себѣ Новгородскую и Кіевскую сокращенныя Льпописи, изд. Княземъ М. А. Оболенскимъ. Москва. 1836, въ 4.

„дыхъ похощевіе имашь, и опъ очного воззрѣнія,
 „и опъ обнаженія мышца и опъ прѣспъ руч-
 „ныхъ показанія, и опъ прѣспней даралага-
 „нія на прѣспы чюжая, пажъ потомъ це-
 „лованія съ лобзаніемъ и цюпи съ сердцемъ
 „ражедгшися слагахоуся, иныхъ поймающе,
 „а другихъ поругавше, мешааху на насмѣ-
 „ніе до смерти: имяхоу же и по в, и по г,
 „жены: зане слабъ соуци женскій обычай,
 „и начаша друуга предъ другою червипи лице
 „и белимъ прыпи абы оуношя въжелель ея
 „на похощь.“ Извѣстно, что свадьбамъ
 предшеспвуютъ общія гаданія, какія бы-
 ваютъ о Свѣпкахъ, когда дѣвицами при-
 зываепся *суженой ряженой*. Свадьба, по
 Чешски *Weselí*, веселье, соспоипъ изъ
помолвки, рукобитья, или сговора, дѣвишни-
 ка и вѣнчанія; симъ обрядамъ предшеспву-
 ютъ и послѣдуютъ бани, пиры и наблюдение
 разныхъ примѣшъ. Въ Коспромской Г. свадеб-
 ные пиры: *пропой, гостинцы, сговоръ* на канувъ
 бракосочепанія, по что на Московщинѣ дѣвиш-
 никъ; а споль въ первый день брака — *Кня-
 жий*. Въ старину употребительнo было еще
осыпаніе хмѣлемъ жениха и невѣсты предъ
 вѣнчаніемъ и послѣ онаго (246). Выше
 упомянули мы о *куничномъ*, или *вѣнечной ку-*

нищъ , стр. 116 , что доселѣ сохраняется у простолюдиновъ , или упоминается въ свадебныхъ пѣсняхъ разныхъ краевъ Россіи . Въ Коспромской Г. , болѣе въ крестьянскомъ быту , невѣста сирота , за день до вѣнчанія , ходишь ночью въ сопровожденіи подругъ *прощаться* съ родителями на кладбище ; тамъ помолясь на могилахъ , она приговариваетъ : *родимые батюшка и матушка , не надо ни злата , ни серебра , прошу родительскаго благословенія !* Также послѣ вѣнчанія *крутятъ* молодую , т. е. заплетаютъ ей волосы на головѣ въ двѣ косы и надѣваютъ *повойникъ* или *кокошникъ* : этотъ обрядъ сопровождается *окрутильнымъ* *обѣдомъ* . Символическими явствами на свадьбѣ бываетъ *коровай* , *перепеча* , *сыръ* и *лишница* . Въ Вельской округѣ и по Вагъ печи приносятъ въ Пешровъ день на второй годъ брака *сыръ въ почете зятьямъ* , которые по сему случаю дѣлаютъ пиршество (247) . Вѣнчальные свѣчи служатъ предметами загады-

• *Moscoviae ortus et progressus. auth. D. Printz a Visciani. Gubernae. 1679. 12.* Описаніе въ лицахъ торжества , происходившаго въ 1626 г. Февр. 5 при бракосочетаніи Государя Царя Михаила Феодоровича съ Государынею Царицею Евдокіею Лукьяновною . М. 1810. 4.

(247) *Карамз. II. Г. Р. ч. VI. стр. 254. VII, стр. 223.*

ванія о долголѣтніи молодыхъ и зажигающъ во время прудныхъ родовъ для облегченія родильницъ. О свадебныхъ обрядахъ говоритъ Исторіографъ, что они „опчасти Славянскіе, „опчасти Скандинавскіе и что смыслъ оныхъ „легко опгадасть: нѣкоторыя изъ нихъ обра- „зовали любовь, согласіе, чадородіе, богат- „ство; другіе должны были удалять дѣйствіе „злаго вещества.“

Въ разныхъ Губерніяхъ Великой Россіи встрѣчаются различныя свадебныя обряды, въ коихъ нерѣдко подъ грубымъ покровомъ скрывается нравственное основаніе, напр: въ первый день свадьбы, разуваніе мужа женою, опъ коего опказалась Рогнѣда Полопская, невѣста В. К. Владиміра I (248), вскрываніе новобрачныхъ послѣ первой нѣчи или поржественное свидѣтельствованіе невинности дѣвической, какое бывало у восточныхъ народовъ (249) и какое запрещено было Пешромъ I, и ш. д.

Подобныя обряды, оставшіяся теперъ у сельскихъ жипелей или у мѣщанъ, прежде наблюдались и на Великокняжескихъ, Цар-

(248) Софійской Временникъ, ч. I. М. 1820. въ 4.

(249) *Jahn Archaeologia biblica*. Viennae, 1814. въ 8.

скихъ и боярскихъ свадьбахъ, какъ видно изъ описанія оныхъ (250).

Родины празднуются пиршествомъ, на коемъ главное блюдо занимаетъ каша. Чтожь касается до обычая класть на зубокъ, то въ-роятно оный есть подражаніе принесенію даровъ волхвами рожденному І. Хрісту. Кро-мѣ суевѣрныхъ обрядовъ, примѣтъ и предзнаменованій, предшествующихъ и послѣдующихъ родинамъ, извѣстны *розмываніе* рукъ *роженицы* съ *бабкою* на девятый день, и *опоясываніе младенца* черезъ шесть недѣль послѣ рожденія. Въ Славянскихъ земляхъ издревле существо-валъ обрядъ, въроятно языческій, перваго обрѣзанія волосъ, или *Постриги* и *Посажде-ніе на коня* младенцевъ мужескаго пола отъ 4 до 7 лѣтъ: чпд донынѣ наблюдается у коза-ковъ (251): у нихъ отецъ и мать, посадивъ на коня младенца, у копораго прорѣзывались зубы, возили его въ церковь, гдѣ служили молебень Св. Іоанну воину о томъ, чпюбы сынъ ихъ былъ *храбрымъ козакомъ*. Древ-нѣйшій Польскій Историкъ Маршинъ Галль

(250) Опышь повѣствованія о древностяхъ Россіи, Г. Успенскаго. Харьковъ, 1818, 2 ч. въ 8.

(251) Руская старина, изд. А. Корниловичемъ. Спб. 1825, въ 16. — Сюда въроятно относится посло-вица: *Невѣста водится, а женихъ на конь садится.*

свидѣтельствуемъ, что два спранника, угощенные Пясомъ, *постригли волосы* сыну его младенцу и дали ему имя Семовиша. Кадлубко говоритъ, что епомъ рыцарскій обрядъ вступленія дѣтей въ бытіе гражданское раждалъ между людьми духовное свойство и что мать постригаемаго считалась названою сестрой постригающаго. Послѣ Постригъ, говоритъ Тапищевъ, свидѣтели оныхъ, дѣти переходили изъ женскихъ рукъ въ мужскія (252). Изъ лѣпописей опечесивенныхъ видно, что торжественныя *Постриги* Великихъ Князей совершались въ церкви, какъ сдѣлалъ В. К. Всеволодъ III въ Суздаль съ сыномъ своимъ Юріемъ; Князь Михайлъ въ Новгородѣ у Софіи съ сыномъ Роспиславомъ и Князь Константинъ Всеволодовичъ съ дѣтьми своими Власіемъ и Всеволодомъ. Епомъ обрядъ съ XIII в. сопровождался молитвою и пиршествами.

День плошскаго рожденія у Рускихъ не столько празднуемъ былъ, сколько день духовнаго, или именины; однако лѣпописи свидѣтельствуютъ, что Царь Иванъ Васильевичъ праздновалъ въ Коломенскомъ селѣ день своего рожденія пиршествомъ: „праздникъ

(252) *Тапищева* Росс. Исторія. кн. III, 502. — *Карамзина* И. Г. Р. III, стр. 137, 259.

„пворяше рожденію своему ; шамо бо во вся
„лѣта празднованіе“ (253).

Еще и въ XVI вѣкѣ продолжался древній обычай давашь особенныя имена и прозванія, кромѣ полученныхъ при св. крещеніи : опъ ешого вспрѣчаюшся въ Исторіи лица , имѣющія по два имени, какъ бывало у Евреевъ (254). Знапные люди писывались въ самыхъ государспвенныхъ бумагахъ *Дружинами, Истомами, Неудачами, Невѣжами, Тишинами* и п. д. Баронъ Майербергъ въ 1661 г. замѣтилъ, что Рускіе Бояре имѣли по два имени, одно, полученное при рожденіи, а другое при крещеніи ; послѣднее они шали изъ опасенія , чтобы ихъ не испортили колдовствомъ или чародѣйствомъ (255). Въ доказательство приведемъ здѣсь слѣдующіе примѣры изъ лѣтописей. Въ Воскресенской Л. сказано : „родися у В. Князя Всеволода сынъ „Теодоръ, а прозванъ бысъ Ярославъ 6698 г.“ Въ Никоновскомъ Л. подъ 6718 г: „родися „Князю Констаншину Всеволодичю сынъ „Иванъ , глаголемый Всеволодь.“ Царь Иванъ

(253) *Карамз. И. Г. Р. ш. VIII, прим. 409.*

(254) *Ann Archaeologia biblica. Viennae. 1814. въ 4.*

(255) Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древн. Росс. ч. III.

Васильевичъ названъ былъ также Варооломеемъ.

Одинъ изъ поржеспвенныхъ семейныхъ праздниковъ Рускаго народа — *Именины*, или *Тезоименитство* (*ἐπωνυμία*): последнее происходитъ отъ Чешскаго слова *tés* или *téz*, *тотъ же*, соотвѣтствующаго Рускому: *тѣзка*. Именинное празднество обыкновенно продолжается три дня, сопровождаясь дарами имениннику; отъ ешого и пословица: *Добрый именинникъ до трехъ дней* (256). Главною принадлежностью имениннаго пира еспь пирогъ, копорый, по старому обычаю, разламывается надъ головою именинника, въ предзнаменованіе благополучія. У Сербовъ *итти на красный колачь* значить: *итти на именинный пиръ*, копорый у нихъ также празднуется три дня: первый называется *краснымъ*, другой — *поутріемъ*, третий — *установцемъ*. Въ старину у Рускихъ, именинникъ хаживалъ съ пирогами или съ стибнями къ роднымъ и знакомымъ. Царь Алексѣй Михайловичъ въ день своего тезоименишества носилъ именинный пирогъ къ Патріарху; послѣ поднесенія пирога Свя-

(256) Абевага Рускихъ суевѣрій. М. Ч. Москва. 1786. въ 8.

пшпелю , онъ жаловаль пирогами Паптріаршихъ бояръ и дьяковъ (257).

При похоронахъ и поминкахъ въ шрешины, девятины, полсорочины, сорочины, полугодовщины и годовщины наблюдаются въ разныхъ краяхъ Россіи особенные, спаринные обычаи и примѣпы , кои суевѣріе и право давности приобщило къ Хрістіанскимъ обрядамъ.

Капаніе лицъ и возліанія на могилахъ, въ Родипельскія , скаканіе и пѣсни скоморшескія послѣ плача на кладбищахъ , наконецъ попойки предшавляющъ сходство съ обычаями Грековъ и Римлянъ Скандинавовъ. см. стр. 28. Присуществовавшіе при поминкахъ *скоморохи*, коихъ шолпы хаживали по селамъ и деревнямъ, происходятъ опъ *Скамаровъ*, народа хищническаго, жившаго въ V и VI вѣкахъ при нижнемъ Дунаѣ (258). *Радуница*, или *Навій сторникъ*, и Троицкая суббота соединились въ Древности съ окличками *мертвыхъ*. Успановленные православною Церковью для поминовенія усопшихъ *семь вселенскихъ панни-*

(257) Древняя Росс. Вивліюника , ч. VI.

(258) Московскій Наблюдатель, Іюль, 1836, стр. 66. Опъ Скамаровъ происходитъ, по мнѣнію Шаффарика, Славян. *скомрахъ* и Руское *скоморохъ* (*latro, nebulo*).

хидъ , а Россійскою Церковью *Дмитріевская суббота* въ Октябрѣ , безъ сомнѣнія , имѣли цѣлю и замѣщеніе древнихъ языческихъ обрядовъ. Въ Гжатскѣ и вообще въ Смоленской Г. у просполоудиновъ въ родипельскія собираются родственники на свои кладбища плакашь и пировать; а ввечеру сходяшся шуда молодцы и дѣвки свыкашся , оправдывая дѣломъ Рускую пословицу : *Начинають за упокой , а кончатъ за радость.*

Къ домашнимъ праздникамъ причисляешся также *Новоселье* , сопровождаемое особенными обрядами и примѣнами. На *Новоселье* приносятъ хозяину *хлѣбъ-соль* , какъ знаменіе спорыньи , довольства и хлѣбосоства — Русской патриархальной добродѣтели. *Ѣздитъ на пиры , братчины и свадьбы* было въ Руской древности какою-то повинностью , ошъ коей освобождались монастырскіе крестьяне жалованными грамотами (259); въ нихъ запрещаетъ „нашѣспничимъ людямъ и воло- „сшельнымъ и помѣщиковымъ незваннымъ ѣз- „дипъ на свадьбы , пиры и брашчины.“

(259) Исторія Росс. Іерархіи, т. I—VII.

§ 9. Самородная поезія естъ главная стихія нравственнаго образованія народа, начинающа-
 яся съ первыми его вѣрованіями, съ первыми
 понятіями о себѣ и природѣ. Изъ вѣрованій про-
 истекають праздники и обряды съ обрядовыми
 и миѳическими пѣснями, приговорами и при-
 чипаніями. Сія гласные, самородные памят-
 ники Словесности, не смотря на всѣ измѣ-
 ненія и обновленія въ языкѣ оныхъ, живутъ
 народнымъ безсмертіемъ, сославляють за-
 вѣщную стихію опечесственности. Во всѣхъ
 населенныхъ странахъ міра, на всѣхъ язы-
 кахъ гласъ радости и печали превращался въ
 пѣснопѣніе. И дикія племена и образованные
 народы пѣснями выражаютъ свои моленія и
 проклятія; ибо пѣпъ — для сердца человѣче-
 скаго значитъ жизнь. У древнихъ изкони
 пѣпы были законы, бытія племенъ, похвалы
 богамъ и богатырямъ (260). Пѣснь предше-
 ствовала письму. Всякое насавленіе въ ре-
 лигії и мудрости, воспоминанія о важнѣй-
 шихъ событіяхъ въ народѣ передавались въ пѣ-

(260) Отъ сего *νόμος* значитъ пѣснь и законъ, такъ
 же *carmen* принимается въ смыслѣ пѣсни, молитвы
 и словъ закона. *Encyclopédie des gens du monde*, t. V.
 à Paris. 1835. art. chanson.

сняхъ, кои были не писаны, но переходили изъ устѣ въ уста и пѣвались съ игрою на мусикійскихъ орудіяхъ и плясками при богослужебныхъ и народныхъ торжествахъ. Изслѣдованія старинныхъ обычаевъ и народныхъ пѣсень у Нѣмцевъ и Славянъ показываютъ, что у нихъ богослужебные праздники сопровождались пѣснями, наславительными для народа (261). Въ оспашкахъ древнихъ пѣсень увѣковѣчены нѣкоторыя важнѣйшія эпохи Рускаго народа; что умалчиваетъ летопись, что иногда досказываетъ пѣсня; самая пословица Руская: *Пѣсня была*, сходная съ Нѣмецкою: *Die Sage lebt im Gesang* — свидѣтельствуетъ, что въ пѣняхъ сохранялись *былины древнихъ лѣтъ*.

Главнѣйшее словесное богатство Славянскихъ племенъ состоитъ въ пѣняхъ, которыми онѣ отличаются предъ всеми другими народами свѣта: въ VI вѣкѣ онѣ слыли у Византійцевъ пѣснолюбивыми (262); Славянскіе странники брали съ собою въ путь

(261) *Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. Guthrie, à S. Pet. 1795. вѣ 8. — Новое и полное собраніе Росс. пѣсень. Ч. 1 — 4. Москва, 1780, вѣ 12.*

(262) *Stritteri Memoriae populorum. t. II.*

гусли (киѳары), а не оружіе. Незвѣстный пѣвецъ Игорева похода упоминаеть о *въщемъ Боянѣ, соловьѣ, пѣснѣборцѣ стараго времени*, а Волынская лѣтопись о *словутномъ пѣвцѣ Митусѣ*. Когда Кн. Даніилъ, по переходѣ чрезъ рѣку Нарову, избавилъ многихъ Хрістіанъ: тогда, по выраженію той же лѣтописи, *пѣнь славну пояху има*. Ляхи въ XIII в. побѣду надъ К. Владиміромъ Гюриковичемъ поржествовали *древними пѣснями*. Въ сихъ за-
вѣстныхъ лѣтописяхъ души и сердца заключающія бытія, миѳы, мыслы, чувства, надежды народа. — Хотя древнее вѣрованіе не могло удержаться у Рускихъ Славянъ, при обращеніи ихъ въ Хрістіанскую вѣру; но существенная часть онаго для поэзіи, внутренняя сила поетическая проникнула нѣкоторыя старинныя народныя пѣсни и приговоры, какъ опклики древняго времени, повторяемые въ настоящемъ (263). Народная пѣсня находится во внутренней связи съ чувственною жизнію сказанія. Богослуженіе у Славянъ Рускихъ не могло обойтись безъ пѣснопѣній: въ чемъ удостовѣряють насъ свидѣльства лѣтописцевъ и остатки старинныхъ хороводныхъ пѣсень, миѳическихъ думъ и сказаній

(263) Карамзина И. Г. Р. ш. IV и X.

Сколько время ихъ ни искажало; однако не могло совершенно изгладить кореннаго ихъ свойства, которое оставило свои слѣды при всѣхъ новѣйшихъ измѣненіяхъ и прикрасахъ (264).

Однѣ изъ старыхъ Рускихъ пѣсень носятъ на себѣ миѣческой цвѣтъ; другія, намекающія на древніе богослужебные обряды и жертвоприношенія, принадлежатъ къ обрядовымъ пѣснямъ, къ коимъ относятся причитанія и приговоры пѣсенные. Въ оспашкахъ немногихъ миѣческихъ пѣсень и припѣвовъ упоминающа древнія божества и рѣки, въ честь коихъ онѣ были пѣны, на пр: *Ладо, Дидиладо, Купало, Туръ, Ярило, Таусень, или Авсень — Дунай, Донъ*. Нерѣдко въ нихъ смѣшиваются языческія вѣрованія съ хрістіанскими понятіями, на пр. въ Тульской г. въ Троицынъ день поютъ:

Благослови, Троица,
 Богородица,
 Намъ въ лѣсъ пойми,
 Вънокъ сплесни,
 Ой дидъ Ладо (265)! —

(264) Исторія Рускаго народа, соч. *Н. Полеваго*, ч. II, М., 1830. 8.

(265) Путешествіе отъ Триеста до С. Петербурга, изд. *В. Броневскаго*, 2 ч. Москва, 1828, въ 8.

Пѣснями поселяне привѣтствуютъ въ Россіи *солнце* на Пешровъ день, подобно какъ въ Липовскомъ Секминѣ. См. стр. 30. Пѣснями поселяне встрѣчаютъ первый весенній *дождикъ* и *закликаютъ красную весну*. Пѣсни, какія пѣвались въ сѣверныхъ странахъ среди веселыхъ хороводовъ и плешней вокругъ Майскихъ деревьевъ, относятся къ языческимъ обрядамъ, выражаютъ союзъ между обоими полами, между небомъ и землею (266).

По отношенію пѣсень къ народнымъ праздникамъ въ разныя времена года, ихъ раздѣлить можно на *святочные* (подблюдныя), *колядскія*, *весеннія*, *семицкія* и *троицкія*, или *русальныя*, *купальскія*, или *ладовыя*, по названію Карпати - Россовъ, которые празднуютъ Ладу въ день Купала и пр. Почти всѣ сіи роды пѣсень мифологическихъ, нашихъ сагъ, имѣютъ характеръ хороводныхъ и примѣненіе къ особливымъ обрядамъ (267), на пр: А мы просо сѣяли—Заплешися плешень и пр. Въ разныхъ краяхъ Великой Россіи онѣ представляютъ мѣстные примѣны по своему содержанию и выраженію, достойныя изслѣдованія;

(266) Edda Saemundina, t. III. in 4.

(267) Умозрительныя и опытыя основанія Словесности, соч. А. Глаголева. Спб. 1834. въ 8.

что онѣ упратали въ одномъ мѣспѣ, по сохраняющъ въ другомъ. Такимъ образомъ, одно дополняясь и объясняясь другимъ, составляетъ цѣлое, стройное проявленіе духа народнаго въ живущихъ, гласныхъ памятникахъ.

Рускія заклинательныя пѣсни, какія извѣстны въ Бѣлоруссіи, Липвѣ, Польшѣ и Швеціи, вѣроятно суть оспашки древней восточной жизни, переходившей черезъ всѣ народы и достигшей до нашихъ временъ. У Финновъ чародѣйныя пѣсни (Lugut) древнѣе всѣхъ прочихъ самородныхъ стихопвореній; на Англосакскомъ онѣ называются Runstafas (268). У Липовцевъ загадочныя пѣсни извѣстны подъ именемъ Misles. Сюда же можно отнести, (269), собранныя И. П. Сахаровымъ пѣсни *русалокъ, вѣдьмъ и солнцевыхъ дѣвъ*.

„Безспорно, говоритъ ученый Тредьяковскій, во всѣхъ человѣческихъ обществвахъ „богослужители были первенствующими стихопворцами. Стихами не только прославляли „они божество; но и достоинство свое опмѣняли симъ родомъ рѣчи оспѣ общаго и про-

(268) Соревнователь просвѣщенія и благошворенія, СПБ. 1820, No III.

(269) Catholique, à Paris. 1826, t. I. No 3.

„стаго слова. Почему и наши языческіе жре-
 „цы, безъ сомнѣнія, такое жъ равно преиму-
 „щество имѣли, и были главные и лучшіе,
 „въ нашихъ обществахъ, слагатели стиховъ.
 „И такъ, способъ, бывшій у нихъ обыкновен-
 „нымъ въ составленіи стиха, долженъ спсуеть
 „быть самое древнее стихотвореніе наше.
 „Неподозрительными и живыми свидѣтелями
 „простонародныя пѣсни наши сіе почно свой-
 „ство имѣютъ въ стихосложеніи своемъ. На-
 „родный составъ стиховъ есть подлинный
 „списокъ съ богослужительскаго. Возрѣмъ те-
 „перь на начало нашего Хрістіанства: ви-
 „димъ мысленно сущую нужду его, токмо то
 „изпробитъ у насъ, что непосредственно
 „касалось до богослуженія ложнаго: на народ-
 „ныя, гражданскія и дружескія употребленія
 „не съ поликимъ съ начала ревнованіемъ оно
 „взирало. — И такъ, многодѣльное тогда
 „первое наше Хрістіанство, хопя искоренило
 „всѣ многобожныя служенія и пѣсенныя про-
 „славленія богамъ и богинямъ; однако, съ
 „пренебреженія, или за упражненіями,
 „не коснулось къ простонароднымъ обыкно-
 „веніямъ: оставило ему забаву общихъ уве-
 „селительныхъ пѣсень, а съ ними способъ
 „сложенія стиховъ. Сіе почно и есть перво-
 „родное и природное наше стихосложеніе,

„пребывающее и до днесь въ проstonарод-
 „ныхъ молодецкихъ и другихъ содержаній пѣ-
 „сняхъ живо и цѣло. Начавшееся у насъ Хри-
 „стіанство, испребившее всѣ идольскія бо-
 „гослуженія и уничижившее вконецъ спле-
 „пенныя пѣсни спихами въ похвалу идоламъ,
 „лишило насъ безъ мала на 600 лѣтъ богочти-
 „пельнаго спихопворенія. Пребывало деюю-
 „родное родство его шокмо, чѣтобъ, шакъ
 „сказашъ, какъ въ залогъ у самаго онаго про-
 „стаго народа въ подлыхъ пѣсняхъ; и пре-
 „ходило отъ вѣка въ вѣкъ не безъ преста-
 „рѣнія“ (270).

Изъ Исторіи Саксоніи и Польши из-
 вѣстно, съ какимъ спараніемъ испреблялись
 тамъ языческія пѣсни въ XI вѣкѣ, кои замѣня-
 емы были хрістіанскими пѣснопѣніями (271).

Духовные наши писатели, изъ ревности
 къ Православію и изъ презрѣнія къ суевѣрію,
 называютъ спаринныя пѣсни, какія пѣва-
 лись о праздникахъ проstonародныхъ, *сатанин-*
скими, бѣсовскими, отъ бѣса замышленнымъ
дѣломъ. Объ нихъ упоминають Номоканоны и

(270) Въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, въ Спб. 1755,
 Апрель.

(271) *Miscellanea Cracoviensia*, an. 1806. fasc. II.

Споглавъ. Препод. Памфилъ , при описаніи Купальскаго праздника , въ посланіи своемъ къ Намѣспнику Псковскому , говоритъ , что погда „егда не весь градъ возмяпешся и въ „сельхъ възбѣсяшся въ бубны и сопѣли и гу- „деніемъ спрунвымъ, и всякими неподобными „играми сапанинскими , плесканіемъ и пля- „саніемъ, женамъ же и дѣвамъ, и главами кива- „ніемъ, и успнами ихъ непріязненъ кличь, всѣ- „скверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе и „ногамъ ихъ скаканіе и топшаніе“ (272).

Въ *свадебныхъ пѣсняхъ* , нашихъ еписпа- ламахъ, споль обильныхъ и разнообразныхъ въ Россіи, проявляются еще непроспывшіе слѣды обрядовъ древняго вѣрованія, живая карпина нравовъ и обычаевъ народныхъ. Онѣ нерѣдко проникнуты бывають глубокими и умиль- ными чувствованіями. Едва ли есть народъ , кромѣ Рускихъ , особливо Малороссіанъ , у коего можно бѣ было собрать цѣлую книгу свадебныхъ пѣсень. Малороссійскія пѣсни со всѣми обрядами наспоящая опера-водевиль и едва ли гдѣ она имѣла споль еспешвенное происхожденіе.

(272) *Карамз. И. Г. Р. ш. I.*

Похороны и поминки сопровождаются причитаніями или голошеньемъ, въ коихъ плачевнымъ речитативомъ вычисляются достоинства покойника и жалобы осиротѣвшихъ. Мы сравнивали сіи причитанія съ Греческими *ἰαλμοί*, съ Римскими *laudes funebres*, паеніас и Липовскими заупокѣйными пѣснями. По свидѣтельству Кельхена (273), Финны и Лашыши Балпійскіе, въ XIII вѣкѣ, совершая тайно свои языческіе обряды во глубинѣ лѣсовъ, плакали надъ умершими, которымъ клали въ могилы пищу, питье, попоръ и нѣскольکو денегъ съ слѣдующими причитаніями: „Спупай, бѣднякъ, въ лучшій міръ, „гдѣ не побою Нѣмцы, но пы Нѣмцами будешь повелѣвапь! Вошь шебѣ на дорогу за пасѣ, оружіе и деньги.“ — Сарницкій говоришь: „на Руси пѣвались елегіи въ памяшь двухъ храбрыхъ братьевъ Спрусевъ, „павшихъ 1506 г. въ битвѣ съ Варягами. „Елегіи сіи назывались у Рускихъ думами.“ „Соглашая заунывный голось и пѣлюдвиженія „со словами, они иногда сопровождають пѣніе „оныхъ печальными звуками свирѣли (274).“ Въ нашихъ лѣпописяхъ, умильныхъ повѣ-

(273) *Diefländische Historia*. Rudolfstadt. 1695. 4.

(274) *Annales regni Polonisi*. II.

спяхъ , сказаніяхъ и въ иносѣранныхъ писателяхъ о Россіи сохранились оспашки такихъ причитаній , кои и доселѣ употребляются между просполоудинами и спаровѣрами. *Пѣсни дьявольскія* (*carmina diabolica*) , какія простой народъ имѣлъ обыкновеніе пѣть ночью надъ усопшими , запрещающа паспырскимъ посланіемъ къ пресвиѣрамаъ Епископа Веронскаго Раѣерія (275).

Напѣвы старинныхъ обрядовыхъ пѣсень почти всѣ заунывные и часто шоржественные: они опзываются не звуками рабства Тапартскаго, какъ думаютъ иносѣранные писатели; но какимъ-то благоговѣйнымъ тономъ, шоскливостію о прошедшемъ и будущемъ , какъ шайнственныя отголоски умиленной души. Если всѣ онѣ будущъ собраны и изданы опчешливо : тогда только съ достоверностію можно вывести изъ нихъ заключенія о духѣ самородной поэзіи Руской.

Что касается до игръ , говоритъ О. Миллеръ (276) , то „надобно допустить такое время въ древней Исторіи народовъ , когда

(275) *Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. t. II. Halae, 1773. В. v. vox carmen.*

(276) *Die Estruffer von D. Müller. Breslau, 1828. 8.*

всякая игра, всякая пляска бывала въ честь боговъ, пакъ какъ всякое большое пиршество, на коемъ съѣдались мяса, было жершвенною прапезой. По крайней мѣрѣ, историческое преданіе вездѣ объясняетъ намъ сію загадку и постепенное отдѣленіе. Также въ эпо раннее время искусства соединялись въ одно искусство: праздничное дѣйствіе, музыка, борьба — все составляешь съ капищемъ и кумиромъ одно цѣлое, коего части, когда стали отдѣляться или входилъ въ кругъ обыкновенной жизни, мало по малу ошпадали отъ своего цѣлага. “Всѣ праздники у Грековъ сопровождались танцами, играми и пирами. У Римлянъ въ Древности *ludi* составляли часть богослуженія. То же почти можно сказать о древнихъ народныхъ праздникахъ Русскаго міра.

О значеніи и происхожденіи слова *игра* мы сказали выше; здѣсь прибавимъ только, что *Тура́* (*ῥαῖς*), описанная Ксенофонтомъ, была родъ военной пляски, заимствованной Греками отъ Персовъ (277). Степенная книга, Сприковскій и Герберштейнъ свидѣтельствуютъ, что въ Новгородѣ была *игра палицами* на мосту въ память того, что Перунъ, брошенный

(277) *Xenophon Κύρου παιδείας*, I. VIII.

въ Волховъ , кинулъ Новгородцамъ на мостѣ палицу съ слѣдующими словами : *Храните ее, гражданае, въ память мою !* (278). О подобной игрѣ говорится въ правилахъ Кирилла Митрополита Рускаго , какъ о *бъсовскомъ позорѣ* *треклятыхъ Еллинъ* , и въ договорѣ Готландцевъ и Нѣмцевъ съ Новгородцами въ XII в. , гдѣ сказано , что „неисповая забава , въ коей „люди бьются дрекольемъ , не должна быть „перпима на улицѣ между дворами Нѣмецкими , чпобы Россіане и госпи не имѣли „повода къ ссорамъ.“ — Выше упомянутое *битье бочекъ* Новгородцами ; по мнѣнію М. Я. Діева , похоже на Самоѣдскій Пендерь , описанный Бруиномъ въ путешествіи . — Чпожь касается до *игрушекъ* , или *игръ* : по онѣ были родъ бѣгапырскихъ попѣхъ , или шурнировъ , о какихъ говорится въ лѣпописяхъ . Волынская лѣпопись свидѣтельствуетъ , что когда Князь Ростиславъ въ XIII вѣкѣ споялъ у Ярославля ; *сотвори игру* предъ градомъ . Кіевская лѣпопись говоритъ , что „Угри на фарѣхъ и на „скокохъ играаху на Ярославлемъ дворѣ (279).“

(278) М. Евгения разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода. Москва. 1803. 4.

(279) Исторія Рускаго народа , соч. Н. Полеваго , т. II, прим. 456 и т. IV, прим. 146.

Въ 1390 г. „въ Коломнѣ была игрушка, на коей смертельно уязвленъ былъ сынъ Великокняжескаго пѣспуна, Осей“ (280). — Къ древнимъ попѣхамъ также принадлежатъ *колыски*, или *качели*, кои Сприковскій и сочинитель Синописа называютъ *дьявольскою стѣптію* (281). Изъ лѣтописей, Номоканона и Пролога видно, что въ святки и другіе праздники Рускіе надѣвали на себя маски, личины, или *наличники*, кои также называются *скуратами* отъ Лапинскаго *scurra* шумъ. Въ харашейной Кормчей XIII в. маскированье святочное называется: „*обличья игрецъ и ликъсшвеникъ*.“ Въ Паперикѣ Печерскомъ упоминается о *лудѣ на бѣсть въ образъ Ляха* (282): отсюда и *Москолюдство*, сосполщее, по мнѣнію Р. Тимковскаго, изъ словъ *маска* и *лудъ*. Въ харашейномъ Прологѣ 1432, въ списѣ, хранящемся въ Императорской Публ. Библиотекѣ, говорится въ житіи Преп. Нифонта, что „въ церковные празд-

(280) Карамз. И. Г. Р. т. V, прим. 251.

(281) *I. Раича* Исторія разныхъ Славянскихъ народовъ. Спб. 1795. въ 4.

(282) см. Was bedeutet das in den russ. Chroniken unter dem J. 1024 vorkommende Wort *luda*? eine antiquarische Abhandlung von A. J. *Sjögren*. S. Petersburg. 1834. 4.

„ники ови бяху в бубны, друзи же въ ко-
 „зиць и в сопѣли сопяху, инииже възложив-
 „ше на лица скурашы, идяху на глумленье
 „человѣкомъ, и мнози оставивше церковь на
 „позоръ печяху, и нарекоша игры шѣ Ру-
 „салья.“ Русальные сіи хороводы въ харашей-
 номъ спискѣ Нестора названы *Русальче*, по
 изъясненію Карамзина, и грище (283). Кромѣ
 кулачнаго бою, мы приводили выше *Жмурки*,
 или *Слѣпа баба*, извѣспныя въ Кіевской Г.
 подъ названіемъ *Жельзной бабы*, *Горѣлки*, *Гу-
 лочки* и проч. Описаніе игръ Рускаго народа
 сославить особенный отдѣлъ, занимапель-
 ный по своему содержанію и немаловажный
 въ отношеніи къ духу народному. Сочиненія
 Гг. Голембовскаго, Нарбуша, Гюпри и И. П.
 Сахарова могутъ быть руководствами въ епомъ
 предметѣ народности.

При обзорѣни Рускихъ проспонародныхъ
 праздниковъ вмѣстѣ съ суевѣрными обрядами
 открываешся, что большая часть оныхъ от-
 носится къ Славяно-Руской Мифологіи, кото-
 рая образовалась въ ту эпоху челоѣческой
 мысли, когда неопредѣленность оной равняетъ:

(283) *Карамз.* И. Г. Р. ш. II, прим. 113.

ся ея смѣлоспи и когда собственная Исторія народа смѣшивается съ его богоученіемъ и богослуженіемъ. Опечеспвенныя божества народа соотвѣтствовали образу его жизни и мѣспности; священные обряды и праздники — его вѣрованіямъ и мифамъ. Какъ въ отношеніи одного вѣрованія къ другому открывается отношеніе между народами единоплеменными и соплеменными: то и въ праздникахъ и обрядахъ у Славянъ, различныхъ по Европѣ подъ разными именами, проявляется сходство въ главныхъ чертахъ, а различіе въ частныхъ. Такое родовое сходство въ характеристическихъ чертахъ, основываясь, по большей части, на единствѣ происхожденія и духъ сихъ племенъ, составляетъ личность народную. Но какъ есть коренныя понятія въ человѣчествѣ, кои развиваются въ свойственныхъ имъ формахъ: то у всѣхъ почти извѣстныхъ народовъ встрѣчаются общія вѣрованія и происшедшіе изъ нихъ обряды, сходные по сущности и различные по внѣшности; ибо онѣ, уклоняясь отъ своего истока и прошекая, сквозь міръ и человѣчество, заимствуютъ отъ мѣспности, климата и духа народовъ различные образы. Какъ сѣмена растѣній часто заносятся въпрямь на чуждую имъ землю, такъ и по-

вѣрья путемъ преданій переходятъ изъ одной страны въ другую, и тамъ перераждаюъ, принимаютъ особенные виды и цвѣты.

Исслѣдованіе общаго и родоваго сходства въ вѣрованіяхъ, въ обрядахъ и праздникахъ полезно и важно для познанія челоуѣчества и народности, коимъ споль же сродно вѣрованіе и богочтеніе, какъ самопознаніе и самосохраненіе. Оно открываетъ коренныя черты общей жизни челоуѣчества и отличительныя черты народности въ завѣсныхъ ея сферахъ: однѣ объясняются другими.

Различіе же въ прослонародныхъ Рускихъ повѣрьяхъ и праздникахъ происходитъ отъ различія сферъ народности, какія входили въ оныя, въ предъиспорическія времена, путями мало еще изслѣдованными. Славяно-Русскія преобладающія сферы миѣческаго міра *Восточная, Греческая и Скандинавская* проявляются въ прехъ главныхъ средопочіяхъ, или узлахъ Россіи: Кіевъ, Новгородъ и Московщинъ, гдѣ расселялись Задунайскіе и Балтійскіе выходцы. Какъ иноземныя сферы народности нерѣдко у Рускихъ Славянъ перелицовывались на свой ладъ: по отъ слиянія оныхъ вѣроуочно происпекали новыя повѣрья и суевѣрные обряды, какіе бывали у шарожиловъ и

насельниковъ Рускаго Сѣверо-Востока ; слѣды
 оныхъ оспались въ шѣхъ краяхъ Россіи, гдѣ жи-
 ли Финны, Меря, Мурома и прочіе народцы, ис-
 численные у лѣпописцевъ нашихъ. Самыя сказ-
 ки наши намекають о появленіи *Руѣи* въ шѣхъ
 мѣстахъ, гдѣ *Рускаго духа слыхомъ не слыхано,*
и видомъ не видано. Хопя, при поспепенномъ
 переходѣ Рускихъ Славянъ ошъ опечеспвен-
 наго Язычеспва къ Хріспіанспву, живыя нѣ-
 когда вѣрованія и суевѣрные обряды время
 ошъ времени испреблялись , или замѣняемы
 были другими вновь введенными обычаями ;
 однако они , какъ завѣшныя спихіи древней
 народности , обращались въ игру жизни , и
 подѣ видомъ привычныхъ и срочныхъ по-
 пѣхъ и увеселеній , сквозь ряды вѣковъ и
 перевороповъ, достигли нашихъ Временъ, до-
 пускались , скажемъ словами Пепра Великаго,
для народнаго полмированія. Просполюдины, жи-
 вушце болѣе по опечеспкимъ преданіямъ и не пе-
 ремѣняющіе своего древняго быта, не хопѣли и
 не могли распапьясь съ оными и замѣнипъ
 спарые обычай другими новыми , имъ чуж-
 дыми. Они шѣмъ болѣе спарались удержашъ
 древнія опечеспвенныя празднеспва, чпо онѣ
 соединены были съ различными играми и уве-
 селеніями , чпо онѣ соспавляли спихію его
 жизни опщеспвенной и семейной.

Доказательствъ же о происхожденіи народныхъ Рускихъ праздниковъ и обрядовъ изъ Славяно-Рускаго Язычества находящіяся :

1) Въ свидѣтельствѣ нашихъ лѣтописцевъ и Церковныхъ писателей, копорые сами называютъ сіи праздники *языческими, еллинскими, погаными, идольскими* *требами* и п. д.

2) Въ мѣстныхъ и обрядовыхъ пѣсняхъ народныхъ и сказкахъ, въ коихъ нерѣдко упоминаются имена древнихъ божествъ, также *красное солнце, свѣтель мѣсяць, мать земля* и суевѣрные обряды. см. стр. 223.

3) Въ обычаѣ дѣлать чучелы и болваны при нѣкоторыхъ народныхъ праздникахъ, какъ-то : при изгнаніи зимы и при встрѣчѣ весны, въ Дожинки и Обжинки ; въ предспавленіи избранными опъ міра лицами *Ярилы* (284), *Тура* (285), *Костромы*, *Масляницы*,

(284) На празднествѣ Ярилы въ Костромѣ, по свидѣтельству старожиловъ, въ Всесвятское заговѣнье одинъ мужикъ нашивалъ изображеніе мущины, украшеннаго леншамы съ большимъ дѣпороднымъ удомъ, въ ящикъ; вокругъ его ходили женщины съ пѣснями, потомъ съ плечевными причѣсами зарывали въ землю. Это похоже на поклоненіе Фаллу и Лингаму.

(285) Прошлаго года найденные въ селѣ Туровскѣ близъ Галича, мѣдные маленькіе идолы доставлены въ Истор. Моск. Общество. *Туръ* вѣроятно пошъ же *Ярило*.

Пятницы и ш. д. Сюда же отнести должно особенное въ народѣ благоговѣніе (воспочнаго происхожденія) къ нѣкопорымъ огромнымъ камнямъ, къ спарымъ дуплистымъ деревьямъ и ш. д. Въ помѣ и другомъ случаѣ Славяно-Руская Мифологія предспавляетъ въ себѣ соединеніе Антропоморфизма съ Фетишизмомъ, пакъ равно дуализмъ въ Бѣлбогъ и Чернобогъ, въ Купаль и Купальницъ, Дидъ и Ладъ, Царьогнѣ и Цариць-водиць и ш. д.

4) Въ благоговѣніи къ первенспвующимъ, царственнымъ спихіямъ, огню и водѣ, олицепворяемымъ по *Перуномъ*, по *Зничемъ*, по *Купалою*, по *Купальницею*, священными рѣками и озерами, кои богопворимы были собспвенно не для нихъ самихъ, но для духовъ, по мнѣнію народному, въ нихъ живущихъ, или ими владѣющихъ. Чпожъ касается до перескакиванія черезъ огонь и омовенія или обливанія, то овѣ не сполько произошли изъ обогопворенія рѣкъ и огнѣ, сколько изъ идеи очищенія, какую находимъ въ вѣрованіяхъ у Грековъ и Римлянъ подъ разными образами. По свидѣтельспву Плато-Карпина, очищеніе огнемъ и водою употреблялось у Татаръ при Башыѣ.

5) Въ разныхъ суевѣрныхъ примѣпахъ и предзнаменованіяхъ, гаданіяхъ, чародѣйспвахъ и заговариваніяхъ, съ какими особенно соеди-

нены *Святки* и *Семикъ*. см. *Сказанія Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ*, изд. И. Сахарова. Спб. 1836. ч. 1.

Вѣроятно, что нѣкопорыя кощунства и примѣпы возникли во время борьбы Христіанства съ Язычествомъ, такъ на пр: встрѣча съ монахомъ и попомъ (286) и пр.

Самыя позорища празднествъ и игрищъ народныхъ, по большей части, тѣ же, какія бывали въ Язычествѣ: *берега рѣкъ и озеръ*, проводниковъ народонаселенія на Сѣверъ и мѣста богослужебныхъ обрядовъ идолослуженія — *горы и курганы*, сіи колыбели и могилы (287) челоуѣчества, сдѣлавшіяся для него алтарями — *дубравы*, первые его приюты и кущи языческихъ пребищъ. Когда же развилась общественная и семейная жизнь въ селеніяхъ: тогда и праздники народа вышли *на улицу*, тогда само-

(286) Изъ ругательствъ воиновъ Ростиславовыхъ на Григорія Чудотворца видно, что встрѣча съ монахомъ почивалась и въ древности Руской предзнаменованіемъ бѣдствія. см. *Патерикъ Печерскій*. Владиміръ Мономахъ въ духовной поже говоритъ. *Въ Потребникъ*, М. 1639, упоминается: *о вѣрованіи въ чохъ и встрѣчу*.

(287) Многія старинныя кладбища и жальники на горахъ: въ Ярославлѣ и въ Коспромской Г. *Туговыя горы* ошь слова *туга* — *тужить*.

Бытность и общежительность высказались в пословицъ: *На нашей улицѣ праздникъ.*

Впрочемъ не всѣ народные праздники и повѣрья родились в эпоху языческую Славяно-Руссовъ; нѣкоторыя изъ нихъ, особливо относящіяся къ житейскимъ потребностямъ, образовались въ первые вѣка Рускаго Хрістіанства и подчинялись идеѣ онаго; когда еще оно имѣло черезполосное владѣніе съ древнимъ закоренѣлымъ вѣрованіемъ; шло съ нимъ рука объ руку, и когда еще первое не могло сдѣлаться повсемѣстнымъ; остатки послѣдняго испреблялись поспешенно въ городахъ, но еще удерживались въ селахъ и погоспахъ; какъ завѣщныя, опеческіе обычаи; освященные правомъ незапамятной давности. Въ эту эпоху языческіе обряды и народные обычаи нерѣдко примѣшивались къ хрістіанскимъ, коль скоро не пропозорѣчили онымъ въ нѣкоторыхъ частяхъ.

Хрістіанство и Язычество иногда почерпало символы изъ общаго источника оныхъ — природы; только съ различнымъ знаменованіемъ и съ различною цѣлью. Первое возводило опъ чувственнаго къ духовному, другое напрошивъ того низводило опъ духовнаго къ чувственному; одно спремилось къ единству, другое къ многообразію и многочасности,

какія проявились въ мифахъ физическихъ и
 религіозныхъ; одно было чисто нравственное,
 другое, обращаясь въ кругу жизни чувствен-
 ной, поклонялось и стихіямъ міра и спра-
 шьямъ своимъ, представляло божественное
 въ сліяніи съ силами природы. Мысль о перво-
 образномъ, священномъ въ символѣ имѣешь
 своимъ источникомъ древнее народное вѣро-
 ваніе, которое одушевляя весь міръ, его
 силы и явленія, сближаетъ человѣка съ духов-
 ными, сверхъ-естественными силами, ему
 содѣйствующими или противодѣйствующи-
 ми, кои обращаются въ предметы его благо-
 говѣнія. Если бы въ символахъ не было испо-
 рического, нравственного и священнаго зна-
 менованія: то они не возбуждали бы одина-
 кихъ чувствованій, одинакихъ религіозныхъ
 понятій, не были бы повсемѣстными. Боль-
 шая часть оныхъ проспы и разрѣшаются
 на три составныя начала, соотвѣтствующія
 тремъ стихійнымъ цвѣтамъ: землю, воду и
 огонь. По такой общности символовъ, грубое
 суевѣріе нерѣдко облакало въ свои пелены
 чистѣйшія Хрістіанскія понятія: опъ сего
 удержались въ юномъ мірѣ Рускаго Хрістіан-
 ства *Волосы*, *Купалы*, *Купальницы*, *Коледы*
 и пр. Простонародныя прозванія Святыхъ,
 празднуемыхъ Церковію, заимствованныя опъ

годовыхъ временъ , ошъ сельскихъ работъ и житейскихъ потребностей , превратились въ какія - то знаменія , имѣющія цѣль миѣической , напр: *Льтопроводецъ* (св. Симеонъ) , *Солоноворотъ* (св. Спиридонъ) , *Запрягальникъ* (св. Іеремія) , *Заревница* (св. Фекла) , *Колосяница* (св. Феодосія) , *Гречишница* (св. Акилина) и п. д.

Первые проповѣдники св. Вѣры , чшобы отвлечь проспой народъ ошъ языческихъ празднествъ , прошивопоставляли имъ благочестивыя учрежденія во дни оныхъ , напр: въ день Семика обычай погребашъ и поминашъ убогихъ собрашій на убогихъ домахъ , или опечесшвенныхъ скудельницахъ и п. д. Такъ въ Римскихъ обласпяхъ проповѣдники Евангелія при Константинѣ Великомъ иногда снисходили шѣмъ языческимъ обычаямъ , съ коими не могъ или не хотѣлъ расшашъся народъ , закоснѣвшій въ опеческихъ повѣрьяхъ , если они не предшавляли явнаго нечеспія и разврата (288). Тамъ , вмѣспо нѣкопрыхъ суевѣрныхъ обрядовъ , успановлялись креспныя хожденія .

Папріархъ Вальсамонъ въ XII в. шакъ описываетъ Греческіе обряды , совершенно

(288) Обзоріе Кормчей книги въ истор. видѣ , соч. Барона Розенкампа . М. 1829 , въ 8.

сходные съ Рускими купальскими и святошными: „Язычники въ 23 день Іюня; „ввечеру, собирались на берегахъ рѣкъ, и въ „нѣкопрыхъ домахъ мужи и жены укра- „шали перворожденную дѣву на подобіе не- „вѣспы. Припомѣ пировали и плясали, кру- „жились, совершая предпразднество въ честь „богини Веспы. Между пѣмъ бросали разныя „вещи въ сосудъ, наполненный водою. Наря- „женная дѣвица, по вынущіи каждой вещи, „предсказывала будущее пому, кпо клалѣ „оною. На другой день, съ музыкою и пля- „скою всѣ выходили за водою и кропили оною „свои дома, а попомѣ во всю ночь прыга- „ли чрезъ зажженные костры. Церковные „учители, поспѣшенно опклоняя новыхъ Хри- „стіанъ отъ языческихъ обычаевъ, почли за „нужное при водоосвященіи сочинить для „онаго пѣсни въ честь Пресвятой Дѣвы Ма- „ріи“ (289). Папа Иннокентій III писалъ слѣ- „дующее о позорищахъ въ Рождественскихъ свят- „кахъ къ Гнѣзненскому Архіепископу Генриху: „Въ церквахъ совершаются позорища и не поль- „ко вводятся для попѣхи чудовищныя личины;

(289) Новая Скрижаль, или пополнительное объясне-
ніе о церкви, о литургіи и пр., сочин. *Архіепи-
скаго Веніаміна*. Москва. 4 ч. 1803 и 6. въ 4.

„но даже въ нѣкопрыхъ праздникахъ участвуютъ сами діаконы и пресвиперы. “ Таковы были въ Римской церкви *праздники ослій, дураковъ, пьяныхъ дяконовъ* и п. п. Св. Григорій Великій въ письмѣ своемъ къ Аббату Меллипу замѣчаетъ слѣдующее объ Англосаксонскомъ идолопоклонствѣ (въ VI вѣкѣ), сходномъ во многомъ съ Скандинавскимъ и Славянскимъ: „Долго я размышлялъ о томъ, что у Англовъ опшюдь не должно испреблять капища, но только уничтожать находящіяся въ нихъ идолы и, по окропленіи св. водою, сооружать въ нихъ св. алтари. Такимъ средствомъ надобно обращать народъ отъ служенія демонамъ къ поклоненію истинному Богу въ томъ самомъ мѣстѣ, куда онъ издавна привыкъ спекаться. А какъ при жертвоприношеніи демонамъ обыкновенно убивали многихъ быковъ; то и сіе пиршество должно такъ же измѣниться: пусть въ праздники церковные дѣлаются шалаши изъ древесныхъ вѣшвей вокругъ св. храмовъ, обращенныхъ изъ капищъ, и тамъ празднуютъ дни сіи благоговѣйнымъ пиршествомъ, снѣдая мясо животныхъ во славу Божию и за насыщеніе принося благодареніе Подателю благъ.“

Такія пиршества въ храмовые праздники имѣли связь съ шоргами или ярмарками,

пакъ чпо промышленность и торговля издревле шли по слѣдамъ религіи и вмѣстѣ съ нею соединяли людей въ города и селенія. Такъ у Еллиновъ *ауора* значило собраніе и мѣсто онаго, сборъ въ смыслѣ торгова, а *панууриг* торжественное собраніе для празднованія. И въ Славянской древности *торжки* и *торги* учреждались при капищахъ во время празднествъ въ честь божествъ : въ Корелии при храмѣ Золотой Бабы, на Ругевѣ при капищѣ Святювида, въ Росповѣ *сборъ* вѣроятно бывалъ въ праздникъ Мерянского Волоса, пакъ какъ въ Переяславль-Залѣскомъ ярмарка *Купальница* въ память Купальницы. По древнему обычаю, въ Россіи въ храмовые праздники обыкновенно собираются торги и ярмарки и извѣстные *десять торговыхъ пятницъ* (290). Мы выше замѣтили, чпо на торгахъ бывали судъ и расправа: слѣды епюго оспались въ мірской сходкѣ.

Нигдѣ сполькѣ не обнаруживается духъ и характеръ народа въ полнопѣ и свободѣ, какъ въ праздникахъ его, кои имѣютъ особенную характеристиспику, измѣняемую, какъ мы сказали, мѣстностию. Рускіе народныя

(290) Академическія извѣстія на 1781 г. ч. VII. Спб. въ 8. сп. *О ярмаркахъ въ Россіи.*

праздники, подобно Греческимъ, опличаясь своею веселостію и игривостію, превышающъ ихъ своею разгульностію, какой предаются просполоудинъ во дни своего покоя и свободы опъ прудовъ. Онъ ждетъ праздника какъ дня жизненной опрады, и являясь на ономъ въ праздничномъ кафшанѣ, веселился съ упоеніемъ, оправдывая свою опечеспвенную пословицу: *Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ*. Въ его понятіи праздникъ естъ льгота и веселье, въ коихъ онъ почерпаетъ новыл силы къ пятоспнымъ прудамъ и къ борьбѣ съ суровою своею природой. Такъ праздники народа, поезія его жизни, имѣющъ пѣсную связь съ его семейнымъ быпомъ и нравспвенностію, съ его прошедшимъ и наспоющимъ.

Исторія всякаго извѣспнаго народа обыкновенно начинаеця темными временами, событіями чудными и занимательными, но и сомнипельными. Оспорожная крипка не опвергаетъ однако епихъ древнихъ сказаній изъ предъиспорическихъ временъ, находя въ нихъ часто сѣмена истины, такъ что нерѣдко невозможное дѣлается вѣроятнымъ, а вѣроятное несомнипельнымъ. Съ такимъ намѣреніемъ народныя повѣрья, обряды, праздники и оспашки Язычества подвергались

внимательному испытанію Философа, Историка и Филолога, служили имъ средствами къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, кои могутъ открыть разныя черты характеристическія, составляющія фізіогномію древней народности. Предметы сіи всегда подстрекають ученое любопытство постигнуть древность народа, его переселенія, связи съ другими племенами, открываютъ отдаленные памятники Мифологии и языка, необходимые для его Исторіи, и такимъ образомъ распространяють кругъ историческихъ и филологическихъ познаній. Что же не входитъ въ составъ Исторіи, тѣмъ пользуется народная поэзія, которая обогащается изъ епического источника. По такому-то отношенію Руской Етнологіи къ Археологіи, Исторіи и Филологіи опечеспвленной, изслѣдованіе Рускихъ простонародныхъ праздниковъ не только можетъ быть любопытнымъ, но и важнымъ для познанія завѣсныхъ спихій жизни народной, развившихся въ разныя ея эпохи и въ разныхъ мѣстахъ.

Прибавленія и поправки.

Слово *Московицина* употреблено мною пошому, что я въ шакомъ значеніи встрѣчалъ его въ древнихъ грамошахъ, а *Новгородѣ* въ Супрасльскій рукописи, изданной Княземъ М. А. Оболенскимъ. М. 1836. въ 4.

Къ стр. 67. Въ спрапахъ *Латинскихъ* означаетъ исповѣдывающихъ Латинскую вѣру, преимущественно въ Италіи и Германіи. Римскіе карнавалы, сопровождаемые народными маскарадами, вездѣ, безъ сомнѣнія, были предметами для подражанія. *Vál* въ *Галдерзоновомъ* Исланд. Словарѣ означаетъ также *strues lignorum, rogos, руга*.

Къ стр. 73. Sankt Н. А. Св. Иоанна вечеръ.

На 78 стран. стр. 13 : вм. *der* читай *den*.

Къ стран. 85. стр. 14. *Sialudagr*, по Исланд. : *Sáladagr*, а по Датски *Sjæledag*.

Въ Скандинавскій вѣкъ различался *Vruga-old* вѣкъ сожженія и *Naug-old* вѣкъ погребенія. Пошомъ употреблялись оба сіи способа по произволу. Замѣчаніе *Сума*, сочинителя Исторіи Даніи, Норвегіи и Голштейна Шлезв., Лейпц. 1797.

Къ стран. 61. 'Аг по Исланд. *annus, annona*.

Къ стран. 87. Така есть старинное Исландское слово. Кофобъ Анкеръ въ объясненіи Юпландскаго права говоритъ : *tak cautio fideiussoria*, порука, поручитель.

Къ стран. 91. *Мага* по Исландски *incubus, erihaltis, Kobold, ковалос*. *Мара* по Малоросс. призракъ; по Польски по же; по Нижнесаксонски: *Maßr*; ошного *Mährchen*. Польск. пословица: *Sen maga, bóg*

wiaga, сонъ — мечпа , а вѣришь должно Богу. Сюда же принадлежишь Магзана, кошорую Кромеръ сравниваетъ съ Церерою.

На сѣран. 93, вѣ. подѣ именемъ Жмуди, чишай: подѣ симъ именемъ и Жмуди.

Къ сѣран. 93. У Каполиковъ сѣ Спешану празднуешся 26 Дек.

На сѣран. 173, на сѣр. 10 вѣ. Орловской чишай: Вѣ Орловской.

На сѣр. 218, вѣ концѣ слова *сказаній* посшавишь почку.

РУСКИЕ

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

-
- I. СВЯТКИ.**
 - II. АВСЕНЬ.**
 - III. МАСЛЯНИЦА.**
-

РУСКІЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ

ПРАЗДНИКИ

И

СУЕВѢРНЫЕ ОБРЯДЫ.

ВЫПУСКЪ II.

На нашей улицѣ праздникъ.

Руская поговорка.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы по оппечашаніи предспавлено было
въ Ценсурный Комишешъ узаконенное число экземп-
ляровъ. Москва. Января 19го дня 1838 года.

Ценсоръ В. С. Грозъ.

I.

С В Я Т К И.

Святки, или *Святые вечера*, составляют народный зимний праздник, коимъ оканчивается одинъ годъ и начинается другой; онъ продолжается 12 дней, отъ Рождества Христова до Богоявленія. *Святками* въ просторѣчїи называются дни праздника Рождества Христова, съ 25 го Декабря по 5 е Января; они сльвупть также *Святлыми вечерами* и по названію своему соопвѣтспвуютъ *священнымъ ногамъ* у Нѣмцевъ (*Weihnächten*). На другихъ Славянскихъ нарѣчїяхъ *Святки* (*Swatki*) значатъ *праздники*, какъ мы замѣтили въ 1й части епой книги. Кромѣ сего, ни одинъ изъ церковныхъ и народныхъ праздниковъ въ великой Россїи не именуется *Святками*, между тѣмъ какъ въ Малороссїи, Бѣлороссїи и Польшѣ другіе праздники известны подъ именемъ *Святкобъ* (*Swiatki*), на пр: *Зеленя Святки*, или *Троицкая недѣля*. По етому заключить можно, что и названіе и большая часть святошныхъ игрищъ перешли на Сѣверъ съ Юга и Запада Россїи.

Ни въ одномъ праздникѣ народномъ не заключается столько обычаевъ, обрядовъ, примѣвъ, столько отношеній къ житейскимъ потребностямъ и времени года, какъ въ Святкахъ. Въ немъ представляется странная смѣсь совершенно разнородныхъ стихій: нупъ мы видимъ и суевѣрные языческіе обычаи и нѣкопорыя Хрістіанскія воспоминанія о Рождествѣ Спасителя міра. Къ первымъ относятся *гаданье, наряжанье* и равныя *игры*, отличающіяся сценическою изобразительностью; ко вторымъ *славенье*, или хожденіе дѣтей по домамъ съ *рацеями, вершепомъ, звѣздою* и п. п. По имени и цѣли своей Святки собственно должны святивъ благочестіемъ великое и оправданное для Хрістіанскаго міра событіе; но какъ незапамятная давность ввела въ сіи торжественныя дни обычаи и обряды, ведущіе начало свое опъ древняго Славянорускаго Язычества и извѣстныя во всемъ Славянскомъ мѣрѣ подъ разными именами: то мы и обратимся къ тѣмъ временамъ и мѣстамъ, гдѣ они проявлялись, потомъ изложимъ описаніе Святковъ въ Древности и въ новѣйшія времена у Рускихъ въ разныхъ областяхъ великой Россіи.

Въ малой и бѣлой Россіи и у Славянскихъ племенъ Святки именуются *Каледою*, или *Коледою, Колядками*, кои, по видимому, сходны съ Римскими *Kalendae* опъ *калей* сзываютъ,

или kalage опредѣлять время, по Санскр: Kāla. „Каланди, по полкованію Кормчей книги, „супь первіи въ коемждо мѣсяцѣ дніе, въ нихъ „же обычай бѣ Еллиномъ творити жерпвы „и вошы, и врумаліи: еллинспіи бяху празд- „ницы.“ Въ харашейной Кормчей, XIII в., хранящейся въ Папріаршей библіотекѣ, подѣ No 8 (132), упоминаются: „сице гдаголемыи „Коляды.“ Въ 62 правилѣ Споглава по же по- вшоряется съ нѣкоплыми дополненіями, оп- носящимися къ опечеспвеннымъ обычаямъ, именно: „Празднованіе веліе поржеспвенно „сопворяюще, и игранія многа содѣвашея по „еллинскому обычаю.“ Хошя Каланды, Калан- пы, Kalcandach, п. е. Календы, въ Кормчей и Споглавѣ называются *еллинскими* праздни- ками; но извѣсно, что не у Грековъ, а у Рим- лянь были календы въ мѣсяцахъ и что Св. Опцы именовали *Еллинами* всѣхъ язычниковъ въ пропивоположность какъ православнымъ Грекамъ, такъ равно Іудеямъ (1): слѣдспвен- но здѣсь разумѣются подѣ именемъ Еллин- скихъ языческіе поганскіе обычаи.

Въ Египетскомъ, Индѣйскомъ, Грече- скомъ и Римскомъ мѣрѣ Испорія открываетъ слѣды подобнаго Славяно-Рускому праздне-

(1) J. C. Suiceri Thesaurus ecclesiasticus. Amstel. 1772, f.

снѣва, которое состояло въ маскированіи, переряживаніи и гаданіи : что върояпно, перешло черезъ всю Европу и повпорилося въ Скандинавіи. Египетскіе жрецы, празднуя возстаніе Озириса, или новый годъ, и вмѣстѣ съ нѣмъ надѣвъ на себя личины и подъ видомъ различныхъ божествъ, шествовали по спогнамъ города. Пляски и пиршества слѣдовали за празднованіемъ паниспѣвъ, о коихъ мы не имѣемъ совершеннаго понятія. Барельефы и гіероглифы на стѣнахъ храмовъ Мемфійскихъ и Фивскихъ доказываютъ, что сіи маскарады были дѣйствіемъ священнымъ для народа и что они отправлялись въ новолѣпіе (2). — Тогда же праздновалось у Персовъ рожденіе Миеры, у Индѣйцевъ Перунъ - Понголь и Угады (Ougadhy).

Греки, народъ веселый и изобрѣтательный, дали етому празднику, означавшему переходъ отъ стараго года къ новому, видъ болѣе радостный и торжественный: у нихъ при етомъ случаѣ юноши переряжались въ дѣвицы, а жены въ мужей; и при дня, посвященные на празднованіе начала года, у Гизанпійцевъ названы были праздникомъ Каландовъ

(2) *Kreuzers Symbolik*, I t. p. 164—275. В. Wachsmut & Hellen. Alterthumskunde. 2 Th. Halle. 1830. 8. — Замѣчанія о Календахъ Барона Розенкампа, въ рукописи.

(*Καλανδῶν ἑορτῆ*). Между гаданіями у Грековъ, которые нѣкогда имѣли въ Смирнѣ и храмъ *κληδόνες*, было *κληδῶν*, цѣхожее на наше святошное съ подблюдными пѣснями. Молодыя Гречанки, въ Іюнь, собравшись въ одно мѣсто, клали свои кольца, перстни, серьги и монеты въ сосудъ, наполненный водою и, при пѣніи гадательныхъ пѣсенъ, вынимали ихъ, и чья вещь вынешся при какой пѣсни, тому то, по ихъ мнѣнію, и сбудется. Епо подтверждается словами Валсамона. см. ч. I сей книги, стр. 240.

У Римлянъ также распространились такія поржества и таинства, кои сдѣлались у нихъ болѣе шумными, чѣмъ у Грековъ, обращены были въ важнѣйшіе гражданскіе праздники, въ дни обѣщныя (*dies votivae*), кои имѣли характеръ политическій и религіозный. Календы даже пощажены и терпимы были Констанциномъ великимъ, который тогда, видя невозможность совершенно изпребить сіи обычаи, укоренившіеся въ народѣ, старался, по крайней мѣрѣ, прекрапитъ безчинства слѣдующимъ закономъ, изданнымъ за чепыре года до Никейскаго собора (3):

(3) Sicut indignissimum videbatur *dies solis* veneratione sui celebres altercantibus jurgiis et noxiis partium contentionibus occupari, ita gratum ac jucundum est iis diebus, quae sunt maxime votivae compleri. Atque ideo emancipandi et manumittendi die festo cuncti licentiam habeant.

„Какъ поспыднымъ казалось въ дни солнца (такъ назывался въ Древности епопъ праздникъ у Римлянъ, прежде чѣмъ онъ перенесенъ былъ на 1 Января подъ именемъ Январскихъ календъ), „именимые по уваженію къ нимъ, занимающіеся плясками и непозволительными соспязаніями: такъ, напримовъ того, пришло и благородно поздравлять въ сіи дни, кои супъ обшныи. Также всѣмъ позволено въ праздникъ оппускать на волю и освобождать опъ власни опцовской.“ Подъ словомъ *contentiones partium*, по мнѣнію Б. Розенкампа, разумѣлись безчинства маскараровъ, въ коихъ участвовали мужчины и женщины. Въ концѣ IV вѣка Императоръ Валентиніанъ издалъ особенное постановление о Январскихъ календахъ, именно: „Повелѣваемъ во всѣ дни чинить судъ и расправу. Однако же надлежитъ оспаваться праздничными шѣмъ днямъ, кои даются въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ года, для успокоенія опъ шрудовъ по причинѣ лѣпнихъ жаровъ и осенью для снятія плодовъ земныхъ и древесныхъ, также освобождаетъ опъ шрудовъ въ извѣстные дни Январскихъ календъ. Къ нимъ присоединяемъ дни основанія знаменитѣйшихъ городовъ Рима и Констаншинополя, также священныи дни Пасхи, пред-

„шесствующiе и послѣдующiе въ числѣ се-
 „ми, день Рождества и Богоявленiя Хри-
 „ста“ и пр. (4).

Св. проповѣдники Христiанства, утверж-
 дая благоговѣйныя торжества и праздники,
 противопоставляли ихъ въ противоположность съ
 языческими, кои замѣнялись оными, и по-
 няшiя народа, относившiяся къ предметамъ
 чувственнѣйшимъ, обращали къ духовнѣйшимъ. Такъ
 учрежденiе Церкви въ 24 д. Декабря высокаго
 праздника рожденiя Свѣта міру, Солнца правды,
 смертию смертью поправшаго, было противопо-
 положенiю языческимъ Врумаліямъ и празд-
 неству Солнца, рождеству Непобѣдимаго
 (Natales Invicti sc. solis), которое совершалось
 въ Римѣ 24 и 25 Декабря, и рожденiю Мнѣ-
 ры, коему подъ разными именами поклани-

(4) Въ VI вѣкѣ только Юстиніанъ опредѣлялъ праздники.
 Р. X. слѣдующимъ закономъ: *Omnes dies jubemus esse ju-
 ridicos. Illos tamen manere feriarum dies fas erit, quos ge-
 minis mensibus ad requiem laboris indulgentior annus exce-
 pit: aestivis fervoribus mitigandis; et autumnis fructibus dis-
 cerpendis; kalandarum quoque Ianuinarum consuetos dies
 otio mancipimus. His adjicimus natalitios dies urbium ma-
 ximarum Romae et Constantinopoleos. Sacros quoque Pas-
 chae dies, qui septem numero vel praecedunt vel se-
 quuntur. Dies etiam natalis, atque Epiphaniarum Christi* и н.
 См. Обзоръне Кормчей книги въ истор. видѣ. сочин. Б.
 Розенкампа. М. 1829, въ 8.

лись опть Днѣпра до Парижа (5). Вотъ почему иногда дѣлаелся примѣненіе и сравненіе рожденнаго Хріста съ возраждающимся и объюнѣвшимъ солнцемъ, какъ сказано въ словѣ на Р. Х. „*Sivella Augustovi* показавшицу младенца на руку держащую (6). Яснѣе еще сдѣлано такое примѣненіе въ слѣдующемъ древнемъ пѣснопѣніи Римско-Каполитской церкви, гдѣ оно называлось *Koledo* (7):
Солнце на зимнюю грань едва лишь спало — внезапно
Новое съ нимъ возпекло свѣсило, бури смешая:
Воплоился Хріспось! и лучъ проливая спасенья,
Днямъ распуцамъ вельгъ пишались добычею ночи!

Календы принадлежали еще народу, который съ переменною религіи и законовъ не хотѣлъ переменить своихъ старыхъ обычаевъ и увеселеній, не смотря на всѣ старанія Духовенства опвратить его опть епихъ обычаевъ, кои часпо превращались въ безчынства. Терпуллианъ вооружался пропивъ Календскихъ бѣснованій и особенно пропивъ маскированія. С. Іоаннъ Злапоуспъ укоряетъ Хрістіанъ въ помъ, что „они въ-
„ряпъ, что если проведупъ новолуніе сего
„мѣсяца въ удовольствіи и весельи, по и

(5) *Réligions de l'antiquité*, par Dr. *Creuser*, refondu en partie et complété par *J. D. Guignaut*. t. I. à Paris. 1826.

(6) Чешья Минея, Декабрь. (7) прелож. *А. И. Муравьева*.

„цѣлый годъ будетъ для нихъ такимъ же.“
 Таковая примѣта соединялась съ трапезою
 наканунѣ Рождества Хр. у Славянскихъ пле-
 менъ. Епотоу языческій обычай встрѣчается
 въ древности, какъ видно изъ словъ Пр.
 Исаи, г. 65 ст. 11: „Вы же оставшии мя,
 „и забывающіи гору свяшую мою, и уготов-
 „ляющіи демону (*Gad*) трапезу и исполняю-
 „щіи щастію раствореніе, и пр.“ Въ объясне-
 ніи на епо мѣсто блаж. Иеронимъ пишетъ,
 что „во всѣхъ городахъ, особенно въ Египтѣ
 и Александріи существуеетъ древній языческій
 обычай: спавишь въ послѣдній день года
 трапезу, наполненную всякаго рода кушань-
 ями, и чашу вина въ знаменіе плодородія про-
 шедшаго или наступающаго года.“ Папа Заха-
 рій въ декретѣ своемъ запрещаетъ „опцрав-
 „лять Январскія календы по языческому обы-
 „чаю и учреждаетъ трапезы въ домѣ своемъ.“
 Бонифацій, Апосполъ Нѣмцевъ, епому Папѣ
 доноситъ, что „въ ночь Январскихъ календъ
 язычники ходятъ по улицамъ въ хоровахъ
 съ восклицаніями и нечеспивыми пѣснями.“
 То же встрѣчается и въ Скандинавіи. — Блаж.
 Августинъ въ бесѣдѣ своей *de Kalendis Januarii* (8)
 говоритъ, что они происходятъ отъ Яна, во-
 ждя язычниковъ, котораго они боялись, какъ

(8) *Homelia B. Augustini de kalendis Januarii. Parisiis.*
 1611, in 12.

„бога; его представляють они съ двумя ли-
 „цами, однимъ спереди, другимъ сзади. Въ
 „дни праздника его одѣваются въ кожи звѣ-
 „риныя, придѣлываютъ на себя головы ско-
 „повъ и п. д. Въ Календы Январскія также
 „совершаютъ гаданія, никому не даютъ огня
 „изъ своего дома, а нѣкоторые невѣжды на-
 „крывъ сполы со всякимъ кушаньемъ, остав-
 „ляютъ ихъ на цѣлую ночь, воображая, что
 „Календы могутъ доспавить имъ такое же
 „изобиліе на цѣлый годъ.“ Переряжаніе сіе
 выражается у бл. Августина и другихъ сло-
 вами *servum* и *servolum* *facere*: что значить
 представлять, играть оленя; оно сходно съ
 Рускимъ: *козу играть*. см. *Масляница*.

Епопъ обычай произошелъ отъ того,
 что язычники представляли любовныя дѣла
 своихъ боговъ; *рога* же (*кѣрата*, *cornua*) суть
 символы прелюбодѣнія: поепому и Юпитерь
 называется рогатымъ любовникомъ (*cornu-
 tus amator*); ибо онъ похитилъ Европу въ видѣ
 пельца и забавлялся въ образѣ Сапира. *Tertull.*
in Apologet. dist. 94. Арпемидоръ въ книгѣ о
 снахъ, кн. 2 гл. 12, утверждаетъ, что из-
 древле говорилось *приспавить рога* о же-
 нахъ, измѣнившихъ въ цѣломудріи мужьямъ:
*ὁ τε ἢ γυνὴ σου κορνέουσι καὶ τὸ λεγόμενον κέ-
 ρατα αὐτῶ ποιήσει*, п. е. если прелюбодѣй-
 ствуешь жена, то говоришься: „рога дѣлаешь.“
 Епо дало поводъ къ извѣстной поговоркѣ:

Cornua qui faciunt, cur cornua ferre recusent? По сей по причинѣ язычники иногда изображали боговъ своихъ съ оленьими головами. У Франковъ употреблялось слово Chervali и Chermari о вступающихъ во второй и третій браки, подверженныхъ болѣе измѣнѣ.

Хотя всѣ такія игрища въ Хрістіанскомъ мірѣ запрещались Церковію; однакожь привычка ихъ сполько укоренила въ народѣ, что онѣ не могли совершенно искоренишься; ибо переряжанье вошло въ обычай и у самыхъ церковнослужителей. Таковъ былъ праздникъ иподіаконовъ — не опъ того, чтобы дѣйствительно одни иподіаконы совершали сіе нечесливое празднество; но попому, что въ народѣ подъ симъ шуточнымъ наименованіемъ слылъ епископъ праздникъ, въ коемъ участвовали и пьяные клирики. Праздникъ иподіаконовъ, по свидѣтельству Белепа въ XII в. именованъ также былъ подъ именемъ *праздника дураковъ, фатюевъ* (stultorum, fatuorum), отправлявшійся иными въ день Обрѣзанія, другими въ Крещеніе. Обычай переряжашься существовалъ болѣе на Западѣ, чѣмъ на Востокѣ. Въ 16 правилъ восьмага собора, непринятаго Восточною Церковію, мы читаемъ, что были тогда „такіе міряне, которые изъ ко- „щунства одѣвались попами и Епископами, „выбирая себѣ начальника“ и пр. Въ Римско-

Каполической Церкви введено было неприличное празднество въ концѣ Декабря подъ именемъ *Декабрьской вольности* (*libertas Decembris*), которая дозволяла Епископамъ съ подчиненными своими въ кинорияхъ пошѣщатья разными играми, по примѣру язычниковъ, у которыхъ въ епомъ мѣсяцѣ пользовались свободою рабы, рабыни и паспухи, участвуя вмѣстѣ съ господами въ общихъ празднествахъ по собраніи жапы. *Beletus*, с. 120 (9). Таковъ *Keresunb veterb* у Карпатороссовъ. Папа Иннокентій III (1198 — 1216) такъ писалъ къ Гявъненскому Архіепископу Генриху касательно позорищъ въ церкви о Р. X. : „Поелику въ церквахъ совершаются позорища и не только вводятся для пошѣхи чудовищныя личины (*monstra larvarum*), но даже при нѣкоторыхъ праздникахъ сами діаконы, пресвитеры и поддіаконы участвуютъ въ безчинныхъ играхъ: то тебѣ возлюбленному о Христѣ брату надлежитъ искоренять въ подвѣдомственныхъ церквахъ подобные обычаи, да не обезчестится домъ Господень таковою мерзостію.“ Праздникъ дураковъ, оспаривавшійся въ Парижской и другихъ церквахъ, запрещенъ былъ Парижскимъ соборомъ 1212 г. и другими. Однако въ описи Юркской

(9) *Denkwürdigkeiten aus der christlichen Archäologie*, von J. C. Augusti. Leipz. 1822, 6 t. in 8.

церкви 1530 г. чипається слѣд.: „Малая митра
 „съ каменьями для Епископа двѣшей; пакже
 „одинъ перспень и двѣ панагii на подобіе
 „креста, осыпаннаго каменьями“ и пр. Чпо
 же касается до Франціи, по Парижскій бо-
 гословскій факультетъ въ 1444 г. пригово-
 ромъ своимъ способствовалъ къ совершен-
 ному уничтоженію етого праздника, во
 время коего „священники и клирики, выбравъ
 „Архіепископа или Епископа, или Папу, име-
 „новали его *Папою дураковъ*: ибо тогда уже
 „начинали въ Европѣ восплавать на Рим-
 „скаго Первосвященника. Даже во время
 „самаго священнодѣйствія они плясали въ
 „чудовищныхъ личинахъ и въ одеждахъ жен-
 „скихъ или шуповскихъ и въ кожахъ льви-
 „ныхъ, пѣли срамныя пѣсни, на алтарь ѣли
 „блины (*offas pingues*), и бѣгали по всей церкви.“

Въроятно, епомъ обычай Западной церкви
 узналъ Петръ I во Франціи или Германіи и,
 по возвращеніи своемъ въ Россію, наряжалъ
 Зотова Папою, а другихъ любимцевъ своихъ
 Кардиналами, діаконами и церемоніймейспе-
 рами, и въ сопровожденіи хора пѣвчихъ о
 Свяшкахъ ходилъ съ ними къ боярамъ по до-
 мамъ славишь (10). см. ниже.

(10) I. Haigold's (H. L. Schlözer) Beylagen zur verändert.
 Russland. Leipz. 1769 — 70, II Th. p. 79.

Въ Кормчей книгѣ, на основаніи XXII гл. сп. 5 Второзаконія (11), подобныя переряживанія запрещаются слѣдующими словами: „Да „опвержены будутъ ошъ вѣрныхъ житія и ко- „мическая и сапирическая и козляя лица. С. „Опцы не повелѣвають мужамъ облачаться „въ женскія ризы, ни женамъ въ мужскія, „еже пѣвбръятъ на праздникъ Діонисовъ пля- „шуще: ни лицъ же космашыхъ возлагати на „ся, ни козлхъ, ни сапирскихъ. Космашая „убо лица супъ наруганіе нѣкимъ ухищрена, „козляя же, яко жалостна и на плачь подви- „зающа“ и пр. Валсамонъ, Папріархъ XII в. свидѣтельствуетъ, что, не смотря на запрещеніе церкви, „на Западѣ продолжалось наряжанье въ шуповское плащье, въ сапировъ, комедіанловъ и пѣвбръиковъ или въ скоповъ, кумировъ и чудовища, и вмѣсто епюго предспавляли рожденіе Сына Божія, явленіе Ангеловъ паспырямъ, Обрѣзаніе, звѣзду, прехъ Царей и пому подобное“ (12). Чпò, какъ увидимъ, перешло и въ Россію.

Конспанпчанъ багрянородный въ описаніи церемоній Византійскаго Двора упоминаетъ о *Готскихъ играхъ*, кои отправлялись

(11) „Да не будетъ ушварь мужеска на женѣ, ни да облачнся мужъ въ ризу женску.“

(12) *Balsamo synodi Trullensis*, с. 62.

о Рождествѣ Хр. при Дворѣ, въ присутствіи Императора: „Назначенные для такихъ пошѣхъ люди — вѣнчали оныя — являлись въ личинахъ и въ шубахъ, вывороченныхъ наизнанку: бѣгали, вертѣлись, ударяли жезлами въ щипы и пѣли пѣсни подъ музыку.“ По свидѣтельству Кодина, святочные пошѣхи въ Византіи оныя погрю назывались *Готскими*, что Греки, перерядясь Готами, какъ можно спраться, приходили къ Императору съ поздравленіемъ и за то получали ошъ него деньги.“ Въ праздникъ Р. Х. — продолжаепъ Кодинъ — подходили къ Императору вельможи и чиновники; потомъ Варанги и другіе иноплеменники, составлявшіе Царскихъ пѣлохранищелей, возглашали многолѣпіе Государю; а пѣвчіе пѣли кондакъ: *Дѣва днесь пресушественаго раждаетъ* — и оканчивали многолѣпіемъ.“ Двору, вѣроятно, подражали и вельможи. Въ продолженіи близкихъ сношеній Россіи съ Византійскимъ Дворомъ могли сіи обычаи перейти въ нее, если еще они прежде не были извѣсны въ племенахъ Славяно-Русскихъ, изъ коихъ находились пѣлохранищелями при Византійскихъ Императорахъ по подъ именемъ *Варяговъ*, по *Готовъ*, или вообще *Варваровъ*. Въ епихъ *Готскихъ и герасъ* мы узнаемъ наши *Святки*, кои подъ разными именами извѣсны у Скандинавскихъ и Германскихъ племенъ.

„Готскія игры вспрѣчаются у насъ, говоритъ Саксонецъ Рейске, подъ именемъ *die Knechte Yvette*, Робертовы войны. Въ продолженіи 12 дней праздника Рождества Христова молодые люди одѣвались въ звѣринныя шкуры, съ рогами на головѣ, марали себѣ лица сажею, а въ зубы брали горящіе уголья, бѣгали по улицамъ съ мѣшками, въ кои спращали запрашивать дѣшей, ударяли съ крикомъ въ цимбалы“ и п. д. (13).

Въ Скандинавіи Рождественскія Святки извѣстны подъ именемъ Гольскаго или Юльскаго праздника (*Iuul*, *Joel*), какъ важнѣйшаго и продолжительнѣйшаго изъ всѣхъ: онъ отправлялся въ Норвегіи въ честь Тора среди зимы, а въ Даніи въ честь Одина для благословенной жажвы и скорого возврата солнца. Обыкновенно начинался онъ въ полночь 4 Января и продолжался цѣлыя три недѣли. Первые три дня сего празднества провождаемы были въ благотвореніяхъ; а послѣднее время въ пиршествахъ и весельи. Названіе *Iuul*, вѣроятно, произошло отъ *Hjul*, по Данскіи колесо; поному чпо годъ тогда поворачивался колесомъ. Въ послѣдствіи времени, говоритъ сочинитель Сѣверной Мифологіи Мэн-

(13) *Constantin porph.* l. 11, de caeremoniis aulae Byzantinae, ed. I. Leichii et Reiskii. Lipsiae. 1754. f.

нихенъ, поже самое названіе дано введенно-
му на мѣсто языческаго Хрістіанскому празд-
нику. Древность Іоль на Скандинавскомъ Сѣ-
верѣ усмапривается изъ того, что объ
ономъ упоминаетъ Прокопій, писатель Ви-
зантія. VI в. Должайшая и мрачнѣйшая ночь въ
году, которая предшествовала и содѣйстви-
вала рожденію Фрейера, или Солнца, назы-
валась у древнихъ Англо-Саксовъ *Материн-
скою ночью* (Moedrenecht); ибо почитаемъ была
матерью солнца, или солнечнаго года. Въ
это время, по вѣрованію сѣверныхъ наро-
довъ, являлся духъ Юлеветпенъ въ образѣ
черноликаго юноши, съ женскою повязкой
на головѣ, закупаннаго въ черный плащъ
длинный: въ такомъ видѣ является онъ
ночью въ дома, какъ у Рускихъ *суженый
ряженый*, принимаетъ подарки. Это нынѣ
на всемъ Сѣверѣ обратилось въ забавную игру
безъ всякаго суевѣрія (14). Почти такую же
ролю играютъ на Германскомъ Сѣверѣ Фил-
ліи. На Іольскомъ праздникѣ убиваемъ былъ
въ честь Фрейера большой вепрь въ присут-
ствіи Короля; надъ симъ священнымъ жи-
вотнымъ, положивъ руки, клялись въ нена-
рушимой вѣрности подданные его. По окон-

(14) Edda Saemundina, t. III. p. 326.

чаніи жерпвы, всѣ предавались Іюльскимъ весельямъ, кои сосполяли въ ѣдѣ, пивѣ, пляскахъ и разныхъ играхъ: онѣ продолжались семь дней. Даже донынѣ о Святкахъ убиваются свиньи и пекутъ пироги на подобіе свиней (15). Остатки сего празднества не только на Скандинавскомъ Сѣверѣ, но и въ Англіи и Германіи сохраняются по различнымъ обласнямъ въ играхъ, пляскахъ и пѣсняхъ, къ коимъ присоединяются многія суевѣрныя примѣлы и гаданія. см. ч. I.

Въ Англіи, за нѣсколько дней до Р. Хр., начинаются въ большей части городовъ ночное пѣніе и музыка по улицамъ. Въ Голландіи 8 ночей предъ праздникомъ и 8 ночей послѣ *Клапперманб*, или спорожъ, возглашая часы, подъ утро прибавляетъ къ етому смѣшную пѣсню, въ коей совѣщуетъ обывателямъ ѣсть кашу съ маюмомъ, по случаю праздниковъ, и класетъ въ нее папоки, отъ чего она будетъ еще вкуснѣе. Обряды, какими сопровождается канунъ Рождества, и какіе были прежде общепотребительны на Западѣ Европы, дышашъ весельемъ, представляющимъ пріятную противоположность съ печальнымъ временемъ года. Дома и церкви

(15) *Mythologie der alten Deutschen u. Slaven*, von A. Slany. Znaim. 2 B. 1827, 8.

украшаются вѣтвями зеленыхъ деревь, веселыя пѣсни раздаются въ деревняхъ, слышится музыка ночныхъ спорожей; въ полночь начинаютъ звонить въ колокола. У проспаго народа бездна смѣшныхъ преданій по случаю ешого дня, и ночь предъ Рождествомъ бываетъ свидѣтельница множества суевѣрныхъ наблюдений. Въ цѣлой Англїи существуетъ повѣрье, что если войши въ хлѣвъ ровно въ полночь, то найдешь весь скопъ на колѣняхъ. Многіе убѣждены, что пчелы поютъ въ ульяхъ, привѣтствуя наступающій день праздника. Это повѣрье распространилось по всей Каполической и Протестантской Европѣ (17). Вечеромъ женщины ни за что не оставляютъ кудели на прялкахъ, чтобы чортъ не вздумалъ вмѣсто ихъ сѣсть за работу. Молодыя дѣвки даютъ ешому другой полкъ: онѣ говорятъ, что, если не допраситъ кудели наканунѣ Рождества, прялка придется за ними въ церковь при вѣчаніи и мужа ихъ подумаютъ, что они Богъ-вѣснъ какія лѣншайки. Если не досугъ допраситъ: онѣ, по крайней мѣрѣ, солятъ будель, чтобы сохранить и огъ сальничинской силы. Если нитки останутся на мошовой, ихъ не снимаютъ, какъ обычно-

(17) Poetical works of Sir Walter Scott, v. IV. Eding, 1823, въ 12.

венно, а разрѣзываютъ. Это торжество было у народовъ сѣверо-западной Европы порою великихъ жертвоприношеній. Данчане приносили тогда человѣческія жертвы; Готы кабана, потому что это животное посвящено солнцу, какъ у Персовъ конь. И до сего времени кресъяне въ епихъ краяхъ пекутъ въ Рождество кабановъ изъ пѣсна, ставятъ ихъ на столъ вмѣстѣ съ другими яствами и не прогаютъ во весь праздникъ, думая, что отъ ешого зависитъ ихъ благополучіе. Печеный кабанъ называется *Iulagalt*. Въ другихъ мѣстахъ довольствуются печенымъ поросенкомъ. Въ Шотландіи берегутъ послѣднюю горсть хлѣба, сжигаютъ лѣномъ, и раздаютъ ее лошадямъ и коровамъ упрямъ въ Рождество, чтобы предохранить ихъ на годъ отъ болѣзней. Въ старину, первое блюдо, которое подавали въ епомъ день у каждаго добраго Англичанина, была кабанья башка въ уксуѣ и съ лимономъ въ пасни. При епомъ пѣли пѣсню, которая и теперь еще сохранилась въ одномъ Оксфордскомъ коллегіумѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Шотландіи есть примѣна, что кто первый отворитъ дверь въ праздникъ Юля, тотъ будетъ счастливъ во весь слѣдующій годъ; потому что онъ впустилъ Юля. Для ешого языческаго божества иные по-сю-пору накрываютъ при-

боръ и ставяшъ хлѣбъ съ сыромъ и какой-нибудь напитокъ, такъ какъ дѣлали Восточные народы. см. выше стр. 9. Каждый госпъ долженъ опивѣдаться епой жершвы; если жъ уидеть безъ епого, дурная примѣта. Объ Рождествѣ, въ Новый годъ, въ первый Январскій понедѣльникъ и 3го Мая, суевѣрные люди въ Шотландіи ни за что не дадутъ угольевъ сосѣдямъ, опасаясь колдовства и порчи, какъ древніе Римляне. Въ западныхъ обласняхъ Англіи объ Рождествѣ кланяются яблонямъ, чпобы онѣ на слѣдующій годъ были плодоноснѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обыватели совершаютъ ходы по плодовитымъ садамъ и кланяются одному какому-нибудь дереву, произнося родъ заклинанія или заговора; послѣ того орошаютъ дерево яблочнымъ сокомъ, или разбиваютъ объ него кубокъ съ епимъ напиткомъ — все для урожая. Также къ Рождественской ночи дѣлаютъ особенныя свѣчки, такія толстыя, что онѣ горятъ съ вечера наканунѣ праздника до исхода слѣдующаго дня, и если погаснутъ прежде, епо предназначаютъ несчастіе въ семействѣ. Въ сѣверной Шотландіи лавочники дарятъ Юлевыя свѣчи своимъ покупателямъ: сшрогіе наблюдатели суевѣрныхъ обрядовъ даютъ имъ горѣшь до тѣхъ поръ, пока онѣ сами погаснутъ; другіе напротивъ задуваютъ ихъ

прежде, и берегутъ огарки въ видѣ талисмановъ. Тамъ естъ также ночное гаданье Tag-baitъ, на воловьей кожѣ, сходное съ Русскимъ, какъ увидимъ ниже. Въ Англiи въ Святки (Christmas holy-days) естъ множество другихъ суевѣрій, изъ коихъ ограничимся двумя или тремя примѣрами. Кто-нибудь изъ членовъ семейства вснаеть въ Рождество ранѣ всѣхъ другихъ и пригошовляетъ завтракъ, который они должны скушать на поспели. Завтракъ естъ обыкновенно состоятъ изъ пирожковъ съ яйцами. На каждого чловека въ домѣ печется по пирожку, и чей пирогъ развалился во время печенiя, iному не дожить до будущаго праздника. Наканунѣ Рождества кладутъ въ огонь претолское полѣно, которое должно горѣть во весь слѣдующiй день, а если можно, и долѣе. Для зажженiя его спараютъ имѣть голову, сбереженную отъ прошлогодняго полѣна, подобно Сербскому *Бадняку*, и служившую предохранительнымъ средствомъ отъ всякой напасти. Пока Рождественское полѣно не попухнетъ, всей домашней челяди опшускается къ сполу пиво. 29 Декабря, когда празднуется память избiенiя младенцевъ царемъ Иродомъ, вспарину обыкновенно будили дѣтей плешью, чпобы хорошенько вбить имъ въ память епо вровопрочише.

День, въ который приходился епотъ праздникъ, почипали *чернымъ* во весь годъ и боялись больше, нежели Рускіе понедѣльника (18).

Въ Германіи во время священныхъ ночей (Zuelfest, Weibnacht) простилюдины наряжаются. Между многими повѣрьями существуетъ одно, будто наканунъ Рождества Хрістова говорятъ скопы, и обычай спавить для дѣшей дерево, обвѣшенное плодами, конфекшами и игрушками (Weinachtsbaum), представляющъ въ лицахъ испорію рожденія І. Хріста и п. д. „Въ Саксоніи, въ деревнѣ Шолбекѣ, по свидѣтельствѣ Кранца, юноши и мужи съ женщинами проводили навечеріе Р. Хр. на погостѣ С. Магна въ безчинныхъ пляскахъ и въ нечеспивыхъ пѣсняхъ.“ Тоже мы читаемъ въ Споглавѣ, гдѣ описывается, что „на навечеріи Р. Хрістова и Крещенія „сходятся мужи и жены на nocturne плещованіе, игры, глумленіе и бѣсовскія пѣсни.“ Нѣкоторые способы *вороженія* (Wahr sagen) у Нѣмцевъ сходны съ Славяно-Русскими; у первыхъ доселѣ дѣвушки для узнанія судьбы своей льютъ воскъ и олово (Wachs gießen, Blei gießen), дѣлаютъ ппицеволовхваніе и пр.

„Декабря 24 — пишеть Карамзинъ — „Язычники Рускіе славили Коляду, бога мор-

(18) Библиошека для Чшенія, 1856 г. № II.

„жеспвѣ и мира. Еще и въ наше время, на-
 „канунѣ Рождества Хрисіова, дѣлми земле-
 „дѣльцевѣ собираюшся *колдовати* подѣ окнами
 „богашыхъ креспьянѣ, величаюшъ хозяина
 „въ пѣсняхъ, пвердяшъ *Колды* и просяшъ
 „денегъ. Свяшочныя игрища и гаданія ка-
 „жушся оспашкомъ сего языческаго празд-
 „ника“ (19). Хошя многіе производяшъ *Ко-*
леду опѣ Римскихъ *Календѣ* по тому, чшо
 празднованіе оной приходипся въ одно по-
 чши съ ними время и самыя слова созвучны
 между собою; но *Календы* у Римлянѣ были
 не въ одномъ Январѣ, а во всѣхъ мѣсяцахъ.
 Чшо жъ касаетса до замѣченнаго нами сход-
 ства въ нѣкоторыхъ часпяхъ ешого празд-
 ника Янусова съ Славяно-Рускимъ: по вѣро-
 яшно оно произошло опѣ Славянскихъ пле-
 менѣ, бывшихъ подѣ Римскимъ владычесп-
 вомъ и въ послѣдствіи передавшихъ ешопѣ
 обычай своимъ переселенцамъ на Западъ и Югъ
 Россіи, гдѣ донынѣ воспѣвается *Коледа* и про-
 должаепса *Коледованье*, а на Сѣверѣ, пола-
 гашъ надобно, онѣ перенесены Балпійскими
 Славянами. Какъ народъ, принимаю и усвоваю
 себѣ чуждыя понятія и вѣрованія, всегда ищепѣ

(19) *Харамз.* Н. Г. Р. I, стр. 61 и 101. Въ рукоп. XVI
 вѣка въ мѣстѣ С. Бориса и Глѣба день кончины ихъ озна-
 чепѣ *Календами*.

въ нихъ сходства внѣшняго или внутренняго съ коренными своими понятіями и вѣрованіями: по и *Коледа* у разныхъ Славянскихъ племенъ и Рускихъ получила разное знаменованіе и производство, болѣе соотвѣтственное ихъ духу, мѣстности и обычаямъ. У Виндійцевъ *Koléda* почитается за божество празднества, или нѣкоторыя религиозныя обряды; а *Kolédowati* выражаетъ: хожденіе крестьянскихъ дѣтей по домамъ съ пѣснями и плясками. *Koliado*, или *Koleda*, также *wanošnj risničku*, по свидѣтельству Словарей Бернолака, Юнгманна и Вука Стефановича, у Чеховъ, Сербовъ и Болгаровъ значить священная пѣснь; *chodibi po Kolede*, по здравлять съ новымъ годомъ и за это получаютъ подарки. *Koléda* у Словаковъ знаменуетъ благословеніе домовъ, какое у нихъ бываетъ около праздника Трехъ Царей, а *kóledowat*, благословлять дома. Богемская Исторія объясняетъ *Коледу* набожнымъ обычаемъ ходить священнослужителямъ по домамъ съ св. креспомъ и мощами о Рождествѣ Христовѣ; это учреждено въ XI вѣкѣ Чешскимъ Княземъ Брениславомъ, по изгнаніи всѣхъ колдуновъ и оборотней изъ своихъ владѣній. Кроаты, Босняки и другіе народы Славянскаго племени подъ *Коледою* разумѣютъ подарокъ въ Новый годъ: тогда въ Римско-Католическихъ церквахъ раздавались на-

роду сдѣланныя изъ пѣста ясли, пеленки и другія принадлежности къ мѣсцу рожденія І. Хрїста: что называлось *Календами*. И теперь Римское Духовенство разсылаетъ на канунъ Р. Х. тонкіе изъ пѣста, какъ облашки, листки разныхъ цвѣтовъ съ выписными на нихъ изображеніями, относящимися къ етому празднику, и хозяева, разговляясь съ семействомъ или госпіями, берутъ вмѣстѣ такой листокъ съ обоихъ концевъ, и, разламывая вдругъ, сѣдаютъ каждый свою часть въ знакъ единовѣрства и братства Хрїстіанскаго, и ето собственно значить у нихъ поздравленіе другъ друга съ праздникомъ Рождества Хрїстова. Подобный западному обычай существовалъ въ Шенкурскѣ до 1780 г: тамъ въ каждомъ домѣ приготавливали къ празднику Рождества Хрїстова изъ пшеничнаго пѣста фигуры, изображающія маленькихъ коровъ, быковъ, овецъ и другихъ животныхъ и паспуховъ. Такія фигуры спавились на окна и столы, посылались въ подарокъ роднымъ. Обычай етошъ, прекратившійся въ городахъ, сохраняется въ Шенкурской и Вельской округахъ (20).

(20) Свѣденія о народныхъ праздникахъ въ Шенкурской и Вельской округахъ М *Млсикова*, въ рукоп. 1829.

Гванъини говоритъ, будто у Рускихъ боярскія дѣви часто получали отъ Великаго Князя *киовую Календу*, т. е. палочный подарокъ. Линде въ Словарѣ своемъ производитъ *Коленду* отъ *колѣно-даванія*, т. е. отъ колѣно-преклоненія предъ рожденнымъ Спасителемъ міра. Самый стихъ, поемый въ Западной церкви *Collaudemus, collaudemus Christum regem*, даетъ поводъ производить отъ него *Colenda*, соотвѣтствующее Малороссійскому *Коледованью*, или славенью, и средне-Греческому сл. *κολαδῶ* славлю, воспѣваю. Сверхъ того, по свидѣтельству Боѣція и другихъ Западныхъ писателей, священнослужители Римской церкви именовались отъ *colendo* *Colidei* и *Culdei*, богочтецы, ублажавшіе Бога пѣснопѣніемъ (21). Наконецъ Г. Гнѣдичъ производитъ Коледу отъ *χολαδεις* (кишки) колбасы, коей кольцо выпрашивають себѣ Колядовщики въ Малороссіи. — На Рускомъ Югѣ и Сѣверѣ, гдѣ Декабрь назывался *Студенымѣ*, Коледа получила другое знаменованіе и примѣненіе, соотвѣтственное климату, мѣспноспіи, нравамъ и обычаямъ жипелей; по отношенію къ времени года, она имѣетъ такое же значеніе, какъ Скандинавскій Юль (юла?), т. е. колесо; ибо въ епу пору годъ обращался колесомъ, копо-

(21) *Ducange Glossarium mediae et infimae Latinitatis. VI v. 8.*

рое на Славянскомъ называется *коло*, сходно съ Греч. *κύκλος* кругъ, колесо, опть *κύλιω*, или *καλύδῆω* капаю. Какъ во время Руской Коледы колдуютъ, такъ и Западное колдованье сближено на Рускомъ Сѣверѣ съ колдованьемъ.

Коледы не находима въ числѣ божествъ Владиміровыхъ, приводимыхъ Неспоромъ и Макаріемъ; къ нимъ онъ присоединенъ въ Чешьѣ Минемъ С. Димитріемъ Тупшалою, въ житіи В. К. Владиміра I, какъ богъ зимняго празднованія. Гизель, руководствуясь Сприковскимъ, говоритъ: „Коляда шестый идолъ, „богъ праздничный, ему же праздникъ велій „мѣсяць Декемврій въ 21 день соспавляху.“ Послѣдователи ихъ сопричислили Коляду къ богамъ Славянскимъ, и внесли въ систему Мифологіи, хопя нигдѣ въ древнихъ памятникахъ онъ не попадаешся въ такомъ значеніи. По етому въроянію, согласно съ Коныпаремъ, Коляду признашь можно не божествомъ, а праздникомъ, который олицетворяешся въ сказаніяхъ и пѣсняхъ народныхъ (22).

Коледа въ Южной и Западной Руси собственно есть канунъ праздника Рождества Христова, который извѣстенъ на Сѣверо-Востоку Россіи болѣе подъ именемъ *Авсеня*, или

22) Россія въ истор. спашист. и геогр. и лит. ошаченіяхъ, *Ф. Булгарина*. Спб. ч. 2. 1857, въ 12.

Таусень, у Липовцевъ, *ветера колодокъ*, или *Блоккова*, въ кошорой почпи вездѣ въ Славянскомъ и Рускомъ мѣрѣ гошовишся изъ зерноваго хлѣба *каша* и изъ пшена и плодовъ *кутья*, напоминающая Индѣйскій Перунъ-Понголъ и *Угады*, въ кои по варенію пшена угадывали жребій въ наступающемъ году. Коледа бываешъ *Васильевская* наканунѣ Новаго года и *Крещенская* наканунѣ Богоявленія, или *Водокрещей*, первая *богатая*, другая *постная*. Въ Малороссіи хожденіе съ вершепомъ и звѣздою, сдѣланною изъ бумаги, и пѣнье винограда, извѣстно подъ именемъ *Коледы*. Даже около Москвы, гдѣ Колядою называется день, предшествующій Р. Хрістову, тогда поютъ:

Уродилась Коляда
Наканунѣ Рождества,

и возятъ на саняхъ дѣвку въ бѣлой рубашкѣ сверхъ одежды: еша дѣвка слывешъ *Коледою*. Во Владимірской Губерніи, особливо въ Муромскомъ уѣздѣ, тогда въ пѣсняхъ припѣваютъ *Коледа Таусень*.

О переходѣ сего праздника и имени изъ Новгорода въ Коспромскую и другія Велико-россійскія Губерніи, вѣроятно, во время *разводовъ* въ XV и XVI вѣкахъ, свидѣтельствуетъ слѣд. пѣсня, копорую шамъ поютъ о Святкахъ:

Шла Коледа
Изъ Новгорода и ш. д.

У Румыновъ Свяпки именуются *Кретунолѣ*, у Карпатъ-Россовъ канунъ Р. Хрістова—*Керетунѣ*, копорый у нихъ почиается за божество, а *коледованье* за празднованье. *Коротунолѣ* у Рускихъ въ спарину назывался и Рождественскій постъ, по мнѣнію Карамзина, опъ *короткихѣ* дней (23). Но *Коротунѣ* созвучень съ Сербск: *кѣратити* ходити, шествовапъ, съ Рускимъ *кортити*, въ значеніи предспавляпъ изъ себя что для кого, и съ *Хорсолѣ*, или *Корсолѣ*, однимъ изъ семи Кіевскихъ божествъ. Не опносятся ли также сюда упоминаемое въ *Споглавѣ зародѣніе надъ коргаами?*

Въ Великороссійскія Свяпки, кромѣ *славленья дѣшей по домамъ*, бывають *нарлжанья* въ разныя лица и въ разныя костюмы, и *загадыванья*. То и другое совершается вечеромъ, а послѣднее болѣе въ самую полночь: сценою ихъ избираются дома и улицы, особливо перекреспки, двери церковныя, также погосты, или кладбища, проруби рѣкъ, поляны, гумны, овины, бани, куряшники и п. д.

§ 1. Святочное переряживанье естъ Русскій народный маскарадъ, копорый издревле завѣщено на Руси, такъ равно и во всей

(23) *Карамз.* И. Г. Р. ч. II, пр. 288. — см. I ч. сей книги.

Европѣ. Маски же, упопрѣбительныя въ глубокой древности, въ оргіяхъ Бахусовыхъ, какъ средсва пропивъ очарованія, назывались у Рускихъ Славянъ *лигинами*, а въ Кормчей рукоп. XIII в. *облицьями и ерѣць и ликѣственникѣ*, также *налицниками*, въ Споглавѣ *скарѣдными образованіями*, попомъ *лицами косматыми, козлими, сатирами, округами, скуратами и лудами*, а самое маскированіе и переряживанье — *московодство* и *округанье*: первое вѣроятно происходило отъ соединенія словъ Тосканскаго *masca*, *маска* и *люда* (24), а другое сходно съ Греческимъ *υριτη*, *υριταριον* вепошь, рубище, въ какое *округались* округники. Въ поученіи Архіепіскопа Луки, XII вѣка, запрещается *московодство цѣлти*. Упомянутая въ Пашерикѣ Печерскомъ *люда на бѣсѣ въ образѣ Ляха*, означаетъ личину, или маскератное платьѣ *ludix* (25). Въ Прологѣ подъ 23 Декабря личины и хари называются *скуратами* отъ Лип. слова *scurra* шупъ, или отъ стариннаго Рускаго *скѣра*, удержавшагося нынѣ въ сл. *скорнякѣ*, по же что шкура, Лип. *corium*, Чешское *kura*. см. ч. I. стр. 250. Переря-

(24) сравни: Was bedeutet das in den russischen Chroniken unter dem I. 1024 vorkommende Wort *люда*? antiq. Abhandl. von A. I. Siogren. S. P. 1834. in 4.

(25) Рускія достопамятности, ч. I. М. 1815, въ 8.

живанье состояло, также какъ у Византійцевъ Гопское, въ надѣваніи на себя вывороченныхъ наизнанку шубъ, или винчуръ, *сунъ* (*γούναι*) и спрашныхъ личинъ: *кортили* изъ себя разныхъ звѣрей: по медвѣдей, по козловъ съ рогами и другія пугалища; мущины переряжались женщинами, а женщины мущинами съ пѣмъ, чшобы другіе не могли ихъ узнать. Въ такомъ видѣ они хаживали, *колобродили*, вечеромъ по домамъ знакомыхъ и даже незнакомыхъ. Въ Номоканонѣ, издан. въ Кіевѣ 1624 г., на спр. 36, говорится слѣд. „Нынѣ Хрістіанскія дѣла сія „пворяптъ: въ одежду женскую мужіе обла„чашся и жены въ мужескую; или налч„ники, якоже въ спраняхъ Лапинскихъ „злѣ обыкоша, пворяптъ, различныя лица себѣ „претворяюще.“ Между Греками и Лапинами, въ средніе вѣки, существовало мнѣніе, будто въ продолженіе осьми дней послѣ Рождества Хрістова дьяволы скипающся по земли, и, при наступленіи разрушенія ихъ царства, изгоняемые, въ превогъ и поскѣ рыскающъ по улицамъ въ мрачномъ и огнезрачномъ видѣ, перзая, муча и увлекаая вспрѣчныхъ и поперечныхъ. Переряженные, или свяпошники, умышенно предспавляютъ воплощенныхъ дьяволовъ, и исторія Тюрпеня называетъ ихъ *личинами брадатыми, рога-*

стыди и похожили на демоновъ. Одинъ древній писательъ объясняетъ силу опшвораживанія масокъ пѣмъ, что онѣ своимъ спраннымъ и нелѣпнымъ видомъ удаляютъ очарованіе опъ самыхъ лицъ, кой ихъ носятъ (26). Но какъ личины сіи оскверняютъ людей (ибо, по изъясненію Нанпскаго собора, *маски супъ личины демоновъ*): то посему пѣ, копорые ядидись на Свяпкахъ, имѣли обыкновеніе очищапья купаньемъ въ рѣкахъ въ день Крещенія Господня.

Въ Новгородѣ Свяпки извѣспны подъ именемъ *Окрупниковъ*, копорые со впораго дня праздника Р. Х. до Богоявленія наряженныя ходятъ по городу въ пѣ дома, гдѣ въ знакъ приглашенія спавяпся на окнахъ, зажженныя свѣчи, и пѣшатъ хозяевъ шупками, каррикатурными представленіями, пѣснями и плясками. Въ Тихвинѣ о Свяпкахъ снаряжается большая лодка, копорая спавится на нѣсколько саней и по улицамъ везетъ множеспвомъ лошадей, на коихъ сидятъ верхомъ округники. Сію лодку занимаютъ подъ разноцвѣпными флагами свяпчичики въ разныхъ личинахъ и нарядахъ: они шамъ называются по *окрупниками*, по

26) см. Massen въ Allgemeine Real-Encyclopädie für die gebildeten Stände. VII B. Leipz. 1830. 8.

кудесниками, по *куликами* и *щеголями*. Во время поѣзда они поютъ, играютъ на разныхъ инструментахъ и выкидываютъ разные шпuky. Толпы народа провожаютъ ихъ, а зажиточные граждане подчуютъ ихъ виномъ и кушаньемъ. Въ Новгородской и Вологодской Губерніяхъ Святки донинѣ называются *Кудесами*, такъ какъ въ лѣтописяхъ чародѣи, колдуны, *арбуи* — *кудесниками* и *кобниками*, которые гадали и вѣрояпно *кудесили*, какъ *колдуны*, и *кобенились*, какъ *Шаманы*; а въ 41 главѣ Сподглава запрещается *кудесы* быти. Архіепископъ Новгор. Макарій въ XVI вѣкѣ посылалъ инока Илію для испребленія *кудесѣ* въ Новгород. пашинахъ и погостахъ. Новгородцы еще въ XII вѣкѣ ходили гадать къ *кудесникамѣ* (чудесникамъ?), которые умѣли призывать бѣсовъ; ибо Чудь, или Финны и опъ самыхъ Скандинавовъ почитались величайшими колдунами и чародѣями, а земля ихъ — странною чудесъ и превращеній. По всему видно, что *кудесы* означали гаданія и чарованія, кои составляли часть языческой религіи у Чуди и Славянъ. Въ Торопцѣ, Псковской Губерніи Святки слывуть *Субботками*. Тогда незамужнія дочери Торопецкихъ обывашелей собираются въ дома бѣдныхъ, но честныхъ вдовъ, у коихъ дѣлаются къ етому случаю

нарочныя приготоуленія: для поствпипельницъ уствроиваюпся скамейки уствупами съ полу до пополка, въ родъ амфишеатра; посреди горницы вѣшается огромный фонарь, сдѣланный изъ цвѣтной бумаги, украшенный разноцвѣтными лентами и со множествомъ свѣчь. По сторонамъ горницы спавяпся скамейки для мущинъ. Богатыя и бѣдныя Торопчанки, одѣвшись, какъ можно лучше, по своему старинному обычаю, вмѣняютъ себѣ въ обязанность присупспивовать на Субботкахъ. Когда всѣ мѣста въ епомъ амфишеатрѣ займутся дѣвицами: тогда опираются запертыя до того ворота и начинается притѣздъ холоспыхъ мущинъ. При входѣ каждаго гостя, дѣвушки величаютъ его пѣснями, кои изстари поются на Субботкахъ, съ припѣвомъ къ каждому спиху:

Дунай, Дунай! многолѣтствуй

И съ пвоею полюбовницей!

Гости должны плапипть за епу честь; собранныя деньги оспаются въ пользу бѣдной хозяйки. На епомъ праздникѣ женихи высмаприваютъ себѣ невѣстъ, а невѣспы жениховъ. Женатыя и замужніе не допускаются на Торопецкія субботки (27). — Въ другихъ спранахъ великой Россіи *иершца свя-*

(27) Сообщено отъ Н. Н. Нефедьева,

потнѣя различествуютъ между собою польско нѣкопорыми обрядами и обычаями мѣспными, кои къ нимъ примѣшиваются.

Святочные игры издревле, какъ видно изъ Кормчей и Споглава, состояли въ безчинномъ говорѣ, ношномъ плещованіи, бѣсовскихъ пѣсняхъ, въ козлогласованіи и баснословіи, скаканіи и пакъ называемыхъ бѣсовскихъ играхъ, какими именовали церковные учителя переряживаніе, загадываніе и п. п. Опеченная Испорія свидѣтельствуетъ, что и Царь Иванъ Васильевичъ съ опричниками своими маскировался, подобно скоморохамъ, и казнилъ К. Рѣпина за то, что онъ не позволилъ надѣсть на себя личины (28). Пепръ I любилъ святочные игрища, въ коихъ и самъ участвовалъ, какъ выше замѣчено нами. Въ его время святочные игры бывали не только въ городахъ и въ сельскихъ приюпахъ, но и въ Царскихъ перемахъ, гдѣ Царевны святочничали съ верховыми сѣнными дѣвушками и боярынями. Папріархъ Іоакимъ въ 1684 году описываетъ Московскія Свяшки: „Тогда ненаказаніи мужескаго полу и женскаго собрався многимъ числомъ, опъ спа-

(28) Карамз. И. Г. Р. т. IX. 2 изд.

„рыхъ и молодыхъ мужи съ женами и дѣвки
 „ходятъ по улицамъ и переулкамъ къ бѣсно-
 „вапнымъ и бѣсовскимъ пѣснямъ, сложеннымъ
 „ими, многія сквернословія присовокупляютъ,
 „и плясанія пвораютъ на разженіе блудныхъ
 „нечистотъ и прочихъ грѣхопаденій, и пре-
 „образующеся въ неподобная отъ Бога соз-
 „данія, образъ человѣческой премѣняюще, бѣ-
 „совское и кумирное личашъ, космашные, и
 „иными бѣсовскими ухищреньями содѣянные
 „образы надѣвающе, плясаньями и прочими
 „ухищреньями православныхъ Хрістіанъ прель-
 „щаютъ; такожь и по Рождествѣ Хрістовѣ
 „въ 12 днѣхъ до Крещенія Господа нашего І.
 „Хріста таковаежъ бѣсовская игралица и
 „позорища содѣваютъ.“ Въ Бѣлгородѣ и Обо-
 „янскѣ, по свидѣтельству М. Мясникова, въ
 „XVII вѣкѣ о Рождествѣ Хр. и до Богоявле-
 „нія собирались по вечерамъ и въ ноци на бѣ-
 „совскія игры. — Такое изображеніе народнаго
 „маскерада, или свѣточничества въ концѣ XVII
 „вѣка сходно съ обрядами Римскихъ, Гоп-
 „скихъ, Скандинавскихъ и Нѣмецкихъ подоб-
 „ныхъ игрищъ. Наряженные являлись въ дома,
 „плясали, рассказывали прибаутки: или пред-
 „ставляли какую нибудь сцену изъ жизни,
 „или шутку. Навѣшивъ гостей въ одномъ
 „домѣ, они переходили въ другой.

§ 2. Въ составъ святочныхъ обрядовъ особливо входитъ *гаданіе*, которое по естественнымъ и искусственнымъ знакамъ спрашивается узнать будущій жребій человека. Вѣрованіе въ гаданіе основывается на отношеніи неизвѣстности судьбы, или рока, къ свободѣ воли человеческой; у Славяно-Руссовъ было оно общее со многими народами древности и новыхъ временъ. Въ Язычествѣ оно составляло одну изъ главныхъ спихій богослуженія, а при переходѣ опть Язычества къ Хрістіанству, оно преслѣдуемо было какъ суевѣріе подъ именемъ *ворожбы*; въ Хрістіанскомъ же мірѣ удержалось подъ видомъ народной забавы, правомъ давности и силою привычки. Руское слово *гаданіе*, по производству и знаменованію, сродно съ Еврейскимъ словомъ *Gad*, или *Δαιμόνιον*, богиня счастья, какъ видно изъ выше приведеннаго мѣста Исаи Пророка 65, 11 (29). Самое дѣйствіе, и. е. *гаданіе*, *divinatio*, есть служеніе *Гадъ*, богинѣ счастья, опть коей узнавали свой жребій посредствомъ различныхъ знаменій при жертвоприношеніи. Чешское слово *Gadám* значить *испытывашь*, *ислѣдовашь*: что предполагается въ любопытствующихъ о своей участи. *Гаданье* есть видъ *ворожбы* (*Wahr sagen*); первое, основываясь

(29) *Рейфовъ* Словарь производитъ *гаданье* опть Санскрит. *Gad* развѣдывашь.

болѣе на случайныхъ, но естественныхъ явленіяхъ или знакахъ, открывающъ тайное, будущее, а другая производится подъ вліяніемъ сверхъестественныхъ, враждебныхъ силъ ко вреду однихъ и къ пользѣ другихъ. Въ старинномъ Рускомъ языкѣ *гадать* принимается въ смыслѣ *думать* (30). *Волхваніе*, по толкованію Споголава, *бѣсовское служеніе*, имѣетъ одинакое значеніе съ *колдованіемъ*; ибо то и другое относится къ Аспрологіи, въ коей упражнялись *Волхвы* и *Халдеи*. См. выше на стр. 2 о хожденіи съ звѣздой, *Чарованіе* (*Zauberer*) и *обаяніе* сословны, но способами различны. „Чарованіе, по изъясненію мірскаго „Попребника 1639 г., есть, еже обаваніемъ и „призываніе бѣсовъ (чертей) нѣкое дѣяніе „яковолубо, на вредъ инымъ“ (31).

Способы гаданія бываютъ естественные или искусственные, какіе встрѣчаются не только у Воспочныхъ народовъ, но у Грековъ, Римлянъ и Славянъ. Къ первымъ принадлежатъ примѣпы, наблюденіе естественныхъ явленій, на пр: *птицеволхваніе* (*auguria*,

(30) Карамз. И. Г. Р. ч. IV. прим. 380.

(31) *Волхвъ* на Скандии. *Alfve*, или *Olfve*, духъ, жрецъ. Въ Славяногорос. Лексиконѣ *Памвы Беринды*, 1631 г., „Кудесникъ, *чортъ* или *чаровникъ* въ Москвѣ наричаешся.“ По Богемски *Чартъ*.

auspicia), а къ другимъ производимыя искусствомъ, на пр: *Κηρομαντεία*, литье воска и п. п.

Благопріятнѣйшимъ временемъ для гаданій почитается ночь, особливо полночь. Важнѣйшія изъ нихъ на канунахъ Нового года, или въ *Овсень*, и Крещенія, или *Свѣти*.

Гадающіе собираютъ кольца, перстни, запонки, сережки и другія вещицы, кладутъ ихъ въ блюдо съ кусочками хлѣба и накрываютъ полотенцемъ, или ширинкою. Сначала поютъ *пѣсню хлѣбу и соли*, потомъ другія подблюдныя пѣсни; по окончаніи каждой, запустивъ руку въ накрытое, блюдо подъ его покровъ, ловятъ что попалося. Къ етому примѣнялось содержаніе пѣсни, изъ коего выводятъ себѣ предвѣщаніе (32), на пр:

Лепитъ соколъ изъ улицы,
Голубушка изъ другой;
Сплетались, цѣловались,
Сизыми крыльями обнимались.

Послѣ присужалось, что дѣлать за выкупъ вещей. Последнему, когда оставалась одна вещица, пѣли обыкновенно свадебную пѣсню: *дорогая моя гостейка*, и кольцо капили по полу, загадывая, въ какую сторону оно покапится: если покапится къ дверямъ —

(32) *Dissertations sur les antiquités de la Russie, par M. Guthrie, à S. Pet. 1795, in 12.*

дѣвушкѣ къ замушспву, мущинѣ — дорѣга (32). За подблюднымъ загадываніемъ, по сущности своей споль сходнымъ, какъ мы замѣтили, съ Греческими *κληδών* и *κληδόνισμα*, слѣдуешъ *хороненіе золота*.

Въ Руской символкѣ золопо играешъ важную роль. Изъ опечеспвенной лѣпоиски видимъ, что Рускіе, при договорѣ съ Греками, полагая золопо предъ Перуномъ и Волосомъ, клялись, что если нарушатъ договоръ, то да *будутъ золопи яко золопо*, и что Югорскіе Князья давали себя Великому Князю на *опасѣ* и въ знакъ вѣрности *пили воду съ золопа* (33). Епо подпверждаешъ самая поговорка о чемъ либо имѣющемъ сбпнься: *Сѣ твоего слова, какѣ сѣ золопаго блюда*.—*Хороненіе жъ золопа* должно бытъ однимъ изъ древнихъ повѣрьевъ и обрядовъ. Оно пеперь состоиптъ въ помѣ, что сидящимъ дѣвицамъ и мущинамъ пихонько даешся оставшееся опъ подблюдной пѣсни кольцо, которое они пайкомъ передаютъ другъ другу: между пѣмъ одна или одинъ ищешъ его, при пѣніи обрядовой пѣсни, до пѣхъ поръ, пока не найдешъ. Пой-

(33) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837, въ 6. стр. 58—67. (33) *Карамъ*. И. Г. Р. VI, прим. 461. — Евреи также клялись *златомъ* храмовымъ, какъ видно изъ *Ев. Матвея*, XXIII, сш. 16.

манный опять начинаешъ опыскивашъ и п. д. Дѣвушки также выходятъ ночью на улицу спрашивашъ перваго встрѣшняго объ имени, вѣря, что ещмъ именовъ будешъ называшъся ихъ суженый. Изъ Споглава видимъ, что *оклишки* были древнимъ у народа суевѣриемъ. Гадальщики и гадальщицы ходяшъ слушашъ подъ окны чужихъ домовъ и, судя по услышаннымъ ими словамъ, веселому или неприятному разговору, предрекаюшъ себѣ пріятную или скучную жизнь въ замужствѣ. Онѣ въ полночь у церкви слушаюшъ подъ замкомъ; и если шамъ почувдился имъ печальное или радостное пѣніе: то выводяшъ изъ перваго предвѣщаніе себѣ смерти, а изъ другаго свадьбы. — Кромѣ ешихъ, бываюшъ еще слѣдующія гаданія, во многомъ сходныя съ Римскими авгуріями, Скандинавскими и Германскими ворожбами и вѣрояшно съ Мерянскими или Финнскими будесами.

„Снявъ съ насѣспи куръ, приносяшъ въ шу горницу, гдѣ заранѣ приготовлены въ прехъ мѣспахъ вода, хлѣбъ, кольца золотыя, серебряныя и мѣдныя. Если чья курица спанешъ пипъ воду — мужъ будешъ пьяница; если спанешъ ѣспъ хлѣбъ — то мужъ будешъ бѣднякъ; если возьмешъ кольцо золотое — мужъ будешъ богачъ, если серебряное — то средняго соспоянія, еслижъ мѣд-

ное — по нищій (34). Въ Костромской Губ. о Святкахъ холостые парни и дѣвицы ходящъ въ курячьи хлѣвы, и зажмуривъ глаза, снимающъ курицу съ насѣсти (насѣдала). Какого цѣпша курица, такого будетъ, по примѣнѣ, суженый или суженая.“ Въ Сибири выпускающъ на средину комнапы курицу съ цѣпухомъ и замѣчаютъ, если пѣтухъ гордо расхаживаетъ и щиплетъ курицу, по мужъ будетъ сердитый; но если и курица храбрится передъ пѣтухомъ: по значить, что жена возьметъ верхъ надъ мужемъ.“

„Выводящъ лошадей изъ конюшни чрезъ оглоблю или черезъ жердь. Если лошадь зацѣпитъ за оглоблю или жердь ногами: по мужъ будетъ сердитый, а житье несчастное; еслижъ перейдетъ, не зацѣпивъ, по мужъ будетъ смирной и житье счастливое. Такъ въ Ругенѣ предъ началомъ войны гадали жрецы объ успѣхѣ, переводя бѣлаго коня Свѣтовидова черезъ нѣсколько жердей, а въ Шпешинѣ вороного коня черезъ копыя.“ Слѣды подобнаго гаданія находить въ Ярославской и Калужской Г. нашъ ученый юристъ Профессоръ Морошкинъ (35).

(34) Сказанія Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, собр. И. Сахаровымъ. Слб. ч. 1 и 2. 1837, въ 8.

(35) Опытъ Исторіи Росс. Государственныхъ Законовъ, сочин. А. Рейца, перев. О. Морошкина. М. 1836, въ 8.

„Выходятъ къ забору и говорятъ : „Залай, залай, собаченька! Залай, сврѣнькій волтекъ! Гдѣ собака залаетъ, тамъ мой суженой!“ Въ которой споронѣ дѣвушка услышавъ лай, въ шой и будетъ жить за мужемъ. Чѣмъ ближе слышенъ лай, тѣмъ ближе будетъ жить : чѣмъ глуше, тѣмъ далѣе. Толстый, охриплый лай означалъ спарика, а звонкій и тонкій — молодаго (36).“

„Бросають башмаки черезъ воропа на улицу, потомъ выходятъ смопрѣшь: въ которую сторону обращенъ онъ носкомъ, тамъ и бытъ за мужемъ; еслижъ башмакъ лежишь обращенный къ воропамъ дома : по сидѣшь въ дѣвѣхахъ ешошь годъ.“

„Какъ въ нѣкоторыхъ спранахъ Германіи, такъ и въ Россіи о Свяпкахъ льюшь воскъ и олово въ воду, и по вылишымъ фигурамъ узнають свой жребій, счастье или неудачу, урожай или голодъ (37). Въ Попробникѣ 1639 г. *восколбїи* и *оловолбїи* называются чародѣями.“ „Распопивъ олово, опускають въ воду на имяшого, о комъ загадываютъ: когда

(36) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837, въ 8. —
Абелега Рускихъ суевѣрій и пр. соч. М. Ч. 1786, въ 8.

(37) Handbuch der Germanischen Alterthumskunde von D.
H. Klemm. Dresden. 1836, въ 8.

выльется подобіе гроба, по предвѣщаетъ смерть въ пость годъ, если вѣней — по замужство, еслижъ домъ — по перемѣну жилья.“

„Если желаютъ дѣвицы знать, что чится въ слѣдующемъ году; по взявши три вещи: зборникъ, ш. е. головной женскій уборъ, часть хлѣба и шпучку дерева, закрываютъ ихъ горшкомъ съ разными приговорами. Та дѣвица, которая желаетъ узнать свою участь въ наступающемъ году, закрывъ себѣ глаза, подходитъ къ горшку и беретъ себѣ попавшуюся вещь. Зборникъ означаетъ замужство, часть хлѣба — сидѣнье въ дѣвкахъ, а шпучка дерева — гробъ. (38).“ Такъ дѣлается у поселянъ въ Косіромской Губ.

„Еще каждая дѣвица желая знать, проживетъ ли она епошь годъ, беретъ въ руки березовую лучину, бѣгаютъ къ рѣкѣ или роднику, мочутъ въ водѣ лучину и возвращаясь домой, зажигаютъ ее на огнѣ: у которой скоро загорится, той проживетъ епошь годъ: а у которой не скоро загорается, той умереть.“

„Также въ Вельской и Шенкурской округахъ гадаютъ о годовой судьбѣ слѣдующимъ

(38) Свѣдѣнія о народныхъ праздникахъ въ Шенкурской и Вельской округахъ, рукоп. М. Мясникова, 1829.

образомъ : нѣсколько дѣвицъ взявши сполени-
 никъ, хлѣбъ, ножикъ и коровью сырую кожу,
 идущъ на перекрестокъ или на прорубь, раз-
 еспилають памъ кожу, кладуть на нее
 хлѣбъ и ножикомъ очерчивають кругъ,
 въ коемъ и сядяся, закрывъ себя спо-
 лениникомъ, или скапертью, и ухвасивъ другъ
 друга за мизинецъ, дѣлають завѣщаніе,
 чпобъ судьба возвѣспила имъ, чпо случится
 съ ними въ наступающемъ году — и въ
 таинственной тишинѣ полночи слушають :
 одной слышился, чпо ѣдущъ женихи боль-
 шимъ поѣздомъ со звономъ колокольчиковъ,
 другой чудился, чпо на полѣ большое со-
 браніе народа, знакъ обильной жапы и пр.
 (39). Чпо дѣлается не только въ Россіи, но
 и въ Шотландіи: по свидѣтельству В. Скоп-
 та, гадають ночью, завернувшись въ сырую
 воловью или коровью кожу, сядяся въ ожи-
 даніи отвѣтовъ на сдѣланные вопросы, или
 имѣють видѣнія, коими открывається буду-
 щее гадающимъ (40).

„Надобно ли узнать имъ жениха своего:
 дѣвушки беруць по клочку соломы, вскло-
 чивъ и перепушавъ ее въ комъ, кладуть на
 споль, на солону спавяють железную скowo-

(39) Poetical works of S. Walter Scott. XII v. Edingb.
 1823, 21.

(40) Сатирическій Вѣстникъ, ч. V. М. 1790, въ 72, стр.
 75. о Селткахъ.

роду, а въ нее полагають камень и льютъ нѣскольکو воды; попомъ начинаютъ медленно выдергивать изъ подъ сковороды по соломенкѣ, опъ сопрясенія сковороды бряцаетъ и въ бряцаніи гадающія воображаютъ слышатъ имена своихъ суженыхъ.“

„Берутъ лучину, обвернутую льномъ, выпыкають ее въ щель и зажигаютъ; если лучина упадетъ на спору, то примѣчаютъ, что пуда же бытъ опданной въ замужство.“

„Въ спаканъ воды выпускають бѣлокъ яичный, который и спавяютъ въ печь. Черезъ нѣскольکو времени, вынувъ спаканъ, примѣчаютъ, что или бѣлокъ подымется въ видѣ башни: то бытъ браку, а когда въ видѣ чепвероугольника, то приближеніе смерти; браку же не бытъ, если бѣлокъ не подымется.“

„Въ сковороду наливается вода; попомъ на положенные въ нее камни кладутся распрепанные охлопки, кои, зажегши, накрываютъ горшкомъ. Если вода сильно залокочетъ: то, по замѣчанію суевѣровъ, у невѣстки будетъ свекровь сварливая.“

„Пяпясь задомъ къ полѣнницѣ дровъ, и взявъ полѣно, идутъ домой. Скольکو на полѣнѣ сучковъ, столько будетъ и людей въ

помъ семействѣ, въ которое вспушишь; если полно безъ сучьевъ, то будетъ жить въ бѣдности и одиночествѣ; еслижъ шероховато: то въ богатствѣ.“

„Положивъ на полъ кольцо, крючекъ изъ соломы и кусокъ хлѣба, покрывающъ ихъ плашкомъ, изъ подъ коего вынимающъ: если вынешся кольцо, то женихъ будетъ щеголь, если хлѣбъ — богачъ, еслижъ крючекъ — бѣднякъ, *бѣдный крюкъ*.“

„Дѣвка выходитъ на перекрестокъ; положивъ въ подолъ нѣсколько снѣгу, прясешъ его, приговаривая: *„Взлай, взлай, собака! на моей сторонкѣ!*“ Съ которой стороны услышишь голосъ, шуда, примѣчающъ, и опдадущъ въ замужство.“

„Ходящъ еще къ омету соломы, закинувъ голову назадъ, берущъ рпомъ соломинку; ежели она будетъ съ колосомъ; то примѣчающъ, что вышедшая въ замужство станешъ жить богато, а бѣдно, если соломина попадется безъ колоса.“

„Также выходящъ дѣвки въ полночь на перекрестокъ и загадавъ о будущемъ своемъ женихѣ, очерчивающъ кругъ, и споя въ немъ, прислушивающъ, и когда почувдися имъ звонъ колокольчиковъ, или смѣхъ, или ве-

село пѣніе, по заключають, что бытъ за мужемъ; еслижъ послышишь имъ плачь, вой или унылое пѣніе, по значить умереть“ (41). На перекресткѣ также смотрять и видять въ зеркаль суженаго и ряженаго (42).

„Садясь на лошадь, и завязавъ ей глаза, дають ей волю иппи: куда она поидеть, въ шой споронѣ и бытъ дѣвицѣ за мужемъ.“

Въ полночь гадающія дѣвицы садятся у оконъ, приговаривая каждая: „Суженой, ряженой! поѣзжай мимо окна“. Ежели копорая услышитъ поѣздъ съ крикомъ и свистомъ: по предрекаетъ себѣ жизнь веселую и счастливую, еслижъ поѣздъ тихій: по замужняя жизнь будетъ въ бѣдности.

Въ началѣ еще XVII вѣка существовало въ Россіи гаданіе на бобахъ, какъ видно изъ вышеприведеннаго Попребника мірскаго, гдѣ запрещается *вдроватъ бобамъ*, и изъ пословицы народной: *Чужую бѣду бобами раз-*

(43) см. Народные праздники и обычаи Костромской Губерніи, особенно въ Нерехотскомъ и Кинешемскомъ уѣздахъ, М. Я. Діева и Ю. Н. Бартелева.

(42) Абевага Рускихъ суевѣрій. М. Ч. Москва, 1786, въ 8.

веду, къ своей бѣдѣ ума не приложу. см:
1 часть сей книги, стр. 28.

По такимъ способамъ гаданія, узнавъ состояніе, нравъ и имя жениха, пытливыя дѣвицы желаютъ еще видѣть своего суженаго въ лице и даже поговорить съ нимъ. Это важное и страшное гаданіе совершается въ самую полночь.

„Въ темномъ покоѣ ставятъ на столъ зеркало, а предъ зеркаломъ зажженная свѣча. Дѣвица одна одиноконька входитъ въ покой, смотритъ черезъ свѣчу въ зеркало и видитъ своего суженаго. Когда она скажетъ *турб* *меня*: явленіе исчезаетъ.

Въ Сибири ставятъ два зеркала одно противъ другаго: передъ однимъ дѣвица сама спавила на столъ двѣ свѣчи, а другое позади себя, очерпивъ лучинкою, коею зажженъ былъ огонь въ сочельникѣ, и глядя въ зеркало приспально. Сначала будто зеркало подергивалось туманомъ, потомъ мало по малу прояснялось и суженой глядѣлъ черезъ плечо дѣвицы. Тогда надобно было зачураться, а не оглядываться (43).

(43) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837 г. въ 8. — Записки о нравахъ, обычаяхъ и повѣрьяхъ Нерехотскаго уѣзда, М. Я. Діева.

„Накрывъ столъ или ужинъ для суженаго, о которомъ мы наметнули выше, при сравненіи съ Еврейскими и Скандинавскими древностями. Для етого спавятъ два прибора, хлѣбъ, соль, ложки, и около полуночи дѣвушка, пытающая судьбу свою, садится за столъ одна, очерчивается и говоритъ: *Суженый ряженый! пруди ко мнѣ ужинать.* Лишь только пробьетъ полночь, является женихъ въ помъ самомъ нарядѣ, въ какомъ будетъ на сговорѣ, и садится за столъ. На всякій случай берутъ съ собою пѣтуха для того, что если не поможетъ зачуранье и гость засидится: то надобно хорошенько дакнуть пѣтуха — онъ запоетъ и все исчезнетъ.“ Признаки приближенія суженаго слѣдующіе: въспрь завоетъ и свиститъ подь окнами; въ спавни и дверь спучатся, понесетъ смрадный запахъ, предшественникъ суженаго. Разумѣется, что о подобныхъ гаданіяхъ есть въ народѣ много преданій и чудесныхъ рассказовъ, кои дѣйствуютъ на воображеніе.

Къ святошнымъ гаданіямъ принадлежатъ также *сновидѣнія* (44), кои почтпаются тогда

(44) О великахъ Господскихъ и Богородичныхъ праздни-
кахъ. Кіевъ. 1835, въ 12.

за предсказанія. Къ нимъ дѣлають слѣдующія приготоваенія :

„Собравъ изъ прущиковъ моспигъ, кладуть его подъ подушку. Дѣвушка ложась спать, приговариваетъ: „Кпо мой суженой, „кпо мой ряженой, пошь переведешъ меня „черезъ моспъ!“ Суженой является во снѣ и переводитъ за руку чрезъ моспъ.“

„Беруть наперстокъ соли, наперстокъ воды, смѣшиваютъ все и глопають. Ложась спать, дѣвушка говоритъ : „Кпо мой суженой, кпо мой ряженой, пошь мнѣ пипъ „подаспъ“. Суженой пригрезился во снѣ и подаетъ пипъ.

„Также кладуть подъ подушку гребенку съ такими словами : „Суженой, ряженой! „причеси мнѣ голову.“ Онъ будпо является и чешетъ голову и ш. д.

Подобныя жъ гаданія наблюдаются и въ другихъ Губернiяхъ, только съ нѣкоторыми опмѣнами.

Гаданія на сонъ совершаются дѣвучками по указанiю старухъ, опытныхъ въ епомъ дѣлѣ. Особенный предметъ гаданiй *суженый ряженный*, сходный съ Скандинавскимъ *Iule-Vaetter*, означаетъ роковаго, назначаемаго судь-

бою и *рядомб*, п. е. опредѣленіемъ; ибо въ прѣспонародномъ языкѣ и бракъ называется *судбою*, какою располагала въ спарину у Рускихъ не одна воля дѣшей, а воля родителей.

§ 3. Въ составъ святочныхъ игръ входятъ и *загадки*, кои передаются изъ рода въ родъ. Епосъ способъ представленія предмета, околичностями, сходный съ символическимъ способомъ изображенія и споль благопріятный нравственной цѣли, имѣлъ опчизну свою на древнѣйшемъ Воспокъ; онъ сроденъ и Рускому народу, который гораздъ на выдумки и смѣшливъ — у него издревле ведутся загадки. Въ спаринной сказкѣ XVI вѣка о *купцѣ Кіевскомѣ* изображается *гордый Сміанѣ*, который загадывалъ загадки спранникамъ и кои разгадалъ Кіевлянинъ Борзосмыслъ (45). Особенно время годовыхъ гаданій бываетъ порою и загадокъ, кои нерѣдко имѣють форму шарадъ и логогрифовъ: обыкновенно ихъ предлагаютъ спарые и бывалые молодцамъ и дѣвицамъ для испытанія ихъ догадливости и смѣшливости, напр:

„Мать толсна, дочь красна, сынъ хоро-
„беръ въ небеса ушелъ.“ (Печка, огонь, дымъ.)

или „Выду я на гой, гой, гой, и Ударю
„я гой, гой, гой! Разбужу Царя въ Москвѣ,

(45) *Харалз.* И. Г. Р. т. VII, прим. 411.

Короля въ Липвѣ, спарца въ кельи, дитю въ колыбели, попа въ терему.“ (Колоколь.)

Между загадками рассказывались и сказки о старомъ мишь-бышь, присказки, и прибаутки, которыми обвеселялась бѣсѣда.

Какъ пѣсни, такъ и сказки и загадки различаются по мѣстности, которая вкупѣ съ временемъ владѣтъ на нихъ свою печать (46).

§ 4. Выше замѣтили мы, что въ Святкамъ относятся нѣкоторые обычаи, родившіеся въ Хрістіанскомъ мірѣ у Славяно-Рускихъ и состоящіе изъ Хрістіанскихъ воспоминаній о Рождествѣ Спасителя. Таково *тожденіе* по домамъ съ *вертепомъ* и *звѣздой* и *славленіе* дѣтей, сходное съ западною *Календою*, которое заключается въ чтеніи рацей, сочиненныхъ на епотъ случай. Хотя первое болѣе упошребительно въ малой и бѣлой Россіи; однакожь встрѣчается въ нѣкоторыхъ странахъ Сѣверной Россіи и даже въ Сибири. Въ Шенкурской и Вельской округахъ съ 25 Декабря цѣлую недѣлю ходятъ ребяты со *звѣздой*, сдѣланною

(46) см. *Загадки* во 2 части Сказаній Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, собр. И. Сахаровымъ. Спб. 1837, въ 8.

изъ бумаги, въ аршинъ величиною, съ разными прикрасами и освѣщаемою свѣчами. Пришедши подъ окна дома, сперва поюпъ они пропарь и кондакъ празднику, а потомъ *виноградъ* (см. пѣсни): между пѣмъ звѣзда безпрестанно круговращается. Пропѣвъ виноградъ, поздравляютъ ховина и хозяйку съ праздникомъ, наконецъ восклицаютъ: *на славу Божию*; етимъ они просятъ себѣ подачи. Тогда хозяинъ приказываетъ одному изъ славильщиковъ войти къ себѣ и даетъ ему денегъ. Такая звѣзда, хожденіе съ нею и цѣніе винограда вообще тамъ извѣстно подъ именемъ *Коледы*.

Въ Сибири также ходили *съ вертепомъ*, который былъ ящикъ о двухъ ярусахъ: въ немъ представляли деревянными фигурами равныя сцены, относящіяся къ Рождеству Христову: явленіе Ангеловъ, поклоненіе Волхвовъ, бѣгство во Египетъ. Въ верхнемъ ярусѣ вертепа представлялась смерть Ирода, а въ нижнемъ пляски. При етомъ обыкновенно дьячекъ зажигалъ свѣчи, коими освѣщался вертепъ, а пранезникъ гасилъ ихъ; у одного былъ за плечами кузовъ, у другаго въ рукахъ шарелка, на которую клали деньги. Съ вертепомъ хаживали мальчики, иногда въ

сопровожденіи гудочника или скрипача (47).
см. ч. I, стр. 166.

Хотя въ Россіи не было западнаго праздника *третѣ Царей*; но со временъ Царя Алексія Михайловича введено въ обыкновеніе ходити Государямъ о Святкахъ *славить* даже къ подданнымъ своимъ. Въ такомъ отношеніи слово *славить* значить хвалить, благодарить; соопвѣтствуетъ Греческому *ἐπευχαριστεῖν*, и Лат. *laudare, colere*, такъ какъ *слава* созвучна съ переспановленными буквами въ словѣ *laus*. Славленіе это начиналось по полудни праздника слѣдующимъ образомъ: Процессіи предшествуютъ двое чиновниковъ, съ барабанами въ рукахъ и ударяютъ въ нихъ палочками, обвернутыми сукномъ. За ними слѣдуетъ Царь со всемъ клиромъ и съ полною Князей и Бояръ: они ѣдутъ на сняхъ и посѣщаютъ значившихъ придворныхъ вельможъ. По вступленіи въ домъ къ кому либо, поютъ *Тебе Бога хвалимъ* и поздравляютъ съ новымъ годомъ. Потомъ хозяинъ подноситъ Царю подарокъ деньгами и угощаетъ его со свиткою. Послѣ угощенія, они

(47) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837, въ 8.

опправляюпся къ другому вельможѣ (48). „Московскіе Государи“, говоритъ Бруинъ въ своемъ путешествіи (49), 1649 года, „по-
 „сѣщающъ значнѣйшихъ изъ своихъ поддан-
 „ныхъ и чужестранцевъ предъ праздникомъ
 „Богоявленія. Въ такомъ случаѣ ихъ угоща-
 „ющъ: и епо называется *славеньемъ*. Царь
 „ходилъ, сопровождаемый Князьями, Боя-
 „рами и другими царедворцами. Епа церемо-
 „нія началась 1702 года Января 3. Перваго
 „Бранса Царь Пётръ I посѣпилъ въ 9 часовъ
 „упра; съ нимъ приѣхало около 300 человекъ
 „на санихъ и верхомъ. Спобы покршы были
 „различными лакомствами, сперва подавали
 „холодныя, а потомъ горячія кушанья. Весе-
 „лостъ была непримужденная и напшки ли-
 „лись щедрою рукой. Около 3 часовъ Его Ве-
 „личество со всѣмъ своимъ дворомъ отпра-
 „вился къ Лупсу, гдѣ было такоежъ угоще-
 „ніе, потомъ въ другія мѣста, наконецъ вся
 „его свита поѣхала отдыхать въ дома, на-
 „рочно для ешого построенные.“ Изъ совре-

(54) *Constantini porphyrog. libri II, de ceremoniis aulae Byzantinae*, edit. I. Leichii et I. Reiskii, Lipsiae. 1754. f. 111
 Сауһолд'с Вепlagen zur verändert. Russland. Leipzig.
 1769—70, I T. in 8.

(49) *Bruyn Corn. travels into Muscovy, Persia and Eastindiens*. London. 1737, 2 v. f.

менныхъ записокъ видно, что наказываемы были кнутомъ и батогами тѣ, которые уклонялись отъ славленья. У Желябужскаго въ лѣтписи внесено, что „Григорій Камынинъ „бить плетью за то, что бывъ написанъ „въ славенье, да не задилъ“ (50). При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, о Рождествѣ Христовѣ давалась придворнымъ привычка дача, извѣстная подъ именемъ *славленого* (жалованья). Это-то *Коллада*; и теперь, вмѣсто *келлдовать*, по Руски можно сказать *славить*.

Петръ I съ Января 1, 1700 года, установилъ праздновать *новолѣтне*, по Европейскому обычаю, велѣлъ украшать дома зелеными вѣтвями, освѣщать улицы и т. п. Но это уже было гражданскій Государственный праздникъ, а не народный, который изъ всѣхъ особенно отличался множествомъ обрядовъ, примѣтъ и воспоминаній, въ коихъ представляется разнородная смѣсь языческихъ спихій съ христіанскими, коренныхъ отечественныхъ съ привитыми иноземными, древнихъ обычаевъ съ новыми.

(50) Дѣянія Петра I. ш. 2. изд. 2. М. 1837, въ 8.

Какъ всѣ народныя праздники въ началѣ своемъ были религіозныя и болѣе или мѣнѣе сходныя между собою, кромѣ мѣстныхъ различій: такъ и *Коледа* и *Святки*, извѣстныя почти во всемъ Славянскомъ мѣрѣ, даже по формѣ своей заключающъ въ себѣ не одну игру фантазіи младенчествующаго народа, но и мѣстическое значеніе, заимствованное изъ Языческаго міра. Протекая разныя эпохи Рускаго народа, епотѣ праздникъ удержался въ преданіяхъ, получилъ отъ народной жизни и характера новое развитіе и новое названіе. Какъ на материкѣ земли время накладываетъ разныя новыя слои: такъ и къ народности прививаются чуждыя повѣрья и обычаи, соотвѣтственно современнымъ понятіямъ. По сродной человѣчеству олицетворяемости и *Коледа* празднество, по примѣру Римскаго двуликаго Януса, въ послѣдствіи обращено въ Кіевское божество міра и торжествъ, какими обыкновенно оканчивалось прошедшее лѣто и начиналось новое (51); но вѣроятно она совершалась въ честь древнихъ олимпическихъ божествъ, Перуна, или Даж-

(51) Опытъ повѣствованія о Древностяхъ Рускихъ, *Гаар. Успенскаго*, 2 ч. изд. 2, Харьковъ, 1818, въ 8.

ба, или Волоса, предъ жопорыми клялись, полагая золото, на которыхъ намекаеть хороненіе золота и гаданіе. Такимъ образомъ древній обрядъ обращенъ въ мимическое лице и, какъ укоренившійся давностью обычай, вошелъ въ составъ жизни народной и семейной.

Коледа и Купало, въ Славяно - Рускомъ мѣрѣ, имѣя связь съ солнцестояніями зимнимъ и лѣтнимъ, составляютъ два главнѣйшія и важнѣйшія празднества въ году, къ которымъ должны имѣть отношеніе и другія торжества. Славянское коло, или колесо, символъ солнечнаго оборота и коловратности судьбы человѣческой (52), въ Коледѣ выражается одинаково и Скандинавскимъ *Iol, Iuel*, (юла?) и Финскимъ *Joulu* и Индѣйскимъ *Houli* и Греческимъ *κύκλος*: такъ какъ въ коледованіи подобозвучными словами Новогреч. *κοιλαδείν* пѣтъ, Санскрит. *Kāhala* восклицаніе и Сканди. *Kallada* восклицаніе, проявляется дѣйствіе или движеніе болѣе духовное. Повремени и сущности Святочные игры соотвѣтствуютъ Египетскому празднику Озирида или Ора, сопровождавшемуся гаданіями о жребіи, Римскому *Natalitia invicti. Solis*, Индѣйскому

(52) *Eddae Saemundinae. v. II et III. Havniae. 1828. in 4.*

Перуцѣ-Понголдъ съ Угадами и, Англо Саксонскому *Moedrenecht*. О древности этого праздника на Сѣверѣ свидѣтельствуетъ Прокпій Византіецъ VI вѣка, какъ выше замѣчено нами. *Коледа* же перешла поздно на Сѣверѣ Россіи съ Юга и Запада, гдѣ она съ незапамятныхъ временъ проявилась. Въ Святочныхъ обрядахъ — *гаданіи* и *переряживаніи* — замѣтно стремленіе къ общенію съ міромъ духовнымъ и внутренняя ихъ связь съ Демонологіею и Аспрологіею. Какъ Язычество превращалось въ Демологію, а языческія божества въ *демоновъ, тертей, оборотней*, какими онѣ называются и въ церковныхъ книгахъ и слывунтъ въ народѣ: то и въ нашихъ Святочныхъ игрищахъ мы находимъ слѣды этого вѣрованія, какое встрѣчаемъ у Грековъ въ среднія времена. см. выше стр. 32. И нынѣшніе Греки также вѣряють, что въ мрачныя ноці зимы, особливо со дня Рождества Хридова до Богоявленія, шапаются оборотни (*καρκάνταλοι*), *Савазіи* (53), *Паганіи* (54), или

(53) *Ὁ λύκος Σαβατιανός*, волкъ-оборотень — происходитъ, по мнѣнію Свиды, отъ Савазіи, то же что Вакхъ. см. *Потребникъ*. 1639 г. л. см. въ *Вѣстникѣ Европы* 1827, No 8, см. Обычай, повѣрья и праздники нынѣшнихъ Грековъ.

(54) *Паганіи* Греки представляють щощими колдунами съ головою осла и хвостомъ обезьяны. ср. *Taciti Hist.* V. 3, 4.

Опокентавры, похожіе на черныхъ Алфовъ у Дапчанъ, Шведовъ и Норвеждовъ. Нечиспныя сіи швары, по мнѣнію простолудиновъ, не что иное суть, какъ Жидаы ослопоклонники, ищущіе Мессіи съ пѣмъ, чтобы погубить его въ колыбели. Что у Нѣмцевъ die *Änecht Ruperte*, у Исландцевъ *Rúki*, у Ирландцевъ *Роока*, то у Рускихъ *Бука*, которымъ о Свяникахъ пугаюшъ дѣшей. Послѣ освященія воды въ Богоявленіе немедленно исчезаютъ сіи чудища и воздухъ очищается отъ заразительнаго ихъ дыханія. Въ роаяннѣ по етому, наряжавшіеся спрашилищами или святочниками для очищенія купающа въ Іорданѣ.

Предметъ Святочныхъ мѣовъ природа и жизнь — предметъ гаданій главнѣйшія условія челоѵка въ опредѣленномъ кругу времени: жизнь, смерть, свадьба, урожай и неурожай и другіе случаи жипейскіе. Самый мракъ и безмолвіе роковыхъ святочныхъ ночей соотвѣтствуютъ паинспвенности обрядовъ, кои предшеспвуютъ такъ называемымъ въ лѣтописяхъ *Свадебнымъ недѣлямъ*, продолжающимся отъ Водокрещей до Масляницы. Святочныя игры развились на нашемъ Сѣверо-Воспокъ вмѣстѣ съ развитіемъ общественной жизни. По мѣрѣ сближенія Рос-

сіи съ Европейскимъ Западомъ переселялись въ нее шамошнія *заморскія* повѣрья, миомъ и обряды, напоминающіе о древнемъ сродствѣ съ Греками, Римлянами и Нѣмецкими племенами, и примѣшавшісь дѣ кореннымъ, туземнымъ обычаямъ, у насъ обрусѣли: опъ сего въ нашихъ Свиночныхъ играхъ вспрѣчаются *Готскія*, бывшія въ Византіи. При переселеніи Гоговъ подъ предводительствомъ Одина III, онѣ могли перейти къ Славянамъ, если еще прежде не заимствованы первыми опъ послѣднихъ; ибо, по свидѣтельствіу Скандинавскихъ историковъ, тогда часть Гоговъ, или Азовъ, двинулась опъ Азовскаго къ Балтійскому морю, а опшуда къ Сѣверо-Востоку.

Польскими жартами (55) именовалось особенно наряжанье ковами, медвѣдами, журавлями и т. д. Нѣкоторыя изъ Свиночныхъ игръ въ Россіи, какъ-то: *фанты* (*fanty*), *жмурки* (*alera babka*) и пр., сходны съ Польскими (56). Все это ведетъ къ заключенію, что *маскированіе* и *переряживаніе* о Святкахъ перешли къ намъ съ Запада и по сему-то личины, налич-

(55) фартами. см. Москва, или историческій путеводитель. ч. 3. М. 1831, примѣн. 3. въ 8.

(56) см. *Ubiory w Polsce*, t. I. Lud Polski, t. II. Gry i zabawy, t. III.

ники, хари, маски называются *Латинскими*. Чпожъ касается до *гаданій*, то онѣ должны бытъ у насъ народными, древнѣе первыхъ, и истекають изъ кореннаго вѣрованія и быта, какъ видно изъ лѣтописей. Гаданія соединяются съ *пѣснопѣніями*, кои, не смотря на случайныя искаженія, носятъ на себѣ печать мѣстическую и признаки древнѣйшаго сродства или сосѣдства Славянъ съ Греками, Скандинавами и Финнами, у которыхъ находимъ слѣды подобныхъ обрядовъ и пѣсенъ. Нѣкоторыя изъ святочныхъ пѣсенъ прямо свидѣтельствуютъ о переселеніи однихъ обрядовъ съ Дуная въ предѣисторическія времена, а другихъ изъ Новагорода, союзника Ганзейскаго, на Московщину, вѣроятно, не прежде XVI вѣка; ибо въ первыхъ упоминается далекій отъ нашего Сѣвера *Дунай* и неизвѣстный у насъ въ Древности *виноградъ*, а въ послѣднихъ — *Новгородъ*; какъ-то:

Шла Коледа изъ Новагорода —

Шла щука изъ Новагорода и т. д.

Одинаковыя въ сущности, онѣ получили отъ мѣстности нѣкоторыя особенныя различія въ словахъ и оборотахъ.

I.

КОЛЯДСКІЯ ПѢСНИ И ВІНОГРАДЬЕ.

1.

Виноградье красно, почему спознать:
Что Успиновъ домъ Малафеевича,
Что у его двора все шелкова права,
Что у его двора все серебряный пынь;
Воропа у него дощашья,
Подворопички рыба зубья, (α)
На дворъ у него да при шерема: (β)
Во первомъ перему да свѣшель мѣсяць,
Во второмъ шерему красно солнышко,
Во шретьемъ перему часты звѣзды:
Что свѣшель мѣсяць, то Успиновъ домъ.
Что красно солнце, то Улипа его,
Что часты звѣзды, малы дѣпушки;
Да, дай Боже, Успину Малафеевичу,
Съ борзыхъ коней сыновей женишь,
Да, дай, Боже, Улипъ Хавровьевнѣ
Съ высока шерема дочерей выдавашь.
Подари, государь, колядовщиковъ!
Наша коляда ни рубль, ни полшина,
А всего польшалына. (*)

(*) См. Абевета Рускихъ суевѣрій. М. 1786, въ 8, стр. 224.

2.

Прикажи, сударь хозяинъ, ко двору пришши,
 Виноградъ красно зеленое.
 Прикажишко ты, хозяинъ, *коледу* просказатьъ,
 Виноградъ и проч.,
 Ахъ! мы ходимъ, мы ходимъ по Кремлю городу,
 Виноградъ и проч.,
 Уже ищемъ мы, ищемъ господнива двора:
 Виноградъ и проч.,
 Господниновъ дворъ на седми верстахъ;
 Виноградъ и проч.,
 На седми верстахъ, на осмидесять шолбахъ,
 Виноградъ и проч.;
 Чшо же около двора, да желъзной пынь,
 Виноградъ и проч.,
 Чшо на всякой же пычинкѣ по маковкѣ,
 Виноградъ и проч.,
 Чшо на всякой же по крестнику;
 Виноградъ и проч.,
 Чшо на всякомъ же крестнику по жемчужку,
 Виноградъ и проч.,
 А среди того двора, что при шерема спояшь,
 Виноградъ и проч., (*)

(*) Въ Устюгѣ Великомъ. см. Руководство къ физическому описанію областнаго города Устюга великаго; соч. Штабъ-лъкаря *А. Фриза*, 1793 г.

5.

Коляда, коляда!
 Пришла коляда
 Наканунѣ Рождества;
 Мы ходили, мы искали
 Коляду свящую
 По всѣмъ дворамъ, по проулочкамъ.
 Нашли коляду
 У Петрова-то двора;
 Петровъ-то дворъ желѣзной тынь:
 Среди двора три терема стояшъ,
 Во первомъ терему свѣшель мѣсяцъ,
 Въ другомъ терему красно солнце,
 А въ прѣшемъ терему часшья звѣзды:
 Свѣшель мѣсяцъ Петръ сударь,
 Свѣшь Ивановичъ;
 Красно солнце Анна Кириловна;
 Часшья звѣзды — то дѣши ихъ.
 Здравствуй хозяйнъ съ хозяйшкѣй
 На долгіе вѣки, на многія лѣта!

4.

За рѣкою, за быстрою, ой колѣдка!
 Лѣса спояшъ дремучіе,
 Во тѣхъ лѣсахъ огни горяшъ,
 Огни горяшъ великіе,
 Вокругъ огней скáмьи стояшъ,
 Скáмьи спояшъ дубовыя,

На пѣхъ скáмьяхъ добры молодцы,
 Добры молодцы, красны дѣвицы
 Поюшъ пѣсни колѣдушки.
 Въ срединѣ ихъ спарикъ сидишь,
 Онъ почишь свой булатной ножъ.
 Кошель кипитъ горючій,
 Возлѣ кошла козель стоишь;
 Хотяшь козла зарѣзати.
 Ты, братаецъ Иванушко,
 Ты выди, ты выпрыгни!
 Я радъ бы выпрыгнулъ,
 Горючь камень
 Къ кошлу шянеть,
 Желшы пески
 Сердце высосали. (1)
 Ой колѣдка! ой колѣдка!

-
- 1). Здѣсь изображается жертвоприношеніе, гдѣ насыпался песокъ, въ который у Сѣверныхъ народовъ изливалась кровь жертвы; ещо выражаютъ слова: *пески сердце высосали*. См. сію пѣсню въ I части етой книги, стр. 103.
- 2). Здѣсь помѣщены только *пѣсни Колѣдскія* какія извѣстны въ Велико-Россіи, а Малороссійскія найши можно у Г. Максимовича въ собраніи, и у другихъ. Вѣроятно въ полнѣйшемъ собраніи Г. Киреевскаго, веперьливо ожидаемомъ, найдутся и другія Колѣдки, открытыя имъ въ путешествіяхъ по Россіи.
-

II.

ПѢСНИ СВЯТОЧНЫЯ.

1.

Слава Богу на небѣ,

Слава !

Государю нашему на сей земли ,

Слава !

Чтобъ нашему Государю не спаръшья ,

Слава !

Его цвѣшному плашью не изнашивашья ,

Слава !

Его добрымъ конямъ не изъѣзживашья ,

Слава !

Его вѣрнымъ слугамъ не измѣнивашья ,

Слава !

А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ ,

Слава :

Хлѣбу поемъ , хлѣбу чешь воздаемъ.

Слава !

2.

Кашилося зерно по бархашу ,

Слава !

Еще ли шо зерно бурмишское ,

Слава !

Прикашилося зерно ко яхоншу ,

Слава !

Крупень жемчугъ со яхоншомъ ,

Слава !

Хорошь женихъ со невѣспюю .

Слава !

Да кому мы спѣли , шому добро ,

Слава !

Кому вынешся , шому сбудешся ,

Тому сбудешся , не минуешся .

Слава !

3.

Идешъ кузнецъ изъ кузницы (γ) ;

Слава !

Щубенка на немъ худенька ;

Слава !

Одна пола во сто рублей ,

Слава !

Другая пола въ тысячу ,

Слава !

А всей-шо шубенкѣ цѣны нѣтъ ;

Слава !

Цѣна ей у Царя въ казнѣ ,

Слава !

У Царя въ казнѣ , въ золопомѣ ларцѣ.

Слава !

4.

Идешъ кузнецъ изъ кузницы ;

Слава !

Несешъ кузнецъ при молота ;

Слава !

Кузнецъ, кузнецъ! ты суй мнѣ вѣнецъ.

Слава !

Ты суй мнѣ вѣнецъ и золопъ и новъ ,

Слава !

Изъ ошпапочковъ золопъ перспень,

Слава !

Изъ обрѣзочковъ булавочку.

Слава !

Мнѣ въ помѣ вѣнцѣ вѣнчаться ,

Слава !

Мнѣ шѣмъ перспнемъ обручаться,

Слава !

Мнѣ шюю булавкою убрουςь пришыкашь.

Слава !

5.

Лешипъ соколь изъ улицы ,

Слава !

Голубушка изъ другой ;

Слава !

Слешалися, цѣловалися,

Слава !

Сизыми крыльями обнималися ;

Слава !

Ужъ и имъ добрые люди дивовалися ,

Слава !

Какъ соколь съ голубушкой уживалися.

Слава !

6.

Скачешъ груздочекъ по ельничку,

Слава!

Ищешъ груздочекъ бѣляночку,

Слава!

Не груздочекъ скачешъ, а боярской сынъ,

Слава!

Не бѣляночки ищешъ, а боярышни.

Слава!

7.

Ужъ какъ вышло пузище на рѣщище,

Слава!

Вынесло пузище осмину вшей,

Слава!

Осмину вшей, ноль-осмины блохъ,

Слава!

8.

Распворю я квашонку на донышкѣ,

Слава!

Я покрою квашенку чернымъ соболемъ,

Слава!

Ополшу квашонку краснымъ золопомъ.

Слава !

Я поспавлю квашенку на сполбичкѣ,

Слава !

Ты взойди , моя квашенка , съ краями ровна ,

Слава !

Съ краями ровна и совсѣмъ полна.

Слава !

9.

У Спаса въ Чигасахъ за Яузою (Ѣ),

Слава !

Живушь мужики богашые,

Слава !

Гребушь золото лопашами,

Слава !

Чиспо серебро лукошками.

Слава !

10.

Шла шука изъ Нова-города,

Слава !

Она хвосць волокла изъ Бѣла-озера;

Слава !

Какъ на щуку чешуйка серебряная,

Слава !

Что серебряная, позолоченая,

Слава !

А головка у щуки унизанная!

Слава !

11.

На корысть сижу,

Слава !

Я корысти гляжу;

Слава !

Я еще посижу.

Слава !

Я еще погляжу,

Слава !

Я глядь-поглядь,

Слава !

И корысть пришла на дворь,

Слава !

И корысть на дворь, женихи за споль.

Слава !

12.

Чарочка поплывушечка,

Слава !

До чего тебѣ доплывати?

Слава !

Пора тебѣ вонъ выплывашь,

Слава !

Князьямъ, Боярамъ вино подносишь.

Слава !

13.

Ахъ! ты, мати, съй мучицу, пеки пироги.

Слава !

Какъ къ тебѣ будущъ госпи нечаянные,

Слава !

Какъ нечаянные и невиданные,

Слава !

Къ тебѣ будущъ госпи, ко мнѣ женихи,

Слава !

Къ тебѣ будущъ въ лавшяхъ, ко мнѣ въ сапогахъ (е).

Слава !

14.

Жемчужина окашная!

Слава!

До чего тебѣ докашишься?

Слава!

Пора тебѣ выкашишься,

Слава!

Князьямъ и боярамъ на шапочку.

Слава!

15.

Спопятъ сани снаряженые,

Слава!

И полостью онѣ подернушы,

Слава!

Только съспѣ въ сани, да поѣхати.

Слава!

16.

Ужъ какъ кличешь кошь кошку :

Слава!

Ты поди, моя кошка, въ печурку спашь,

Слава!

У меня у коша есть сляница вина ,

Слава!

Есть сшкляница вина и конецъ пирога,

Слава !

Уменя у коша и постеля мягка.

Слава !

17.

Вился, вился ярый хмѣль,

Слава !

Около пычинки серебряныя :

Слава !

Такъ бы вились Князья и Бояре,

Слава !

Около Царя православнаго.

Слава !

18.

Покачу я колечко кругомъ города,

Слава !

А за шѣмъ колечкомъ я сама пойду,

Слава !

Я сама пойду, милова найду.

Слава !

19.

Ласпочка, касашочка,

Слава !

Не вей гнѣзда во высокомъ перему,

Слава !

Вѣдь не жить тебѣ здѣсь и не лешываши.

Слава !

20.

Саночки, самокашочки,

Слава !

Они сами канялѣть, сами вѣхашъ хошашъ.

Слава !

21.

По огороду хожу, полопенцы спелю,

Слава !

Я еще похожу, я еще постелю,

Слава !

22.

Ахъ! ты гнутое деревцо, черемухка!

Слава !

Куда клонишься, туда склонишься.

Слава !

81

23.

Ты маши, маши, порода моя,

Слава!

И шы взгляни, маши, въ окошечко,

Слава!

И выкинь, маши, опушинку,

Слава!

Чшобы было чемъ опушать ясна сокола,

Слава!

Чшо ясна сокола, шо моего жениха.

Слава!

24.

Ужь какъ на небѣ двѣ радуги,

Слава!

У богатаго мужика двѣ радости,

Слава!

И онъ сына-шо женишь,

Слава!

Дочь замужъ опдаешъ.

Слава!

25.

И я золото хороню, хороню,
 Чисто серебро хороню, хороню;
 Я у бапюшки въ перему,
 Я у машушки въ высокѣмъ.
 Гадай, гадай, двѣца, ошгадывай красная:
 Въ коей рукѣ былица,
 Змѣиная крылица?
 И я рада бы гадала,
 И я рада бы ошгадывала,
 Кабы знала, видала;
 Черезъ поле идучи,
 Русу косу плещучи,
 Шеджомъ первиваючи,
 Злапомъ приплетаючи.
 Ахъ! вы кумушки, вы голубушки,
 Вы скажите, не ушайте,
 Мое золото отдайте!
 Меня маши хочеть биши,
 По при утра, по чешыре,
 По при прута золошые,
 Четвершымъ жемчужнымъ.
 Паль, паль першень
 Въ калину, малину,
 Въ черную смородину.
 Очушилса першень
 Да у боярина, да у молодова,
 На правой на ручкѣ,

На маломъ мизинцѣ.
 Дѣвушки гадали,
 Да не ошгадали,
 Красныя гадали,
 Да не ошгадали;
 Наше золошо пропало,
 Чисшымъ порохомъ запало,
 Призаиндивѣло, призаплеснивѣло.
 Молодайка, ошгадай-ка !

26.

Золошая парча развиваешся,
 Кшо-шо въ дорогу собираешся (*).

27.

Разцвѣли въ небѣ двѣ радуги,
 У красной дѣвицы двѣ радости :
 Съ милымъ другомъ совѣшь
 И распворомъ подклѣшь.

28.

Пошли гусли въ доль по лавкѣ,
 Впередъ по скамейкѣ ;
 Мы дойдемъ до умника,
 До разумника Ивана Михайловича :
 Ты пожалуй намъ, умникъ ,

(*) Телеграфъ, 1831, No 5. Въ Тул. и Орлов. Губерніяхъ.

Съ правой руки зѣлошь першень ,
 Съ буйной головы зѣлошь вѣнецъ (*).

29.

Рылся кочешокъ на заваленкѣ ,
 Вырыль кочешокъ жемчужинку.
 Кому спѣли , тому добро.

30.

Кашилася одонья ржи ,
 Кому прикашишся ,
 Тому добро.
 Кому вынешся , тому сбудешся , не минуешся (**).

(*) Изъ Езоповой басни.

(**) Пѣсни подъ № 27—30 поются въ Симбир. и Пензенъ Губерніяхъ.

Примѣч. Святочные пѣсни взяты изъ собранія г. Сахарова и другихъ. До сихъ поръ лучшее напечатанъ изданіе Святочныхъ пѣсенъ В. С. Алферьевъ, который однакожъ позволилъ себѣ сдѣлать нѣсколько перемѣнъ въ словахъ въ пользу музыки; оно вышло въ Москвѣ 1835 г. въ 8, подъ заглавіемъ: *Для Рускихъ Святыхъ пѣсни, музыка и еаданіе*. Жуковский прѣкрасно подражалъ святочнымъ пѣснямъ въ своей *Святланкѣ* и *Славъ Царю*. А. Ѳ. Малиновскій изъ народныхъ обрядовъ и пѣсенъ написалъ извѣстную оперу: *Старинныя Рускія Святки*.

Дополненіе къ пѣснямъ подблюднымъ ().*

1.

Пѣсни хлѣбу и соли.

Хлѣбу да соли дологъ вѣкъ, слава
 Государю нашему долъ шого, слава;
 Государь нашъ не спарѣтся, слава!
 Его добрые кони не вѣдятся, слава!
 Его цвѣтное плашье не носится, слава;
 Его вѣрные слуги не спарѣются, слава!

2.

Еще ходишь Никола по погребу, слава!
 Еще ищешь Никола не полнаго, слава!
 Что не полнаго, не покрышаго, слава!
 Еще хочешь Никола дополниши, слава!
 Да кому мы спѣли, тому добро, слава!
 Кому вынется, скоро сбудется, слава!
 Скоро сбудется, не минуется, слава!

3.

Еще на небѣ
 Да двѣ радуги,
 Какъ у нашего хозяина
 Двѣ радости:

(*) см. Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837, въ 8.

Ещё первая радость —
 Сына женилъ,
 А другая-шо радость —
 Дочь замужь ошдалъ;
 Ещё за сыномъ
 Корабли бѣгушь,
 А за дочерью
 Сундуки везушь.
 А кому мы спѣли, пому добро,
 Кому вынешся, скоро сбудешся,
 Скоро сбудешся, не мнуется.

(Три послѣдніе стиха поюцца къ каждой пѣсни).

4.

Лѣнивая лѣнивица,
 Лѣнилася она
 Часпо по воду ходишь;
 Она шѣяла снѣгъ
 На печномъ шолбу;
 Она вышяяла
 Позолѣтъ перспень,
 О трехъ спавочкахъ;
 Да кому ешимъ перспнемъ
 Обручашися?
 Ещё опроку съ опрочицею,
 Добру молодцу со дѣвицею.

5.

Куручка , погребушечка,
Да греблася она на завалинѣ ,
Еще выгребла позóлошь першень ,
Позолошь першень о прехъ сшавочкахъ.
Да кому ешимъ перстнемъ обручашися?
Еще опроку съ опрочицею ,
Добру молодцу со дѣвицею.

6.

Я брошу подушку черѣзь вороша ,
Чшо черѣзь вороша , во высóкій шерѣмъ ,
Изъ високова шерема на шесовую кровать .
Да кому на шой подушкѣ спать , почивать ?
Еще опроку съ опрочицею ,
Добру молодцу со дѣвицею.

III.

ПѢСНИ КРУГОВЫЯ (*).

1.

(Одинъ ходишь и поешь. Кого онъ называешь по имени, шѣ къ нему приспаютьъ, покуда всѣ играющіе не сберутся. Тогда начинаютъ другія игры.)

Чижики, пыжики у ворошь,

Воробушекъ маленькій!

Ахъ! брашцы, мало насъ,

Голубчики, нѣмножко!

Въ хороводѣ людей мало,

Веселишься не съ кѣмъ спало.

Ахъ! брашцы, мало насъ,

Голубчики, нѣмножко!

Максимъ, сударь, поди къ намъ,

Егоровичъ приступись!

Ахъ! брашцы, мало насъ,

Голубчики, нѣмножко!

2.]

(Всѣ играющіе спановятся въ кружокъ. Одна дѣвушка посрединѣ круга; мужчина ходишь вокругъ и поешь.)

Царевъ сынъ хороберъ,

Да ты чшó ходишь, гуляешь?

(*) съ No 1 по 8 Сибирскія пѣсни, а съ 8 по 13 Чухломскія.

Царевъ сынъ хоробѣрь,
 Да ты что примѣчаешь?
 Царевъ сынъ хоробѣрь.

*

Я хожу, хожу, гуляю
 Я хожу, примѣчаю
 Я свою, я Царевну,
 Да свою Королевну;
 А моя-то Царевна,
 А моя-то Королевна
 Въ Новѣгородѣ гуляешь,
 На шей вѣнчикъ сіяешь,
 Сарафанъ на ней камчатный.

*

Ты войди, Царь, въ гóродъ,
 Ты возьми ее за руку!
 Поклонись низенько,
 Поздоровайсь миленько!

3.

Ходишь Царь
 Около города,
 Около высока!
 Ищешь Царь,
 Ищешь Царь
 Царевну свою,
 Королевну свою.

4.

Я хожу, хожу
 Кругомъ городà,

Я сѣку , рублю
 Мечёмъ ворошà ,
 Еще все-ли я
 Красну дѣвицу ищу ;
 Еще гдѣ я
 Красну дѣвицу найду ,
 Тушь ее
 Злашымъ першнемъ подарю.

5.

Заплешися, плешень, заплешися ,
 Ты завейся, труба золотая ,
 Завернися, камка хрущатая !
 Ужъ какъ сѣрая ушица
 Попопила малыхъ дѣвушекъ ,
 Во меду, да во пашокъ ,
 Да во ѣствѣ сахарномъ ,
 Да во пищѣ медвяномъ.

6,

Подъ коренемъ олень ,
 Да подъ дубовымъ олень
 Тепло-ли те , олень ?
 Спудено-ли те , олень ?
 Мнѣ не шо тепло ,
 Мнѣ не шо спудено.
 Приодѣнся, олень,
 Приокутайся !
 Какъ со дѣвушки вѣнокъ ,

Со мѡлодушки плашокъ ,
 Со шарѡй бабы шлыкъ ,
 Съ малаго ребеночка пеленочка ,
 Съ мужичка, бурлачка ,
 Поль-корабличка (ѣ).

(Кто сидитъ въ кругу оленемъ , шопъ собираетъ со
 всѣхъ плашки , леншы , и когда соберетъ со всѣхъ ;
 шо ему поютъ :)

Сиди, сиди, ящерь — ладѹ , ладѹ !
 На золопъ стулѣ — ладѹ , ладѹ !
 Грызи, грызи, ящерь — ладѹ , ладѹ !
 Орѣховы ядра — ладѹ , ладѹ !

7.

(Играющіе раздѣляются на двѣ спороны.)

1.

Бѡяре! да вы по чшо пришли?
 Молодые, да вы по чшо пришли?

2.

Кнѣгини! да мы невѣспъ смотрѣшь!
 Молодые, да невѣспъ смотрѣшь!

1.

Бѡяре! покажите жениха ,
 Молодые, покажите жениха!

2.

Кнѣгини, во се нѡшь женишокъ !
 Молодые, во се нѡшь женишокъ .

1.

Бѡре, покажише кафшанъ,
Молодые, покажише кафшанъ!

2.

Княгини! во се нашъ кафшанъ!
Молодые, во се нашъ кафшанъ!

1.

Бѡре! покажише кушакъ,
Молодые, покажише кушакъ!

2.

Княгини! во се нашъ кушакъ!
Молодые, во се нашъ кушакъ!

1.

Бѡре! покажише сапоги,
Молодые, покажише сапоги!

2.

Княгини! во се нашъ сапжокъ,
Молодые, во се нашъ сапжокъ!

1.

Бѡре! поздоровашья!
Молодые, со всѣмъ поѣздомъ!

8.

Соколь ли мой, соколь,
Залетная ппашка.
Ты проѣзжий добрый молодець,
Привезь меня молоду
Въ чужу дальню сторону;
Сушилъ, крушилъ при года,

Напишуль я грамошку
 По бѣлому бархату
 Чистымъ , краснымъ золотомъ ;
 Опошлюль я ету грамоту ,
 Въ дальній городъ Аспрахань ,
 Къ родимому батюшкѣ ,
 Къ родимыя матушкѣ .
 Прикажешъ ли сударь батюшка ,
 Прикажешъ ли сударыня матушка
 Скакашь , плясашъ , танцовашъ ?
 Скачи , пляши , дитяшко ,
 Танцуй , государыня ,
 Покажъсть старость не пришла !
 Коли старость къ намъ придетъ ,
 Такъ мы ее пришибемъ
 Сафьянинькимъ башмачкомъ .

9.

Во полѣ , полѣ широкомъ , раздолѣ
 Стояли три шатра , три полошпяныи .
 Во первомъ шатрѣ подъячіе пишушъ ,
 Во второмъ шатрѣ князя и боярѣ ,
 Въ претьемъ шатрѣ гостинъ сынъ гуляешъ ,
 Самъ въ гусли играешъ ,
 Дѣвушку утѣшаетъ :
 Не плачь , не плачь , дѣвушка ,
 Не плачь , не плачь , красная !
 Сошью тебѣ , дѣвушка ,
 Шубку и юбку и шьлогрѣйку ;

Еще тебѣ, дѣвица, монисту съ крестами,
Серги съ жемчугами.

Не надобно, молодецъ,
Ни шубки, ни юбки, ни шѣлогрѣйки,
Ни монисту съ крестами,
Ни серегъ съ жемчугами.

Ахъ! оппусти, молодецъ,
Ко дѣвичью спадичку!
Тогда я тебѣ опущу,
Когда русу косу расплешу.

10.

Тонка, гибка жеспянка,
Черезъ рѣчушку жеспяночка лежала,
Что никто по шой жеспяночкѣ не прѣйдесть.
Только шли, прошли спары бабы,
Спары бабы спаробразы.
Еще смѣшь ли спросить спарыхъ бабъ,
Еще что въ городу вздорожало?
Вздорожали, вздорожали молоды бабы:
На овсяный блинъ по три бабы,
А четверта провожапа,
А пятая на придачу.

*

Еще шли, прошли молоды бабы;
Еще смѣшь ли спросишь молодыхъ бабъ,
Еще что въ городѣ вздорожало?
Вздорожали, вздорожали добры молодцы:
Еще восемь молодцовъ на полденьги,

А девятый провожаемый ,

А десятый на придачу.

*

Еще шли , прошли добры молодцы ;

Еще смѣшь ли спросить добрыхъ молодцовъ :

Еще что въ городу вздешевѣло ?

Вздешевѣли , вздешевѣли красны дѣвушки ,

Со сту рублей красна дѣвушка ,

А по псыачѣ дѣвицѣ на косицу.

11.

Что мои шо ясны очи заглядчивагы !

Еще что очи завидягы , шо на очи берушь ?

Что мелка мука овсяна , мѣлко выполчена ,

Мѣлко выполчена , въ сипо высѣяна.

Что умна была дочь у честной у вдовы ,

У честной у вдовы умно выучена ;

Она въ перемѣ сидѣла , въ рукахъ пялички держала ,

Всѣ узоры вышивала.

12.

Сидишь олень подь сырмь дубкомь .

Тепло ли те , олень , спудено ли те , олень ?

Мнѣ во лѣтѣ тепло , во зимѣ холодно .

Приодѣньше оленя , прикушайте :

Что со дѣвушки вѣнокъ , со молодушки плашокъ ,

Со старья спарушки шелковый поясокъ .

Чей , чей ешо вѣнокъ шолочу , волочу ,

Толочу , волочу по подлавичью , по залавичью ?

Я не дамъ вѣнка шопшашъ , я не дамъ волочитшъ !

Сама выскачу , сама выпляшу ,

Я своимъ спанкомъ , я корошенькимъ .

* Хотя спанъ корошокъ , назовутъ Королемъ Коро-
левичемъ .

А гдѣ утка шла , путь и пыль прошла ;

А гдѣ я млада , путь и рожь густа ,

Уколописта , умолописта ,

Еще съ колосу малѣнка , съ зерна пирога .

13.

Подлѣ рѣчки стоялъ часшъ ракитовъ кушъ ,

На помъ кушъ соловейка пѣсни поешъ ,

* Въ деревняхъ Чухломскаго уѣзда при играхъ употребляется пляска ; конецъ сей пѣсни , начиная съ 12 го стиха , замѣченнаго мною , слѣдующій :

Хотя спанъ корошокъ , да плечи широки ,

А на эти плеча при рябиновыхъ дубца ,

Три распаряные , три разжаренные ,

Подпояска-то долга , о семи сажень изба ,

Повернуться нельзя , повернулася , пошла ,

Будно ягода красна , какъ замлянка хороша .

Обей чеботы , пробивай чеботы !

Мнѣ не мужъ ихъ купилъ , и никто не заводилъ ,

Заводилъ Константинъ , на своемъ на шесть алтынъ ;

Хоть испопчутся , изломаются ,

Мой бапюшка-та швецъ , а женихъ кузнецъ ,

Моя машушка прядеюшка , вервицу напрядетъ .

Молодой насвистываетъ :

У моего ли дружка, у сердечнаго
 Быль у него пирь, да быль пирь превеселый,
 Всъ госпи сошлись, госпи съхались;
 Нѣшу одной родимой машушки!
 Ахъ! вонъ она идетъ, будшо пава плывешъ,
 Ръчи говорить, будшо лебедь поешъ.

7.

На горѣ калинушка спояла,
 Разными цвѣтами разцвѣтала;
 На шой ли на калинѣ сидишь соловейка,
 Весель и пѣсни распѣваешъ,
 Холостному молодцу вѣснь подаешъ:
 Пора тебѣ, молодець, женишься;
 Тебѣ красной дѣвушкѣ поспричься.
 Пойду ли я на машушку на Волгу,
 Къ набльшему шамъ ашаману;
 Чѣмъ меня государь башюшка подаруешъ?
 Подарилъ меня государь башюшка женою,
 Глупою женою, неразумной:
 Я за гудокъ, а она за прялку;
 Я въ гудокъ играши, а она мопаши.
 Не за чѣмъ въ люди на кручину,
 Дома кручинушки довольно.

Конецъ сей пѣсни измѣняютъ какимъ образомъ:

Подарилъ меня государь башюшка женою,
 Умною женою и разумной,
 Я за гудокъ, а она за пѣсни,

Я въ гудокъ играши, а она плясашь.
 Не за чѣмъ въ люди по веселье,
 Дома весельица довольно.

Въ заключеніе же представляю пѣсню, которую поюшь хозяйину и хозяйкѣ дома, въ коемъ бываешь игрище. Ето знакъ благодарности.

Въ Казани было городъ,
 Протекала тушь Волга рѣка.
 Какъ по той-шо по Болгѣ рѣкѣ
 Проплывала осетръ рыба,
 Чшо осетръ рыба свѣжая:
 Какъ бы еша да осетръ рыба,
 Хозяину да на сполы дубовые,
 Да на скашерпи шкатскія,
 Да на блюда на серебряныя!
 Далече, далече въ чистомъ полѣ,
 Разыгралися черные черные соболи.
 Какъ бы еши да черные соболи
 Хозяюшкѣ на шубу, да на бѣлы плеча.

Представляю три плясовыя пѣсни, которыя только и поюшь на Свяшкахъ въ Пензенской и Симбирской Губерніяхъ, ошкуда сообщены мнѣ дѣвицею Т. К. Кашкадамовою:

8.

Ужъ вы кумушки, голубушки,
 Вы кошорому свяшпшелю молились?
 Вы кошорому чудотворцу обѣщались?
 Какъ у васъ мужья молодые;
 У меня младеньки спаричище,

Не пускаеть старичище на игрище,
 Я уходомъ опъ стараго уходила,
 Подъ полою цвѣтно платье уносила,
 Я у кумушки наряжалаеь,
 У голубушки собиралась;
 Я не долго млада вечера играла,
 Со вечерней зари до бѣла дни.
 Я не знаю, какъ старому показаться:
 Ужь я спукъ-спукъ у ворошицъ,
 Ужь я брякъ — за колечко;
 Какъ не люшые медвѣди заревѣли,
 Какъ не люшые собаки заскучали,
 Забрюжжалъ старичище на печицъ;
 Солезаетъ старичище со печици,
 Береть плечище съ крючица,
 Онъ и бьетъ меня младу,
 Меня по бѣлу шѣлу.

9,

Какъ за горницей, за повалушею (1
 Не въ гусли играютъ,
 Не въ свирѣли говорятъ;
 Говорятъ мои подруженьки
 На игрища идти,
 А меня ли молодешеньку
 Свекоръ не пускаеть,
 Заставляетъ свекоръ батюшину
 Гумно чистивить,
 Гумно чистивить,

7*

Мешлой мешпа ;
 Ужь я въ сердце взоиду
 И мешлу изломлю
 И гумно испопчу ,
 Сама ли молодешенька
 На игрище пойду :
 Наскачуся , напляшуся ,
 Наиграюсь молода .

(Начальныя чешыре спроки повторающся .)

А меня молодешеньку
 Свекровь не пуцаешъ ,
 Заставляешъ свекровь машушка
 Красенца шкать .
 Ужь я въ сердце-шо войду ,
 Красна изорву , бердо изломлю ,
 Какъ на игрище уйду ,
 Наскачуся , напляшуся ,
 Наиграюсь молода !

(Повтореніе чешырехъ начальныхъ спрокъ .)

10.

Какъ во городъ было во Казани ,
 Молодой чернецъ поспригся ,
 Позволилъ черничнице погуляши
 Какъ по тѣмъ ли по проулкамъ ,
 По закаулкамъ .
 Какъ на встрѣчу черничницу спара баба ,
 Черничнице клубучище принадвинопъ .

(Повтореніе начальнымъ 5 спрокамъ)

На встрѣчу ему молодца,
 Черничнице клубунице приподнимешъ.
 (Опяшь повтореніе упомянутыхъ 6 строкъ.)
 Какъ на встрѣчу черничницу красны дѣвки, и пр.

Загадочная пѣсня.

Какъ на рѣчкѣ, на рѣчицѣ
 Красна дѣвица дары мыла,
 Тонкіе, бѣлые полоскала.
 Ужъ какъ ѣхалъ мимо рѣчки
 Сынъ госпиный (если купецъ; если же дворянинъ,
 дворянской).

Богъ помощь тебѣ, дѣвица,
 Дары мыши,
 Тонкіе, бѣлые полоскаши!
 Загадашь ли тебѣ дѣвица
 Семь загадокъ?
 Загадай ты, сынъ госпиной,
 Хоть десятковъ!
 Ужъ что у насъ, красная дѣвица,
 Краше свѣша,
 Чаше роци,
 Выше лѣса,
 Безъ кореня,
 Безъ умолку,
 Безъ отъвѣшу,
 Безъ премѣны?

Дѣвица отгадываетъ :

Краше свѣша, — красно солнце,
 Чаще роши, — часныя звѣзды,
 Выше лѣса, — свѣшель мѣсяць,
 Безъ кореня — горючь камень,
 Безъ умолку, — печешь рѣчка,
 Безъ опѣвшу, — конь во спойлѣ,
 Безъ перемѣны, — воля Божья.

Молодецъ благодарить дѣвицу, что отгадала его загадки, обѣщаясь ее взять за себя. — (1)

(1) Эта пѣсня, собственно принадлежащая къ свадебнымъ и сообщенная мнѣ П. В. Шереметевскимъ, относится къ стр. 64 сей книги.

II.

А В С Е Н Ъ .

Какъ священный канунъ Рождества Христова у поселянъ въ разныхъ краяхъ Россіи называется *Коледою*, такъ канунъ Нового года — по *Васильевымъ ветеромъ*, или *богатымъ ветеромъ*, по *Авсенемъ*, *Овсенемъ*, или *Усенемъ*, *Говсенемъ*, *Бауценемъ* и *Таусенемъ* въ Рязанской, Владимірской, Симбирской, Нижегородской и частію Пензенской Губерніяхъ, а въ нѣкоторыхъ спорахъ *Коледою* и вмѣстѣ *Коледою* и *Таусенемъ*. Въ это время ходящъ по домамъ крестьянскія дѣти поздравлять хозяевъ пѣснями, а въ предвѣстіе урожая бросаютъ изъ лукошка или рукавицы нѣсколько зеренъ разнаго хлѣба, особенно *овса* (1), кои собираются старухами до весенняго посѣва. Въ Бѣлоруссіи, Украинѣ, Подолѣ и Волыни встрѣчается подобный обрядъ. Великорусскій Авсень, или Овсень, празднуемый во время Святокъ, есть старинный земледѣльческій праздникъ, или прообразовательный обрядъ *обсѣванія*, опчасти сходный съ древнимъ обрядомъ *осыпанія* при бракосочетаніи молодыхъ (2) и даже при

(1) На Словацкомъ овесъ *Owsep*, на Лат. *avena*. Замѣчательно, что овсомъ даютъ крестьяне и славильщикамъ.

(2) Древніе Пруссіи осыпали невесту на свадьбѣ разными сѣменами. см. *Thorlaci Antiqq. boreal. specim. IV, p. 203.*

вѣнчаніи на царство Рускихъ Государей, въ предвѣщаніе изобилія благъ земныхъ. Авсень сопровождается особенными пѣснями, различными по мѣстности. Едва появився звѣзды на небѣ, какъ начинается торжественно молодыхъ поселенокъ, поющихъ предъ окнами каждаго :

Ой Авсень! ой Авсень!

Я ходилъ, я гулялъ

По святымъ вечерамъ и ш. д.

Къ Авсеню въ деревняхъ чиняпъ кашки, желудки и варяпъ ноги свиныя, кои раздаются обсыпаламъ. Въ Нерехотскомъ округѣ, хопя не извѣстенъ Овсень по имени, но каждая бесѣда обоего пола ходяпъ въ Васильевъ вечеръ ко всякому дому своего селенія собирапъ небольшіе пироги и приговариваюпъ: *Свинку да боровка выдай для Васильева вечерка!* Въ Рязанской Губ. молодыя молодки и красныя дѣвицы, собравшись для прославленія Овсеня, приходяпъ подъ окна дома; одна изъ нихъ называется маханоска и несетъ кошель для поклажи подарковъ. Они спрашиваютъ подъ окномъ или у дверей мабы: „велипъ ли хозяинъ проклапъ Овсень?“ Получивъ согласіе, поюпъ:

1.

Среди Москвы
 Вороша песпры,
 Вороша песпры,
 Верей красны.

2.

Свѣшель мѣсяць,
 То Т сударь,
 Красное солнце
 Н его,
 Часны звѣзды,
 То и дѣшки ихъ.

3.

Прикажише, не держише,
 Собаками не справише,
 Подаише намъ подачки!

Опяшь поюшь:

4.

Наша подачка
 Въ дверь не лезешь,
 Въ окошки шлепъ.

5.

Кышки, да желудки
 Въ печи сидѣли,
 На насъ глядѣли.

Опяшь повшоряюшь хоромъ: подаише подачку!

6.

Колите доски,
 Мостите мосты!
 Намъ шуши, да ососки везшь.

Получивъ подачку, цѣлымъ хоромъ вос-
 влицаюптъ :

*„Хозяина поздравляемъ съ праздникоми,
 „съ Новымъ годомъ.“*

Въ епо же время, въ Муромѣ и въ окрес-
 носпяхъ его, толпы заходяптъ въ дома
 съ пѣсней: *Таусень! Таусень! дома ли хо-
 зяинъ?* Когда же получаптъ въ отвѣтъ, что
*„хозяина дома нѣтъ, убѣхалъ соли купить,
 мясо солить, чтобы сына женить, пашенку
 пахати, хлѣба промышляти — онѣ про-
 сяптъ пироговъ, съ припѣвами: *Подавай
 пирога! Коль не дашь пирога, разломаемъ во-
 рота, двери, окна разобьемъ и п. д. Полу-
 чивъ пироги, онѣ пляшутъ подѣ пѣсню:**

По Дунаю, по рѣкѣ,
 По берегу по крутому
 Лежашъ гусли неналаженыя.

Каледа!

Кому гусли налаживати?

Каледа!

Наладишь гусли
 Зензевею Андрѣяновичу.

Каледа!

Зензевя дома нѣшь ;
 Онъ уѣхалъ въ Царь городъ
 Суды судишь , ряды рядишь.
 Каледа !

Онъ женѣ-то шлешъ
 Кунью шубу.
 Каледа !

Сыновьямъ-то шлешъ
 По добру коню.
 Каледа !

Дочерямъ-то шлешъ
 По черву соболю.
 Каледа !

Каледа въ пѣсняхъ также воспѣвается вмѣстѣ съ Таусенемъ или Говсенемъ въ Муромскомъ округѣ , какъ видно изъ слѣдующихъ старинныхъ пѣсенъ :

Говсень, Говсень ! я шеперю гоню,
 Говсень, Говсень ! полевую гоню ,
 Она подъ куспъ ,
 А я за хвостъ ;
 Мнѣ начла хвостъ ,
 Анъ денегъ горсть.

Попомъ спучашъ въ окошко и просяшъ пи-
 роговъ или чего нибудь другаго, и, вошедши
 въ домъ, поюшъ :

Пешръ въ Орду собирается.
 Коледа Тоусень !

Александръ у ногъ умиваешся.

Коледа Тоусень!

Ты не їзди въ Орду, не служи Королю.

Коледа Тоусень!

Служи бѣлому Царю.

Коледа Тоусень!

Ужъ какъ мнѣ ли безъ шебл хлѣба соли не їдашь.

Коледа Тоусень!

На поспели не сыпашь.

Коледа Тоусень!

Ужъ какъ спать въ поскахъ, на голыхъ доскахъ.

Коледа Тоусень!

На горячей печи, на девятомъ кирпичѣ.

Коледа Тоусень! —

Таусень, или Овсень, подобно Коледѣ, долженъ бытъ не божественномъ, но мѣсячнымъ праздникомъ народнымъ, въ коемъ главное дѣйствіе есть *обсыпаніе* или *обсѣваніе*, какъ видно изъ прообразовательныхъ обрядовъ, наблюдаемыхъ въ Бѣлорусіи и другихъ мѣстахъ. Соединеніе Овсеня съ Коледою намѣкаетъ на соединеніе мѣсяцевъ разноплеменныхъ народовъ на Руси, у коихъ епопъ знаменательный обрядъ проявился подъ разными именами, облекся въ разные народные мѣсяцы и впадаетъ въ самое время, когда совершаются гаданія о жребіи въ наступающемъ году. По существу сво-

ему Овсень сходенъ съ Коледою; потому что какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ ходящъ поздравляющъ съ пѣснями и просящъ подарковъ за поздравленіе. Разница только въ томъ, что въ первомъ бываетъ обѣсваніе. Если Римская *Frutis — Seja, Sejanna* или *Sejā* (3) родственница съ Славянскою *Сѣванною*: но, по видимому, не чуждъ имъ *Ассень*, или *Овсень*, созвучный и подобозначущій съ старинными Нѣмецкими словами *Wostēn, Wüstēn*, посѣвъ, обѣсваніе (4), Самогитскою и Польскою богинею земли *Sema* или *Zemina*, Липовскою *Zemmes matī*, матъ «земля» (5).

Какъ народы сіи были земледѣльческіе, и одинъ другому передавали искусство воздѣлывать поля: по вѣроятію у нихъ были и божества, покровительствовавшія оному, и праздники земледѣльческіе, къ коимъ можетъ отнестись и *Овсень*. Самое слово это, совмѣщающее въ себѣ разные понятія,

(3) *Segesta et Segetia*, dea, quae praeerat segetibus et segetes laetas facere existimabatur. — *Plin.* II. N. XVIII, 2; Nos enim deos tunc maxime noverant; *Sejam* a serendo, *Segestiam* a segetibus appellabant.

(4) *Mythologie der alten Deutschen u. Slaven*, von A. Tkanj. 2 Th. Znaim. 1827, 8.

(5) *Сива* Славян. по мнѣнію Нарушевича, была покровительницею *дѣтворожденія*; она должна быть родственною *Сѣваннѣ*, богинѣ плодотворенія земел.

при переходѣ сквозь разныя нарѣчія, получило разныя видоизмѣненія въ первомъ слогѣ слова и является, какъ мы замѣтили, по *Усенелѣ*, по *Таусенелѣ*, по *Говсенелѣ*, и посему можетъ производимо быть отъ различныхъ корней (6). По особенной склонности Славянъ Рускихъ перелицевывали иноспранныя слова на свой ладъ, можетъ спастись, Авсеню дано значеніе *обсѣванія овсомъ* и вообще ярымъ, какъ кореннымъ на Руси хлѣбомъ. Но какъ сѣянiе дѣлается на *авось*: по и предшествовали ему гаданія и умилоспивительныя жертвы, къ коимъ, вѣроятно, отчасти принадлежатъ и обрядъ Авсеня. Заимствуя свое начало отъ народнаго быта и вѣрованія, онъ перешелъ въ народный обычай, приравленный къ мѣстности, климату и къ времени года, когда запасаются хлѣбомъ на круглый годъ и отдѣляютъ сѣмена на весенній посѣвъ. Хотя въ другихъ справахъ Великой, Малой, Бѣлой и Красной Руси, кромѣ означенныхъ Губерній, и не встрѣчается намъ Авсень, но почти вездѣ совершаются подобныя обряды на-канунъ Нового года, съ мѣстными особенностями и съ пѣснями.

(6) см. въ Енцикл. Лексиконѣ ст. *Великая Россія*. — Старое слово *таусинный* цвѣтъ, едва ли не *Далабвиго* морской? —

ОВСЕНЕНАЯ ПѢСНЯ.

1.

Ай во боръ, боръ,
Спояла памъ сосна,
Зелена, кудрява.

Ой Овсень! ой Овсень!

Ъхали бояре,
Сосну срубили,
Дощечки пилили,
Моспочикъ моспили,
Сукномъ успилали,
Гвоздьми убивали.

Ой Овсень! ой Овсень!

Кому-жь, кому ѣхашь
По пому моспочку?
Ѣхашь памъ Овсеню,
Да новому году.

2.

Ой Овсень! ой Овсень!

Походи, погуляй
По свяпымъ вечерамъ,
По веселымъ перемамъ!

Ой Овсень! ой Овсень!

Посмотри, погляди,
Ты взойди, посѣпи
Къ Филимону на дворъ.

Ой Овсень! ой Овсень!

Посмотрѣль, поглядѣль,

Ты нашель, шы взошель,
Къ Филимону на дворъ!

Ой Овсень! ой Овсень!

Какъ въ срединѣ Москвы
Здѣсь воротимъ красны,
Веревъ всѣхъ пестры.

Ой Овсень! ой Овсень!

Филимоновъ весь дворъ
Обведень, зашынень
Кипариснымъ шыномъ.

Ой Овсень! ой Овсень!

Филимоновъ-шо шынь
Серебромъ обложенъ,
Позолошой увишь!
На дворъ у Филимона
Три перемчика сплести:
И свѣшленки и красненьки
Золотые перема!
Первый перемъ
Свѣшель мѣсяць;
Другой перемъ
Красно солнце;
Третій перемъ
Часты звѣзды.
Свѣшель мѣсяць
Хозяинъ нашъ,
Красно солнце
Жена его,
Часты звѣздамъ

Ихъ двѣушки.

Ой Осень ! ой Осень

3.

Мѣсяць , крупы рога ,
 У солнышка лучи ясные горяшь ,
 У Ивана кудри русыя висяшь ,
 По плечамъ лежашъ ,
 Словно жарь горяшь .
 Тупь ѣхали бояра изъ Новагорода ,
 Дивовались бояра Ивановымъ кудрямъ ;
 Ужъ чье епо дишяшко нароченный ?
 Породила его родна мапушка ,
 Вспоилъ , вскормилъ родной башюшка ,
 Взлелѣвали его родныя сесшры .

4.

Каледа , Каледа ,
 Гдѣ была ?
 Коней пасла
 Чпо выпасла ?
 Коня въ сѣдлѣ ,
 Въ золотой уздѣ .
 Кони гдѣ ?
 За ворошы ушли .
 Ворошы гдѣ ?
 Водой снесло .
 Вода гдѣ ?
 Быки выпили .

Быки гдѣ?
За горы ушли.
Горы гдѣ?
Черви выпочили.
Черви гдѣ?
Гуси выклевали
Гуси гдѣ?
Въ проспникъ ушли.
Троспникъ гдѣ?
Дѣвки выпололи.
Дѣвки гдѣ?
За мужья ушли.
Мужья гдѣ?
На войну ушли.
Война гдѣ?
На печи въ углу.

III.

МАСЛЯНИЦА.

По окончаніи такъ называемыхъ *Свадебныхъ недѣль*, наспушаетъ годовый, разгульный праздникъ у народа, *Масляница*, или *Сырная недѣля*, по Гречески *Τυρόφαγον*, τὸ 'Απόκριως, *Мясопустъ*, по Латинѣ *Carnivivium*, по Польски *Zarust*,^а *Miesopust*, по Сербски *biła nedela*. Чпо мы называемъ *Масляною*, по у Словаковъ и Чеховъ *Fasaneck*, или *Masopust*; отсюда и пословица: по *Fasanku Post búva*, послѣ *Масляницы* бываетъ поспѣ, вмѣсто: послѣ сладкаго бываетъ горько, или, какъ выражаетъ простонародная Руская пословица: *Не всегда копу Масляница* (1). На простонародномъ Нѣмецкомъ языкѣ *Масляница* называется *Fasnacht*, въ Баваріи *Fassangen*, а вообще *Fasnacht*. Папа Григорій великій въ боо

(1) Non semper erunt Saturnalia. *Seneca* Aprocoloc. Нѣкоторымъ угодно чипать Рускую посл. такъ: „Не всегда *катанье* объ *Масляницѣ*“ и пр. Но примятое мною чпеніе находится въ рукописныхъ собраніяхъ пословиць начала и половины XVIII вѣка и употребляется въ народѣ.

г. устави́лъ Пепельную среду началомъ поста, и канунъ ешого дня именовался заговнѣемъ (Fastnacht); ибо въ полночь онаго собспвенно начинался постъ, коему предшествовали при дни, извѣстные подъ именемъ Бакханалій и бѣсовскихъ праздниковъ; ибо, по словамъ Церковныхъ Испориковъ, въ сіи дни безумствовали: надѣвали на себя личины, мужчины переряжались въ пугалища и женщинъ и наоборотъ, и позволяли себѣ всякое неистовство и распутство.“ Таково начало нынѣшняго Карнавала, который у Каполиковъ продолжается ошъ дня трехъ Королей до Пепельной среды (2). Древніе языческіе обряды Сатурналіи облекались въ новыя формы; изъ Италіи они перешли въ другія страны Хрістіанскія, гдѣ были образцами для подражанія и гдѣ смѣшивались съ ними опечеспвенные обычаи. Въ церковныхъ книгахъ Масляница называется *Сырною недѣлею*, подобно всей предшествующей седмицѣ, на коей въ среду и пяшовъ ѣдятъ сыръ и яицы въ опвращеніе преданія Яковитскаго и Гептрадитской ереси (3).

(2) Allgemeine Deutsche Real-Encyclopedie. 10 B. Leipzig. 1830, въ 8.

(3) Церковный Словарь П. Алекстева. 3 изд. М. 1815. ч. 5, въ 8.

- Масляница въ Россіи естъ какъ бы осмидневное празднество послѣ вселенской субботы, въ которую поминають усопшихъ. Тогда какъ въ Сырную недѣлю Церковь воспоминаетъ изгнаніе Адама изъ рай, приуготовляя Хрістіанъ къ Великому Посту; тогда народъ предаётся масляничнымъ попойкамъ: кашанью съ пѣснями, на горахъ и санихъ, кулачнымъ боямъ, попойкамъ и пиршесствамъ, на коихъ главную роль играютъ блины, пряженцы, оладьи (4). Въ народномъ языкѣ Масляница слыветъ, подобно Семику, *тестною*, а по разгульности, *широкою*. Веселая, изобильная жизнь называется *Масляницею*: не *жизнь*, а *Масляница*. Въ такомъ же почпи смыслѣ употребляется и Французская поговорка: *C'est un vrai carnaval* (5). Въ старинномъ сказаніи народномъ на лубочныхъ картинкахъ о *тестномъ Семикѣ* и *тестной Масляницѣ*, первый описываетъ послѣднюю слѣдующими словами: „Душа моя Масляница, перепелиныя косточки, бумажное швое, пѣло, сахарныя швои уста, сладкая швои

(4) *Оладьямъ* не соотвѣствуютъ ли пекущіяся во время прилетанія первыхъ птицъ жаворонки (*alaudae*), или оладьи не происходятъ ли отъ словъ: *отъ Лада*?

(5) *Histoire générale des proverbes*, par M. C. Méry. 3 t. à Paris. 1828. in 9.

„рѣчь; красная краса, русая коса, тридцать
„пять братьевъ сестра, сорокъ бабушекъ внуч-
„ка, прех-машерина дочка, кешочка, ясочка,
„пы же моя перепелочка“ и ш. д.

Одинъ изъ иностранныхъ писателей,
бывшій лѣтъ за 150 въ Россіи, какъ очеви-
децъ такъ изображаетъ епопъ народный
праздникъ (6):

„Масляница потому такъ названа, что
„Рускимъ въ продолженіе епой недѣли поз-
„воляется вкушать коровье *масло*; ибо они
„во время поста, вмѣсто коровьяго, упош-
„ребляютъ конопляное въ кушанья. Масля-
„ница начинается за восемь дней до Ве-
„ликаго Поста. Въ то самое время, когда
„бы всякой съ сердечнымъ раскаяніемъ дол-
„женъ былъ приготовляться къ созерцанію
„спраданій Хрістовыхъ, въ то время сіи
„заблудшіе люди предають свою душу дья-
„волу. Во всю Масляницу день и ночь про-
„должается обжорство, пьянство, развратъ,
„игра и убійство, такъ что ужасно слы-
„шатъ о томъ всякому хрістіанину. Въ то
„время некутъ пирожки, калачи и тому по-
„добное, въ маслѣ и на яицахъ; зазываютъ,

(6) Anhang von der Re:ßischen oder Moskowitzischen Reli-
gion. Leipzig. 1698, in 12.

„къ себѣ гостей и упивающся медомъ, пивомъ и водкою до упаду и безчувственно-спи. Во все время ничего болѣе не слышно, какъ: пого-по убили, пого-по бросили въ воду. Въ бытность мою у Рускихъ, на епой недѣль убившихъ нашлось болѣе спачеловѣкъ. Нынѣшній Папріархъ давно уже хотѣлъ уничтожить епотъ бѣсовскимъ праздникомъ, но не успѣлъ; однакожь онъ сокращилъ время его на 8 дней, тогда какъ прежде оный продолжался 14 дней. Масляница напоминаетъ мнѣ Италіанскій карнавалъ, который въ тоже время и вонши такимъ же образомъ опправляется. Славный Папа Иннокентій XI хотѣлъ было его уничтожить; но, подобно Папріарху Рускому, успѣлъ только сокращить его на 8 дней.“

Иностраннй писатель, изобразивъ Рускій народный праздникъ съ одной только спорны, не упомянулъ о существовавшей издавна у Рускихъ любимой забавѣ во время Масляницы: о кашанѣ съ ледяныхъ горъ на салазкахъ и лубкахъ, о кашанѣ на саняхъ и лыжахъ по снѣгу.

Масляница собственно состоитъ изъ трехъ частей: *встрѣги*, въ понедѣльникъ, *разгула*, или *перелома*, въ такъ называемый *широкій четвергъ*, и *прощанья*. Какъ празд-

никъ народный, она начинается съ понедѣльника; какъ праздникъ гражданскій — съ чепверга.

Главную роль играютъ въ Масляницѣ блины, которые пекутся всю недѣлю; на блины зовутъ гостей и блинами вездѣ угощаютъ. Какъ всѣ народы пекли прѣсныя лепешки на угольяхъ прежде, чѣмъ дошли до закваснаго хлѣба: посему блины наши должны быть древнѣе хлѣба. По обычаю народному, блинами поминуютъ усопшихъ; въ Тамбовской и другихъ Губерніяхъ первый блинъ, испеченный на Сырной недѣлѣ, кладутъ на слуховое окошко для душъ родительскихъ. *Блины* у народа, какъ обычная принадлежность поминовенія усопшихъ, какъ праздничное явленіе, встрѣчается и въ книгахъ С. Писанія подъ именемъ *млиновѣ*, какіе раздавалъ Царь Давидъ народу по случаю праздника при перенесеніи Кивота Господня: *далее по млинусковрадному (7)*.

(7) II Царствъ, VI, 19. Въ Еврейской, Латинской Тремелліева изданія, Нѣмецкой и Англинской Библіяхъ: по флагъ вина (*lagenam vini, ein Nessel Wein, flagon of wine*). Но въ Греческомъ переводѣ и Вулгатѣ: *καὶ λάγανον ἄκθ' τηγάου, simillam frizam oleo*. По новѣйшимъ толковникамъ, *λάγανον τηγάου*, есть *placenta sargentinis, laganum, placenta tenuis*. Блины на новогреч. *λάλαγίτες*. см. Исход. XXIX, 2. *Καὶ λαγάνα ἄξιμα*

Въ Германіи, особенно Каполической, кромѣ копченыхъ мясъ, колбасъ и сосисекъ, на Масляницѣ пекутся обварныя оладьи, крендели (Kringeln, Pfannkuchen) и п. п. Сія послѣдняя суть какъ бы оспапокъ *spigae*, кои приносили Бахусу, попому, можетъ быть, что онъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ мифографовъ, родился отъ Юпитера подъ видомъ змія и произошелъ отъ Прозерпины; вѣроятно, ето символъ печенія солнца. Такія-то лепешечки круглыя, извѣсныя въ Мекленбургѣ подъ именемъ *Heetweggen*, пеки изъ мѣлкой муки на молоко и ѣли горячія. Блины у Липовцевъ на Хавпурѣ называются *sikies wellonis panislos*, кои употреблялись и на другихъ праздникахъ. У Рускихъ слово *блинъ* изъ гречневой молотой муки, пекущійся на сковородѣ, подмазанной масломъ, перемѣнилось въ *блинъ*, который донынѣ сохранилъ свое употребленіе при поминкахъ и особенно на Масляницѣ, такъ равно и круглую фигуру.

Капанье на саняхъ по улицамъ начинается съ понедѣльника, а болѣе съ чепверга Сырной недѣли: къ вечеру ѣздятъ цѣ-

νεχρισμένα ἐν ἔλαιῳ, и хлѣбы прѣсны смѣшаны съ елеемъ. *Τήναρον*, таганъ, сковорода, *sartago*, слѣд. *сковородный блинъ* есть блинъ, печеный на таганѣ, на сковородѣ.

лыми вереницами, а простолоюдины капающія съ веселыми пѣснями. Ледяныя горы для капанья строились на Москвѣ рѣкѣ и на Неглинной, отъ Воскресенскихъ до Троицкихъ ворошъ, гдѣ нынѣ Александровскій садъ, до конца XVIII вѣка. Коншарини „въ 1473 „году видѣлъ на первой конскія ристанія и „разныя увеселенія“ (8). При Пётрѣ I масляничныя попѣхи бывали въ Москвѣ у Красныхъ ворошъ, гдѣ Пётръ I самъ, въ понедѣльникъ на Масляницѣ, открывалъ празднество ея, нѣсколько разъ повертѣвшись на качеляхъ съ Офицерами (9). По случаю Нейштадтскаго мира въ 1722 г. Пётръ I далъ въ Москвѣ невиданный доподо мазкарадъ и санное капанье. Въ четвертый день Сырной недѣли началось движеніе большаго поѣзда изъ Всесвятскаго села, гдѣ собрано было съ вечера множество морскихъ судовъ разнаго вида и разной величины, полсоцни саней, запряженныхъ разными звѣрями. По сдѣланному ракетною сигналу сухопутный флотъ, напоминающій собою Олegovъ, на полозахъ и колесахъ, пошянулся

(8) Библіотека Иностранныхъ писателей о Россіи, отдѣл. 1. Спб. 1836, въ 8.

(9) Старина Руская. Спб. 1825, въ 18.

длинною вереницей отъ Всесвятскаго къ Тверскимъ триумфальнымъ воропамъ (10). Шествіе открывалъ арлекинъ, ѣхавшій на большихъ саняхъ, въ кои впряжены были гусемъ шесть лошадей, украшенныхъ бубенчиками и побрягушками. Въ другихъ саняхъ ѣхалъ Князь - Папа Зоповъ, облеченный въ длинную маншію изъ краснаго бархата, подбиную горноспаемъ, а въ ногахъ его возсѣдалъ Вахъ на бочкѣ; за нимъ свипа, замыкаемая шумомъ, который сидѣлъ въ санкахъ, запряженныхъ чепырьмя свиньями. Потомъ началось шествіе самаго флопа, коимъ предводительствовалъ Непшунъ, сидѣвшій на колесницѣ съ пребузцемъ въ рукахъ, везенной двумя Сиренами. Въ процессіи находился и Князь-Кесарь Ромодановскій въ Царской маншіи и Княжеской коронѣ: онъ занималъ мѣсто въ большой лодкѣ, везенной двумя живыми медвѣдями. Наконецъ появилась громада, 88-пушечный корабль, построенный совершенно по образцу корабля Фридемакера, спущеннаго на воду въ Маршѣ 1721 г. въ С-Пеипербургѣ: онъ имѣлъ при мачты и полное корабельное вооруженіе даже до послѣдняго блока. На этомъ корабль,

(10) Свѣтлая Пчела, 1833, Но 123.

везенномъ 16 лошадыми, сидѣлъ самъ Государь Пепръ I въ одеждѣ флорентскаго Капитана съ Морскими Генералами и Офицерами и маневрировалъ онымъ, какъ бы на морѣ. За ешимъ кораблемъ слѣдовала раззолоченная гондола Импераприцы, которая была въ костюмѣ Остфризской крестьянки, а свита ея состояла изъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ, одѣтыхъ по Арабски (11). За гондолою появились настояще члены маскарада, извѣстные подъ именемъ *неугомонной обители*: они сидѣли въ широкихъ длинныхъ саняхъ, сдѣланныхъ на подобіе драконовой головы, и наряжены были волками, журавлями, медвѣдями, драконами, представляя въ лицахъ Езоповы басни и п. д. Такое пестрое и чудное маскарадное шествіе черезъ Тверскіе ворота потянулось въ Кремль при пушечныхъ выстрѣлахъ, куда и достигло къ вечеру. На слѣдующій день и на прелій день и 2 Февраля сборъ назначенъ былъ у воротъ, поспроенныхъ тогда купечесвомъ. Епюпъ маскарада окончился великолѣпнымъ фейерверкомъ и пиршествомъ. Въ продолженіи чепырехъ дней Московскаго Карнавала участвовавшія въ немъ особы перемѣняли по нѣскольку разъ свои костюмы.

(11) Сѣверная Пчела, 1833, No 125.

По свидѣтельствъ Шпелина, Анна Ивановна собирала у себя на Масляницѣ гвардейскихъ унперъ-офицеровъ съ ихъ женами, которыя пѣшились Рускими плясками; шутъ же бывали и другія народныя забавы (12). Кому не извѣстенъ въ С.-Петербургѣ предъ Масляною 1739 г. маскарадъ етнографическій по случаю свадьбы одного шуша въ ледяномъ дворцѣ! —

При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ открылось капанье въ любимомъ ею селѣ Покровскомъ, прежнемъ Рубцовѣ: тамъ сама Государыня съ придворными капалась на саяхъ и на лыжахъ. Екатерина II, послѣ коронаціи своей въ Москвѣ объ Масляницѣ дала народу прехдневный блистательный маскарадъ въ аллегорической процессіи на улицахъ городскихъ, который сочиненъ былъ актеромъ Волковымъ, подъ названіемъ *Торжествующей Минервы*. — Върояшно, въ подражаніе Римскому Карнавалу объ Масляницѣ рядились въ маски и въ разные странныя и смѣшныя костюмы, которые составляли подвижный маскарадъ уличный; потому что замаскированные и наряженные доселѣ въ нѣкоторыхъ краяхъ Россіи капаются объ Масля-

(12) Haigold's Beylagen. II. 11.

ницѣ (13). Съ XVIII вѣка появились въ Москвѣ лубошныя комедіи, гдѣ представлялись иноспранными фиглярами разные фокусы-покусы и диковинныя шпуки изъ *Zastnachspielen*, Нѣмецкихъ игръ масляничныхъ. На игрищѣ масляничномъ бывали наряженные козою съ рогами, къ коимъ привѣшивались бубенчики; они козу *въ лѣшкѣ играли*: что значить на пословицномъ языкѣ Русскаго народа: „ману въ глаза пускашь, или морочишь.“ Теперь масляничное гулянье перенесено подъ Новинское, гдѣ урочище *Куковинка* напоминаетъ о Нѣмецкихъ фокусникахъ, которые издавна въ Москвѣ показывая свои райки и шпуки, приглашали смотрѣть словомъ *kuße*, и гдѣ о Святой недѣли *кокались* красными яицами. Что нынѣ говорится: „ищи или ѣхашь подѣ *Новинское* на гулянье“, по прежде — *идти на Куковинку*.

Издревле извѣстные въ Россіи *борьба и кулатный бой* составляли одну изъ любимыхъ забавъ народныхъ, особенно въ Сырную недѣлю: на улицахъ и на рѣкѣ бьются *самѣ на самѣ*, или *одинѣ на одинѣ*. Епо *стѣн-*

(13) Похождение Ивана гостпинаго сына и другія повѣсти и сказки, изд. П. Ловикова, 2 ч. Спб. 1785, 86, въ 8. Сатирической Вѣстникъ. ч. VI. М. 1790, въ 12 (*Масляница*.)

ной бой, стѣпка на стѣпку. Такія предуготовительныя гимнастическія пошѣхи называются въ лѣтописяхъ *играми, игрушками*, какія давали наши Великіе Князья. Вапаги скомороховъ, Задунайскихъ переселенцевъ, бродившихъ по Россіи, вѣроятно, ввели у насъ пошѣхи, какъ-то: пляски, разныя фиглярства и фокусы, противъ коихъ вооружаея Споголавъ и грамоты Святительскія и Царскія.

Мѣстность наложила свои оппечатки на епощъ праздникъ народный, который въ разныхъ спранахъ Россіи отличается особенностями въ обычаяхъ и обрядахъ. Замѣтимъ здѣсь нѣкоторыя мѣстныя опспупленія въ празднованіи Масляницы опъ общаго, главнаго ея характера.

Въ Переславль-Залѣскомъ, Юрьевъ-Польскомъ, Владимірѣ и въ Вяпкѣ, на огромныхъ саняхъ въ 12 лошадей возяпъ наряженнаго мужика, который, подобно Кроду Нѣмецкихъ Славянъ, сидитъ на колесѣ вверху сполба, улверженнаго посреди саней, въ рукахъ держитъ полшпофъ съ виномъ и калачи. Его сопровождаютъ наряженные музыканты, которые играютъ и поютъ, также обыватели въ саняхъ. Подобное опщепвореніе Масляницы встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ

Россіи. Въ Зарайскомъ уѣздѣ тогда же возяпъ на саняхъ большое дерево, обвѣшенное лоскутками и бубенчиками.

Въ Симбирской Губерніи Ардашовскаго, Алапырскаго, Курмышскаго и Карсунскаго уѣздовъ, частію въ Пензенской Губерніи, особенно въ Саратовскомъ уѣздѣ, обѣ Масляницѣ, обыкновенно снащиваютъ 8 или 10 дровней (епо подсанки), въ срединѣ дровней утверждается высокое, довольно плоское дерево въ видѣ мачты; на верхъ его вдѣвается колесо, на которое садится какой-нибудь деревенскій наряженный весельчакъ, и представляетъ различные фокусъ-покусы, свойственныя деревенскому Рускому мужику. Епощъ обрядъ называется *проводами епощной Масляницы*. Обыкновенно епу всю сплоченную массу возяпъ по всѣмъ закоулкамъ, причемъ, вмѣсто лошадей, запряжено бываетъ нѣсколько разряженныхъ и уродливо, безъ всякаго вкуса, испещренныхъ людей, которые наряжаются въ видѣ лошадей. Предъ ними прыгаютъ и пѣютъ скоморохи и колоброды изъ деревни или села. Обрядъ епощъ совершаемъ былъ послѣдній день Масляницы въ прощенное воскресенье.

Въ Архангельскѣ, подобно какъ въ Парижѣ, мясники возяпъ по городу, о Сыр-

ной недѣль, быка на огромныхъ саняхъ кон. запряжены нѣсколькими десятками лошадей и связаны съ другими санями (14). Въ Нерехтѣ масляничныя увеселенія начинаются съ среды. Въ епомъ день изъ окрестностей привъзжаютъ туда дѣвки въ праздничныхъ платьяхъ и набѣлнены, особенно новобрачные, и капаются опдѣльно опъ мущинъ, до самаго вечера. Въ чепверпокъ и пяпокъ здѣшніе жипели не капаются. Въ субботу сюда съѣзжается великое множество народа изъ окрестностей. Здѣсь предавъ напряденную въ шу недѣлю пряжу, покупаютъ лакомства и гуляютъ по рынку до вечера. Въ округѣ, масляничныя погѣхи начинаются въ экономическихъ селеніяхъ со впорника, а въ помѣщичьихъ съ чепверга. Ежедневно капаются опъ одной деревни къ другой: при чемъ новобрачные ѣздящъ въ госпи къ сродникамъ, которые опдариваютъ ихъ мыломъ. Въ большихъ волчинахъ, въ Сыропустное воскресенье собирается съѣздъ изъ нѣсколькихъ сотъ лошадей, подъ названіемъ *обоза*, который извѣстенъ въ Ярославлѣ подъ именемъ *околка*. При епомъ нѣкоторыя ѣздящъ верхами, наряжен-

(14) Encyclopedie des gens du monde. t. 1 — 5. à Paris? 1823, 8. — Записки Рускаго путешественника, *А. Глаголева*, 4 ч. Сиб. 1837, въ 8.

ные въ соломенныхъ колпакахъ и кафпанахъ. Ввечеру пого дня молодые обоого пола въ своемъ селеніи на улицѣ поютъ пѣсни; послѣ сего, взявъ каждый съ своего двора по снопу соломы, вмѣспѣ сожигаютъ ее въ селеніи, а чаще за селеніемъ. Епотоу обрядъ, встрѣчающійся и въ другихъ мѣспяхъ Россіи, называется *сожигать Масляницу, или соломеннаго мужика*. Съ вѣроятностью заключить можно, что это обыкновеніе, существующее съ незапамятныхъ временъ, есть оспапокъ опъ языческихъ пребъ и обрядовъ, примѣшанный къ увеселеніямъ Сырной недѣли. Подобный встрѣчается у Нѣмецкихъ Славянъ (*Lodaustreiben*), которые перваго Марша выносятъ изъ селеній соломенное чучело въ образѣ смерти и сожигаютъ его въ память усопшихъ, или, бросающъ въ воду, какъ Римляне нѣкогда въ Маѣ м. брасывали въ Тибръ свои проспниковые болваны (*simulacra scirrea, Iubola andreikela*) (15). Въ Саксоніи, Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ, въ епотоу день хаживали съ факелами на кладбища (16). Догадка сія, замѣчаетъ М. Я. Діевъ, утверждается и пѣмъ, что въ воскресенье Сырной

(15) *Ovid. fast. V, 621, 679. Dionys. Hal. I, 19.*

(16) *Карамз. И. Г. Р. ч. I.*

недѣли, которое, по большей части, приходится около 1 го Марта, донинѣ ходятъ и Нерехотскіе жигели на кладбище прощались и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Россіи. Въ Силезіи и Польшѣ, въ воспоминаніе испребленія идоловъ 965 года Марта 7 го, въ воскресенье Сырной недѣли (Laetare, Lob-Sonntag) бросаютъ въ рѣки и пруды чучелы, сдѣланныя изъ соломы. Епо примѣнилось къ смерти, къ зимѣ, къ Масляницѣ, кои замѣняли языческое божество (17), уже преданное забвенію въ народѣ и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ увидимъ, сохраняемое завѣщнымъ преданіемъ. Въ восточной Пруссіи и Польшѣ, во вторникъ Масляницы крестьянскія ребята дѣлаютъ небольшую деревянную лошадь, которую наряжаютъ разноцвѣтными лентами и носятъ ее по домамъ съ плясками, играя на скрыпкѣ. Въ каждомъ домѣ даютъ имъ по два или по три гарнца овса, который они послѣ мѣняютъ на горѣлку и съ нею забавляются цѣлую ночь. На другой день женщины ходятъ собирать ленъ или рожь, которые назначаются для

(17) Maslographia, oder Beschreibung des Schlesiſchen Maffel, von L. D. Hermann. Brieg. 1711, in 4. — Handbuch der Germanischen Alterthumskunde v. D. G. Klemm. Dresden. 1836, in 8.

пакогожь употребленія. Первое называется: *chodzie z konkiem*, а другое *chodzie z piekiem*.

Въ Сибири, о Масляницѣ сплочивались нѣсколько огромныхъ саней и устроивался на нихъ корабль съ парусами и снастями. Тупѣ садились и люди и медвѣдь и *госпожа Масляница* и разные паяцы: все епо вообще слыло *Масляницею*; въ сани впрягали лошадей по 20 и возили ее по улицамъ. За епимъ повѣзомъ слѣдовали толпы ребяпъ съ пѣснями и разными прибаупками. Тамъ блины замѣняются *хворостами* — родъ пирожнаго (18). Въ Пензенской и Симбирской Губернїяхъ, въ субботу на Масляницѣ, креспьянскїе ребята спрочупъ на рѣкѣ изъ снѣга родъ городка съ башнями и двумя воропами, между которыми находится прорубь. Игра начинается такъ: ребята раздѣляются на двѣ партїи — на конницу, которая осаждаеть городокъ, и на пѣхоту, которая защищаеть его. Успрочь въ боевой порядокъ, конные, по данному знаку, пускаются во всю прыпъ на взяпїе городка, гдѣ пѣшіе, вооруженные помелами и мешлами, спараются маханїемъ испугашъ лошадей, чпобы не допуститъ къ городку.

18) Записки и замѣчанїа о Сибири. М. 1817, въ 8.

Но нѣкоторыя изъ конныхъ, не взирая на сопротивленіе, прорывающія сквозь пѣхоту и на всемъ скаку вѣвзажаютъ въ ворота снѣжной крѣпости: что и значить *взять городокъ*. Побѣдителя купаютъ въ проруби; послѣ чего угощаютъ виномъ всѣхъ рапоборцевъ, оплечившихся въ пѣхотѣ и конницѣ. Помомъ, слова крѣпость, возвращающіяся въ деревню съ пѣснями. Епою игрой, основанною на какомъ-либо событіи, оканчивается и Масляница (19).

Въ Ярославлѣ на Масляной недѣлѣ, кромѣ угощенія блинами и капанья на горахъ и по улицамъ, есть обыкновеніе, вѣроятно, оспашокъ временъ языческихъ, *пѣть Коледу*, копорую обыкновенно воспѣваютъ въ Россіи о Свяшкахъ (20). Съ четверга епой недѣли толпы фабричныхъ съ бубнами, погремушками, рожками, балалайками и другими проспонародными инструменами ходятъ по домамъ, и пришедши на дворъ, поздравляютъ хозяина съ праздникомъ и говорятъ: *Прикажи, сударь, хозяинѣ, Коледу пропѣть!* Получивъ позволеніе, поютъ:

(19) Записки дѣвиды *Т. К. Каишаджовой*.

(20) Сынъ отечества, 1837, No 15. ст. *Н. Петровскаго*.

Ужъ какъ шли ребята коледовщики.
 Виноградъ , красно-зеленая моя !
 Коледовщики , все фабрищики.
 Виноградъ , зеленая моя !
 (Ешошь прицѣвъ поешся послѣ каждаго-стиха)
 Мы искали двора господина своего ,
 Господиновъ дворъ на семи верспахъ ,
 На семи верспахъ , на осьми шполбахъ.
 Посреди двора , посреди широка ,
 Спояшь при шерема ,
 Три шерема злаповерхіе :
 Въ первомъ шерему красно солнышко ,
 Во второмъ шерему часпы звѣздочки,
 Самъ хозяинъ въ дому , господинъ въ шерему ,
 Хозяюшка въ дому , госпожа въ високомъ ,
 Молодыя дѣвушки въ дому , какъ орѣшки въ меду.
 Виноградъ , красно-зеленая моя !

Послѣ ешого , хозяинъ подносишь имъ
 вина и одѣляешъ деньгами ; коледовщики въ
 знакъ благодарности поюшь :

Благодаршвуй , хозяинъ , на хлѣбъ , на соли и
 на жалованъ !

Виноградъ , виноградъ , красно-зеленая моя !
 Накормилъ , напоилъ , съ двора спушилъ.
 Виноградъ , красно зеленая моя !

Въ Сольвычегодскѣ, на Масляницѣ сваренное общимъ иждивеніемъ пиво, которое вмѣспѣ и распиваютъ, такъ какъ и въ другіе праздники, называется *брашкиною*.

Сцены Руской Масляницы заключаются *провожаньемъ и прощаньемъ*. „На Масляницѣ — „лишепъ очевидецъ Маржерепъ въ началѣ „XVII вѣка — Рускіе посѣщаютъ другъ „друга, цѣлуются, прощаются, мирятся, если „оскорбили другъ друга словомъ, или дѣломъ; „встрѣпясь даже на улицѣ — хопя бы ни- „когда прежде не видались — привѣспшвуютъ „другъ друга взаимнымъ поцѣлуемъ. *Прости „меня, пожалуй!* говоритъ одинъ; *Боеб тебб „проститб!* отвѣчаетъ другой. При епомъ „должно замѣспить, что не только мужчины, „но и женщины считаютъ поцѣлуй знакомъ „привѣспствія, когда гоповятся въ пупъ, „или встрѣпятся послѣ долговременной раз- „луки. По окончаніи Масляницы, всѣ идутъ „въ баню.“ — Чпò и до нынѣ, чрезъ два вѣка послѣ Маржерета, между родными и знако- мыми наблюдается болѣе у пресполудиновъ. Въ Нерехпѣ, въ Сырное Воскресекье ве- черомъ, а въ Зарайскѣ упромъ, ходятъ на кладбище прощались съ усопшими родспвен- никами, къ Священникамъ своимъ духовни-

дамъ, а новобратные носятъ прѣники къ родспвенникамъ (21). Повсемѣстно, предъ шѣмъ, какъ ложишься спать, семейные прощаются другъ съ другомъ: при чемъ дѣши кланяюшся въ ноги родшпелямъ, а слуги господамъ. Подобный обычай, происшедшій изъ Хрїстіанскихъ испочниковъ, ведется между народомъ во всей Россіи. Прощальное воскресенье въ Сибири слыветъ опъ цѣлованья Цѣловникомъ. Въ XVII вѣкѣ, Царь въ епомъ день самъ хаживалъ къ Паптріарху съ Боярами, Окольничими и Думными людьми на прощанье и при епомъ случаѣ угощаемъ былъ медами и романею (22).

Въ епомъ песпромъ праздникъ народномъ, оканчивающемъ зиму, ясно опкрывается смѣсь спшихъ древняго языческаго обряда съ Хрїстіанскимъ обычаемъ, опечеспвеннаго съ чужестраннымъ, спариннаго съ новымъ: олицепвореніе и сожженіе Масляницы, соломенный мужикъ, мѣспное воспоминаніе о Коледѣ, скоморошскія игры, заморскія и народныя, опносятся къ опшпшамъ опъ міра языческаго, а прощаніе другъ

(21) Зашиски М. Я. Діева изъ Нерехшы, К. И. Аверина изъ Зарайска и И. И. Тычинкина изъ Галича.

(22) Древняя Россійская Вивліоѳика. ч. VI, М. 1788, въ 8.

съ другомъ и съ усопшими заимствовано отъ миролюбиваго Хрістіанства.

Осшанки Масляничныхъ яспвій сльвуптъ въ нѣкоторыхъ поволжскихъ Губерніяхъ *поганымъ хлѣбомъ*, который жипели опдающъ бѣднымъ кочевымъ Калмыкамъ (23). Въ нѣкоторыхъ спранахъ Россіи, на первой недѣлѣ Великаго поста, начинаемой у проспюдиновъ *полосканьемъ рта*, п. е. похмѣлемъ, въ субботу пекутъ блины постные: ешо называешся *Тужилкою по Масляницѣ*, коей сцены возобновляющся на Респовеской ярмаркѣ.

(23) Поденьшана. Слб. 1769, въ 16:

Примѣчанія къ пѣснямъ.

- а) *Рыбья зуба.* Такъ въ XXI пѣснопѣтніи древнихъ Рускихъ стихопвореній: „И спойшь бѣседа — „дорогъ *рыбій зубъ.*“ Великій Кн. Ростиславъ въ 1159 г. дарилъ Святослава Олговича *рыбьими зубами.* Герберштейнъ говоритъ, что въ древней Россіи назывались *рыбьими зубами* моржовые клыки, и нынѣ употребляемые на разныя подѣлки. см. *Карамз.* И. Г. Р. т. III, стр. 328.
- б) *Теремъ* однороденъ съ Греч. *τέραμος* и *τέρεμνον*, или *τυμφίδιον ἀπὸ τερέμωνων* дѣвичьи свѣтелки, вышки и оштѣльные покои для новобрачныхъ; у Лукіана они называются *ὑψιλὰ τέρεμνα* *высокіе терема*, о коихъ не рѣдко упоминають народныя Рускія пѣсни. Въ перемахъ жилали дѣвицы и женщины: что, кромѣ свидѣтельства льпописей, подтверждаетъ и пословица: *Въ клѣткахъ птицы, а въ теремахъ дѣвицы.* Самыя святочные игрища принадлежатъ къ *теремнымъ* поѣхамъ.
- γ) Сл. *кузнецъ* (*cuisor*) *ковачъ*, *коваль* обширнѣйшее имѣлъ прежде значеніе, чѣмъ нынѣ — почти такое, какое *золотыхъ дѣлъ мастерь.* *Кузни*

принимается у лѣтописцевъ нашихъ въ смыслѣ золотой и серебряной ковани; почему то и другое слово, повидному, однозначательно съ казною, коей производство отъ гомзы и Персидскаго слова облапынившагося газга кажется отдаленнымъ и высканнымъ. Въ Никон. лѣтш. II, 215. „кузнь церковная.“

б) *Спаса въ Чигасахъ.* Въ лѣтописцѣ подѣ 1483 г. ошмѣчено, что „Заложилъ церковь кирпичную за Яузою С. Спаса Игуменъ Чигасъ.“ Сія церковь донынѣ существуетъ въ Москвѣ. — см. *Карамз. И. Г. Р. ч. VI*, прим. 629.

в) *Полкораблика.* „*Корабликъ*, по изъясненію Словаря Росс. Академіи, родъ спаринной шапки, мущинами и женщинами носимой, у копорой передъ и задъ околыша возвышается въ верхъ оспровапыми козырлями, наподобіе носа и кормы у водоходнаго судна.“ Въ древнихъ Руск. стихотвор. шакъ говорится объ ешомъ головномъ украшеніи:

Кораблики бобровые, верхи бархашные.

Но *корабельникъ*, *корабльникъ* (нобилъ) ешь монета. Здѣсь же, по смыслу пѣсни, указываетъ на первое.

г) *Повалушею* въ Касимовскомъ уѣздѣ называется холодная горница, какія шроятся прошивъ избы черезъ сѣни; ешо родъ *клети*. Разница между *гряднею* и *повалушею* видна изъ слѣдующаго

мѣста въ Арханг. Лѣтоп. 170: „Великій Князь
 „выйде отъ него въ *повалушу*, а Князю Андрею
 „повелѣ себя ждаши, и бояромъ его повелѣ ипши
 „въ столовую гридню.“ Въ пѣснопѣвнн о Добры-
 нѣ въ Древн. Рускихъ спихотв. упоминается,
 что онъ въ Кіевѣ

По горницамъ спрѣляеть воробушковъ,
 По *повалушамъ* спрѣляеть онъ сизыхъ голубей.

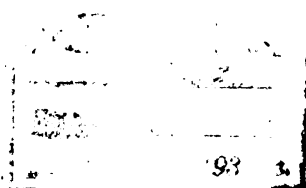
Старая пословица говоритъ, что *Теремъ высокъ,*
а повалуша выше. Чтѣ подтверждаютъ слѣд-
 слова Курбскаго: „Обрѣлъ хранину зѣло высокоу,
 „по ихъ же нарицають *повалуша*, въ самыхъ
 „верхнихъ каморахъ.“ Въ Новгор. Таможенномъ
 уставѣ 1571 г. велѣно брать пошлину „съ хо-
 „ромъ рубленыхъ, горницъ, *повалушъ*, избъ,
 „кльшей“ и ш. д.

При разложеніи спихій въ Святочныхъ пѣ-
 сняхъ открываются въ нихъ однѣ древнія, проис-
 текшія изъ вѣрованія и миѣическихъ сказаній, дру-
 гія (изъ быта народнаго; послѣднія болѣе Нов-
 городскія и Московскія, какъ показываютъ самыя
 слова пѣсень. При переходѣ на Москву Святочныхъ
 игрищъ и пѣсень, повидимому, не ранѣе XV или
 XVI вѣка, къ древнимъ припѣвамъ присоединились
 новыя, замѣшвованныя изъ быта тѣхъ времянь и духа
 правленія; ибо въ нихъ уже воспѣвается Царь. Изъ
 Царскихъ шеремовъ, гдѣ онѣ проявились, въ послѣдствіи
 вѣроятно перешли въ хоромы и шерема боярскіе и ку-

печескіе, а попомъ въ городскія слободы и въ жилища
поселянъ , гдѣ до нынѣ еще удерживаешся , какъ спа-
ринное достояніе народное. Если бы собрашь всѣ свя-
шочныя пѣсни въ Россіи съ ихъ мѣстными ошмѣнами,
дополненіями и вариантами : тогда бѣ можно было
сдѣлать вѣрнѣйшее или ближайшее къ истинѣ заклю-
ченіе о содержаніи, произхожденіи и характерѣ пѣ-
сенъ и самыхъ игрищъ. До сихъ поръ ограничимся
слимъ опытомъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	страниц.
I. <i>Святки</i>	1—64
а. Пѣсни Колядскія и виноградье.	5—69
б. Святочныя	70—87
в. Круговыя	88—100
г. Загадочная	101—102
II. <i>Авсень</i>	103—110
Авсеньевыя пѣсни	111—114
III. <i>Масляница</i>	115—137

NB. Въ I выпускѣ, на стр. 182, должно уничтожить слова: „Литовская Swistoplaska. Рецензія на сію книгу помѣщена къ No 46 *Литературныхъ прибавленийъ къ Руск. Инвалиду* 1837 г. Сочинитель не иначе можетъ удовлетворить требованію указателя къ своей книгѣ, какъ до окончаніи оной.

Stanford University Libraries

3 6105 013 550 020

DK
32
566
V.1-2

DATE DUE	
JAN 28 1979	STANFORD LIBRARIES
MAR 12 1979	MAR 08 1985
MAY 4 1980	
AUG 23 1980	T.L.
STANFORD LIBRARIES	
APR 17 1982	
ILL.	
JUN 1992	
APR 14 1991	

JUN - 1980

